

РОДИНА

ISSN 0235—7089

ИНДЕКС: 73325
1 руб. 50 коп. (по подписке — 1 руб. 25 коп.)

Фото Юрия Рязанова

ПОХОРОНЫ ЭПОХИ

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ?..

Фото Юрия Козырева

ЦК

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

8—1991

Выходит с января 1989 г.

СТАРОЕ

50

«Татаро-монгольское иго» — одна из узловых тем в частых спорах о причинах извечной российской неустроенности. Чем обернулась для страны столь долгая экспансия несвободы? — размышляют участники «круглого стола» по проблемам иноземного нашествия на Русь.

70

Личность российского императора Павла I столь же одиозна, сколь и трагична. Некоторые считали его тираном-сумасбродом, другие — страдальцем-неудачником. Свое мнение на этот счет было и у историка А. А. Корнилова, чей «Курс истории России XIX века» мы начинаем публиковать.

77

Ошибка резидента Абеля. Одну из версий биографии Рудольфа Абеля (Вилли Фишера) предлагает в своей книге «Охотник вверх ногами» Кирилл Хенкин. Близко знавший Фишера, автор не только сообщает читателю массу сенсационных подробностей о работе и жизни Абеля, но и пытается исследовать сложнейшую проблему взаимоотношений незаурядной личности и тоталитарного режима.

НОВОЕ

24

Русское зарубежье. Полемика вокруг некоторых публикаций журнала «Синтаксис» выплескивалась и на страницы наших изданий. Продолжая знакомить читателей с наиболее значительными эмигрантскими изданиями («Новый журнал», «Континент», «Посев»), предоставляем сегодня слово «возмутителю спокойствия».

61

Эмиграция или миграция? — так поставил вопрос публицист Курт Видмайер, предлагающий свое решение проблемы советских немцев.

ВЕЧНОЕ

Об общности исторической миссии еврейского и русского народов размышляет сопредседатель Думы Российского христианского демократического движения Виктор Аксючиц.

75

Письма Гиацинтова сестре. «Везде чужой» — так определил свой эмигрантский статус двоюродный брат актрисы Софьи Гиацинтовой, который после второй мировой войны поселился в Нью-Йорке, откуда и писал горькие письма в Россию.

66

Фольклорные материалы Ольги Щербининой («Баии, качели, дожди...» — «Родина», № 12, 1990 г.; «Тонало притонало в рабочих сапогах» — № 3, 1991 г.), наверное, запомнились читателям свежестью и непосредственным восприятием деревенской жизни. Наш корреспондент снова в дороге. Публикация «Висим, висим — не падаем» — отчет об увиденном.

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕЙ ГОЛЬЦБЛАТ

Противостояние

О правовой культуре российского народа написано много злых, но справедливых слов. «Беззаконный социализм» так бурно развился именно на почве правового невежества, правового бесчувствия. Особенно драматична в России судьба Основного Закона, ствола, на котором произрастает вся крона законов. Конституции у нас не было и нет до сих пор. Попытки создать ее в разные периоды истории увенчивались неудачей.

Что происходит сейчас, в так называемые новые времена?

Похоже, все та же драма.

Мы публикуем две статьи о судьбе российской Конституции. О том, с каким трудом она пробивалась в общество в «мрачные» царские времена и как пробивается сейчас.

Конституции в России не было никогда. Но многие правовые акты по сути, по значимости приближались к ней. В конце XIX века возникла острая необходимость осмыслить, что же такое русское государство, чем оно отличается от других. Взгляды либерально настроенной интеллигенции обратились к немецкой концепции правового государства.

Начальный период реформ 60 — 70-х годов давал основания думать, что Россия стремится к конституционному строю. Но основы правового государства в то время еще не могли быть заложены. Скорее стоит говорить о попытке сопротивления абсолютизму. Наступившая при Александре II реакция похоронила и эту надежду. Проблемы государства перешли в область теоретизирования, они рассматривались преимущественно в русле философии права в кантовском толковании (Б. Чичерин, П. Новгородцев). Например, для П. И. Новгородцева, будущего видного кадета, избранного в I Государственную Думу, основным вопросом было взаимопонимание государства и права. Он признавал наличие «твердых принципов» и «бесспорных элементов» в праве, над которыми ни государство, ни политика не властны. Противоречивую позицию занимал известный теоретик права Б. Кистяковский. С одной стороны, он отрицал марксистскую концепцию и писал: «Право должно действовать и иметь силу совершенно независимо от того, какие политические направления господствуют в стране и правительстве. Право, по самому своему существу, стоит над партиями, и потому создавать для него подчиненное положение по отношению к тем или другим партиям — это значит извращать его природу». С другой стороны, этот прекрасный мыслитель считал, что социалистическое государство даст больше для воплощения идеи правового государства, нежели капиталистическое, которое, по его мнению, стремится к экономической анархии. В таких рассуждениях Кистяковский приближался к русским социалистам, которые упрощенно представляли исторический процесс развития России, не видели диалектическую взаимосвязь экономики, права, государства. Эти иллюзии, эта склонность огрублять сложную картину общественных отношений стали хорошей почвой для будущего «социализма», который принесли на штыках большевики.

Ведь соединение идей социализма и правового государства не только лишено смысла, но просто абсурдно. Если социализм — первая фаза коммунизма, то есть общества, где государства уже не существует, то, значит, и при нем, при социализме, правовое государство уже должно «перспективно» отмирать. Не родившись, оно отмирало у нас 70 лет, унося с собой при этом миллионы жизней. Мы на практике убедились в том, что социализм и право — «две вещи несовместные». И все попытки концептуально оправдать существование подобного мутанта со времен Антона Менгера, который и влиял на наших русских философов, алогичны.

Но вернемся к истории, к судьбе русской Конституции.

В XX веке начался активный поиск конкретного конституционного устройства России. Это было связано с тем, что обеспокоенный народными выступлениями Николай II пошел на издание ряда законодательных актов, содержащих положения, близкие к конституционным нормам.

Манифестом от 6 августа 1905 года учреждались Государственная Дума и «Положение о выборах» в нее. Манифест от 17 октября провозглашал «неотъемлемые права гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собрания, союзов». Манифест сопровождался Всеподданнейшим докладом главы Совета Министров, статс-секретаря графа Витте. В нем указывалось на стремление России к «правовому строю на основе гражданской свободы». Революционные события 1905 — 1906 годов привели здравомыслящую интеллигенцию к мысли, что именно правовое государство — спасение России от гибели, кровавой диктатуры. Но уже в те годы началось роковое политическое противостояние, которое впоследствии стало для общественной жизни России хроническим, как болезнь, и трагическим, как болезнь. Вот что писал об этом в «Вестнике права» 1906 года Н. Палиенко: «При сколько-нибудь относительном равенстве борющихся общественных сил необходим своевременный компромисс интересов, крайняя напряженность и упорство в борьбе делают ее крайне затяжной и острой, влекут за собой быстро развивающуюся анархию и истощают все жизненные силы государства. При таких условиях государству грозят самые роковые последствия: оно легко делается жертвой внешнего завоевателя или свирепых разрушительных диктатур.

В настоящее время Россия переживает именно такой опасный государственный кризис. Единственный выход из него указан уже всеми культурными элементами народа. Он заключается в скорейшем преобразовании государственного строя России на началах свободного правового государства».

Кажется, что этот текст написан всего несколько лет назад. Аналогий того смутного времени с нашими днями действительно очень много. Манифест 17 октября мира не принес. Произошло обратное. Россия была залита кровью. Ибо нельзя одной рукой давать, а другой забирать.

«Надо быть поистине российским бюрократом, проделывающим из своего кабинета всевозможные опыты над народом, надо глубоко презирать не только законы вообще, но и истории в частности, чтобы уверовать в возможность мгновенного создания по приказанию начальства живых общественных сил»,— писал кадет Ланде в «Русской мысли» в 1907 году.

Раскладка политических сил в начале века тоже удивительно напоминает нынешнюю. Как будто нас кто-то вернул к прежнему сценарию.

Манифест от 17 октября и те политические силы, которые его поддерживали (в основном кадеты), были подвергнуты критике справа и слева. Первые видели в Думе угрозу самодержавию. Их идеология привела к массовым погромам «инородцев». Левые характеризовали Думу как сделку помещиков и буржуа, решивших задушить революционный народ.

Таким образом, правые звали назад, к исконно русскому развитию, левые делали ставку на революцию, насильственное свержение власти, удовлетворение явочным порядком требований всех демократических партий. Могла ли в таких условиях быть работоспособной I Дума?! Кадетская фракция, как известно, в первом русском парламенте оказалась в большинстве. Ее предложения сводились к одному: к постепенному переходу от абсолютной монархии к правовому строю. Это не устраивало ни правых, ни левых. Социалисты бойкотировали выборы в Думу, ее деятельность, организовывали стачки и забастовки. Тактика подобного нигилизма была явно легкомысленной. Надежды на то, что после 17 октября ликвидируются и самодержавие, и нарождающиеся буржуазные институты, были следствием правового невежества, неразвитости. Как можно ликвидировать то, чего еще нет? Как без конституции, без правовых норм можно установить 8-часовой рабочий день, свободу собраний, союзов? Явочным порядком? «Никогда никто еще с таким бездонным легкомыслием не призывал к величайшим политическим и социальным переворотам, как наши революционные партии и их организации в дни свободы»,— писал П. Б. Струве в «Вехах».

В этих немыслимых условиях первый русский парламент столкнулся еще и с абсолютно безответственным правительством, которое не ставило ни во что «голос народных избранников». Кадетская «Речь» от 6 мая 1906 года поместила ответ I Государственной Думы на тронную речь Николая, обращенную к депутатам. Дума прямо указала императору на безответственность правительства. Депутаты потребовали освободить Россию от действия чрезвычайных законов военного положения, под прикрытием которых проявляется самовластие чиновников. Ответа не последовало. Зато 8 июля Дума была распущена. II Думу постигла та же участь. Налицо было острейшее правительственное противостояние. Юридический анализ его блестяще сделал на страницах «Речи» видный юрист В. М. Гессен. Корни уходили все в те же половинчатые Манифесты 1905 и 1906 годов. Оба акта вроде упраздняли принцип неограниченной монархической власти. Но, с другой стороны, сильными оставались законосовещательные функции верховного управления. Такая правовая коллизия, по мнению Гессена, должна была неизбежно привести к многочисленным конфликтам между бюрократией и Думой.

Угроза диктатуры нависла над Россией. Вопрос о правовом государстве, о конституционных гарантиях, защищающих личность, прозвучал с новой силой. Столкнувшиеся общественные силы находились в том соотношении, при котором реальна была победа демократических преобразований. К сожалению, возможность эта так и осталась неиспользованной. Зато русские марксисты, как писал А. Изгоев, «существующее стали подменять желаемым и вместо серьезного изучения реальных общественных сил опять предались приятному, но обманчивому фантазированию о грядущих социалистических переворотах».

Газета «Речь» все чаще предупреждала о неизбежных последствиях такого фантазирования и о том, что бывает, если демократические перемены осуществляются неконституционным путем. В статье «Реформа и революция» Э. Гримм, не боясь проводить параллели, сравнивал положение Франции в 1789 году с положением России в 1905-м. Кровавые события 9 января 1905 года, жестокости, совершенные после выхода Манифеста, «все это море насилия, крови, лжи подорвало авторитет всех без исключения представителей старой власти в большей степени, чем в старой Франции». По мнению Гримма, при таких условиях переход событий в России в мирное русло почти невозможен. Единственная надежда — первый русский парламент.

В силу внутреннего противостояния правых и левых, из-за бездарности и безответственности правительства парламент надежд не оправдал. Поворот в сторону правового государства не произошел. Но не наступила еще пока и диктатура. Томительное, изматывающее противостояние продолжалось.

Что происходит в таком напряженном политическом вакууме? В те годы в России окончательно сформировались политические партии. Конституционные демократы, Союз 17 октября, Партия правового порядка. Именно они ставили задачей создание конституционного строя. Но, как мы знаем, параллельно созрела и другая партия, которой суждено было все эти либеральные устремления перечеркнуть. Патологичность большевистского переворота очевидна для всех, кто делал мало-мальски серьезный анализ юридических, правовых процессов тех лет.

Буржуазно-демократические преобразования в рамках конституционной монархии — вот закономерный этап, который должна была пройти Россия. Рационально мыслящая интеллигенция этот этап не рассматривала как окончательный. А лишь как переходный. Необходимый компромисс между отжившим и нарождающимся. В дальнейшем наиболее демократической, приемлемой формой представлялась республика.

Те, кто ясно представлял себе суть экономического и политического положения России, не делали себе кумира из пролетариата, а добросовестно искали те социальные силы, которые способны были решить очередную задачу — перевести Россию в разряд правовых государств. Если этот переход не удастся, полагали они, если Россия не сможет превратиться в свободное правовое государство, гибель ее неизбежна.

Итак, борьба за конституционные перемены, политическое противоборство продолжалась 13 лет. Ни одному из новых властных образований не удалось провести в жизнь какие-либо существенные реформы. Учредительное собрание, призванное установить все же в России этот пресловутый правовой порядок, было созвано слишком поздно. 6 января 1918 года депутаты Собрания так и не попали на второе заседание. Таврический дворец был на замке.

Успех вооруженного восстания большевиков — результат того, что Временное правительство тоже не слишком задумывалось о правовом укреплении власти и очень переоценивало способность масс воспринять демократические преобразования. Перетягивание каната закончилось диктатурой.

И вот через 70 лет, в 1985 году, коммунисты, развернувшие «перестройку», снова заговорили о правовом обществе. Но о таком правовом обществе, где конституция соединится с новым видом социализма. И тут же началось знакомое противостояние. Ради этого безжизненного построения ломаются копья, опять из-за него гибнут люди.

Чего же стоит стремление коммунистов к конституционному строю? И есть ли оно в действительности? Не прикрытие ли это очередного «изма» красивой вывеской, которой будут любоваться в цивилизованном мире? То, как идет сейчас обсуждение новой российской Конституции, то, как она буксует на каждом шагу, свидетельствует об одном — мы глубоко социалистическое, а значит, глубоко нетерпимое к праву общество. И когда вылечимся от этого, пока неведомо. Мне кажется, Конституция, как это было прежде, растворится в борьбе за нее.

В истории России известен такой феномен. Начальный период, следовавший за преобразованиями, всегда воспринимался как прогрессивный. Именно в этот период предпринимались непоследовательные и слабенькие попытки создания правового строя. Но вокруг концепции этого права разыгрывалась такая жестокая борьба, что процесс вдруг поворачивал в другую сторону. Прямо противоположную. Выберемся ли мы из мистического круга? Сумеем ли отойти хоть на шаг от своей трагической истории? Мне пока это непонятно...

ОЛЕГ РУМЯНЦЕВ,
народный депутат РСФСР, ответственный секретарь Конституционной Комиссии

«Проект сверкнул, как молния...»

Написание Конституции — дело не обыденное. Судьба распорядилась так, что я занялся этим трудом, и длится он уже больше года. Поделюсь тем, что остается пока вне гласности.

Идея создать Конституцию России возникла еще до выборов депутатов РСФСР. До того момента, как известно, под руководством академика О. Богомолова шла работа над новой Конституцией СССР. Я участвовал в разработке ее первоначальной концепции. Потом возникла Конституционная Комиссия блока «Демократическая Россия» — один из мозговых трестов оппозиции.

Почему прежде российский Закон, а потом союзный? Логика проста. Принимать новую союзную Конституцию на данном этапе нецелесообразно, если Союз — договорное образование суверенных государств. (Тогда суверенитет лишь просматривался в политическом будущем. Сейчас он во многом — реальность.) Это — добровольно создаваемое «асимметричное» объединение республик с общим экономическим пространством. Асимметричность — в различном объеме делегируемых совместным органам полномочий, что повышает гибкость системы. К Союзу могут присоединиться отдельные республики на правах Содружества. Это потребует заключения нового Союзного договора. Но прежде чем заключать такой договор, нужно упорядочить конституционные структуры в этих суверенных государствах, принять новые Конституции. Иначе все будет поставлено с ног на голову.

«Мозговой штурм» вели самые блестящие умы общества. К I Съезду народных депутатов РСФСР уже был готов пакет серьезных предложений. Я уверен: без столь тщательной и вдумчивой подготовки не было бы успеха того первого нашего съезда, не было бы Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Принятие Декларации 12 июня 1990 года — не просто тактический ход, сплотивший прогрессивные силы съезда. Он ознаменовал собой начало крупной конституционной реформы в Российской Федерации.

Времени нам отпустили в обрез. До второго съезда. Критический же анализ показал: в правке нуждаются не одна и не две, а по крайней мере половина статей прежнего пустого, безжизненного документа, который гордо назывался Конституцией РСФСР. Все — от ископаемой преамбулы до последней, 185-й статьи, написанных на сусловско-брежневском «новоязе», никуда не годилось. Потому было решено создавать совершенно новый вариант.

Мы еще дорабатывали проект, когда «товарищи оппоненты» развернули жесточайшую кампанию по его шельмованию. Первой проснулась Российская Компартия. На своем Пленуме она приняла постановление: проект новой Конституции является антинародным, антисоциалистическим, антисоветским и антидемократическим и направлен... на конституционное закрепление государственного переворота. Наиболее ясно высказался второй секретарь ЦК КП РСФСР Ильин: в базисе новой Конституции, дескать, капитализм, причем в самой дикой его форме, а в надстройке — тоталитарный, диктаторский режим президента в псевдодемократической упаковке. Нас немедленно прозвали «похоронной командой» социализма, рабочая группа должна была откликаться на слово «могильщик».

Погода вокруг нас ухудшалась с каждым днем. Поход против «ниспровергателей советского строя» возглавила газета коммунистов России «Советская Россия», призвав всех единомышленников сказать «НЕТ» конституции взяточников и грабителей. Все это очень напоминало кампании 30-х годов против «банды псов и палачей». Умение проводить «5-минутки ненависти» у НИХ не отнимешь.

Пошли телеграммы. Содержание примерно одинаковое. Груборугательное. В тот период я много думал о том, что же происходит с советским человеком. Стоя по колено, по горло в ... — простите за непарламентское выражение,— он продолжает кричать «Больше социализма!». Хотя вот-вот рискует захлебнуться в нем...

Мы стали получать и другие сообщения. О том, как обкомы и горкомы партии дают указания проводить партийные собрания, сборы трудовых коллективов, чтобы «осудить», «вывести на чистую воду», «разъяснить». Короче, в глубинке началось повсеместное спасение социализма большевистским нажимом. Доходило до смешного. До политических заседаний в ЖЭКах. Да, ЖЭКи включились в борьбу с Конституцией и окончательно перестали чинить крыши... Мы получили письмо из Калуги, от секретаря парторганизации ЖРЭУ-6 К. Платонова. «Открытое партийное собрание нашего жилищного районного эксплуатационного управления обсудило проект Ельцина и Румянцева. Это не что иное, как демонтаж общественного и государственного строя. Там даже нет таких терминов, как «социализм», «советский». Это антинародный документ. Другое дело — проект группы народных депутатов «Коммунисты России».

Неожиданную «правовую принципиальность» вдруг проявили в Липецкой области. Из 650 телеграмм, пришедших в Комиссию за двадцать дней, пятая часть была именно оттуда. Послания отличались удивительной схожестью. Решительное «нет» в них граничило с угрозами. Я выступил по «Радио России», высказался на этот счет. Я был глубоко убежден, что отклики инспирированы обкомом КПСС. Руководители области немедленно прислали на меня бумагу в Комиссию по этике с требованиями сатисфакции...

Между тем то, что было в Липецкой области, знакомо нам до боли. Например, партком проводил общее собрание трудового коллектива СТОА, провозглашенное коммунистами местным партийным форумом. Кворума не было. Против проекта голосовало несколько человек. И этот результат триумфально подавался как «мнение народа». Позже, на собраниях других цехов того же предприятия, проект поддержали и даже выражали недоверие партийной организации. Но это осталось за скобками.

Во многих райкомах КПСС под расписку раздавали руководящие указания с тревожным вопросом «Будет ли Россия социалистической?» в заголовке. Это был своего рода цитатник. Аргументы против нашей концепции, которые следовало внедрять в народное сознание.

Многие облсоветы тоже пережили трудные часы во время обсуждения наших «подрывных действий». Депутатов пытались дезинформировать, сказав, что проект с обсуждения на сессии Верховного Совета снят, что нас чуть ли не разогнали. А когда в Липецке народный депутат РСФСР по Новолипецкому округу попытался опровергнуть слухи, микрофон просто отключили.

Знакомый почерк, не правда ли?

В ответ на действия коммунистов липецкая интеллигенция, рабочие, служащие начали собирать свои собрания. Борьба вокруг проекта привела к тому, что в Липецк выехала бригада Верховного Совета РСФСР. Ее задачей было изучить общественное мнение беспристрастно, пользуясь социологическими методиками. Выяснилось, что отрицательно относятся к проекту процентов 14. Совсем не приемлют — всего 6.

Но коммунистический артобстрел дал-таки желанные результаты. Граждане стали ощущать определенный дискомфорт в связи с упоминанием какой-то одиозной Конституции. Мы тоже сделали много промахов. Разработчики настолько увлеклись самим проектом, что забыли: ведь живем в неправовом обществе, каждый шаг нужно терпеливо и доступно объяснять. Мы упустили инициативу. И ее подобрали коммунисты... Жаль, что и либеральная пресса избегала серьезного разговора о Конституции.

На II съезде намеченное обсуждение проекта из-за угрозы раскола сделалось невозможным. Верховный Совет, посоветовавшись с нами, снял вопрос о Конституции с повестки дня.

Мы не хотели, чтобы съезд, Верховный Совет раскололись на два враждующих лагеря еще и из-за Основного Закона. А потому пошли на компромисс. При подготовке поправок решили не вводить новое, а изымать из Конституции те положения, которые мешают двигаться дальше.

Но все это, как оказалось,— полумеры! Компромиссы загубили закон о частной собственности на землю. Какие еще нужны аргументы? Конституция, вопрос о земле все переносятся и переносятся на более позднее время. Какое же время? Когда оно будет? И кто его дождется при таких черепашьих темпах? Увидев болезненную реакцию общества на проект Конституции, даже самые смелые и демократичные из депутатов стали нам намекать: «В переходный период не до Конституции. Много других проблем...»

Но как же решать другие проблемы, не имея новой основы? Может быть, именно ее отсутствие делает хаотичной работу Верховного Совета России, съездов? Иногда здесь не видно четкой законотворческой линии, плана действий. Странным кажется такой порядок, когда сначала принимаются законы, а затем — под принятые уже положения — «кроится» Конституция. Мало того: забыто главное, ради чего нас собирали. Россия должна стать суверенным государством, опорой нового Союза. А это невозможно без своей полноценной Конституции!

Неверны утверждения депутатов Б. Исакова и С. Бабурина, что «надо погодить» и, дескать, надо закрепить Конституцией то, что мы сейчас оперативно (а возможно, недальновидно!) меняем. Нет, только новый документ даст толчок новой жизни.

Не имея конституционной опоры, сегодняшние реформы — в частности, земельная — вполне могут пойти не по русскому, а по китайскому пути. То есть по пути временного решения «проблемы риса», при сохранении тоталитарного режима. Но «риса» опять хватит ненадолго. За 70 лет мы ведь в этом убедились.

Один из самых замечательных итогов работы над проектом Конституции — то, что вокруг нее сложился высокопрофессиональный коллектив. Это настоящие подвижники, люди, готовые преданно и бескорыстно служить России. Это — депутаты В. Адров, Е. Амбарцумов, Ф. Арсланова, Л. Волков, Б. Золотухин, С. Ковалев, С. Сироткин, П. Медведев, Ю. Рыжов, Ф. Цанн-Кай-Си, В. Шейнис, Ф. Шелов-Коведяев. Увы, ушел от нас Р. Пименов, до последних дней работавший над проектом... У нас, наверное, самая сильная в обоих парламентах группа экспертов — В. Зорькин, В. Кинотъ, Л. Мамут, Б. Страшун, Э. Аметистов, Б. Пугачев. Увы, эти люди сейчас утратили оптимизм. Нас не поддерживают и те, на кого мы больше всего рассчитывали, например, Руслан Хасбулатов. Исторический рефлекс — недопонимание значимости Конституции — приводит к тому, что сама Конституционная Комиссия становится как бы вторичным, временным, образованием а Верховном Совете. Вот она подготовит документ — и исчезнет. В то же время подобные комиссии существуют в ряде западных парламентов. Конституционную комиссию сената США возглавляют популярные сенаторы Э. Кеннеди, П. Саймон, Д. Метценбаум.

Тем не менее итоги нашей работы не такие уж печальные. Даже наоборот — обнадеживающие.

Оппоненты признают: «Проект сверкнул, как молния...» А потому всех напугал. Но разве это плохо? Именно такой решительный поворот и вывел некоторую часть общества из правовой, вернее, бесправной дремоты. Обсуждают, ругают, хвалят, письма шлют. Интересные предложения. Люди зашевелились, задумались над своими правами. Это — тоже результат.

Из десятка тысяч писем, пришедших в адрес Конституционной Комиссии (причем многие из них, как я уже писал, инспирированы), поддержку нашей концепции выражают 40 процентов авторов. 35 процентов дают серьезные советы. И лишь 25 — проявляют негативное отношение.

Не сразу, как мы хотели, но конституционная реформа идет. Вот уже у России есть Президент. На очереди избрание Конституционного суда, десоветизация местного самоуправления, создание новых экономических судов и так далее. На следующем этапе предстоит уладить внутригосударственные отношения в Российской Федерации. Один из путей — временные (до принятия Конституции) двусторонние протокольные соглашения с четкими взаимными обязательствами. Но очень не хотелось бы, чтобы Федеративный договор подменил российскую Конституцию. Это превратит РСФСР из конституционной федерации в договорную и существенно ослабит единство России.

А уж после обсуждения и принятия всенародным голосованием новой Конституции Российской Федерации следовало бы заключать Союзный договор... Мы продолжаем доработку проекта. Концепция осталась прежней. Той, с которой мы шли еще на I Съезд народных депутатов России. Иной, лучшей, нам пока никто не предложил. Существует альтернативный проект «Коммунистов России». Мы попыталась найти с ними консенсус, насколько это было возможно, чтоб не выплеснуть с водой и младенца. Поиски общего языка продолжаются...

ИГОРЬ КОЦ,
соб. корр. журнала «Родина» по Дальнему Востоку

ПОМИНАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

*Президентский визит был спланирован на Радуницу * скорее по недомыслию, чем из расчета. Ведь не нарочно же стратеги со Смоленской площади приурочили японский старт М. Горбачева — пышную встречу в токийском аэропорту, визит к императору, неофициальный обед, официальный ужин, первый раунд переговоров, праздничный концерт, — не умышленно же привязали всю эту грандиозную суматоху к покаянному дню российской печали.*

Однако случилось то, что случилось. И в день, когда в императорском дворце заканчивали изысканную сервировку столов, неструганые столы покрывались полотенцами на несчитанных смиренных кладбищах. И в час, когда со всех телеэкранов Японии улыбалось лицо Президента и даже родимое пятно у него на лбу будоражило мир схожестью не то с Итурупом, не то с Кунаширом — «северными территориями», меня окликнула на курильском погосте женщина: «Прошу вас, помянем моего мужа. Мне пора уходить, а его друзья запаздывают. Прошу вас...» И в миг, когда правительственный хрусталь зазвенел эхом отшлифованных тостов, безмолвно и грустно поднялись стаканы на всей островной притихшей территории...

Такие вот совпадения — нарочно не придумаешь. Я и не придумываю. Было ветрено в природе и муторно на душе. У могилки, слева от нас, вполголоса переговаривались подростки; их одноклассница погибла под колесами грузовика, которым по дикой случайности управлял ее же отец; у местной милиции хватило сердца закрыть уголовное дело. А чуть повыше, в просторной ограде, нашла покой целая семья — почти в одночасье: сначала умер от болезни глава, потом, переправляясь на лошади через речку, утонул сын, а вскоре горе убило его потрясенную мать.

А чуть пониже нас... Но долго можно скользить глазами и мыслями по каменистому склону сопки, где каждая складка топорщится горьким сюжетом судьбы. И каждый новый все равно не объяснит, почему так нужен этот день живым.

Мы, впрочем, отвлеклись от большой политики. А это странно на островах, где не политизированы сегодня разве что кладбищенские вороны. На тех сейсмоопасных островах, которые накануне президентского визита трясло от охотничьего озноба репортеров. Островитян терзали на улицах, в магазинах и подворотнях. Собкор из еженедельника «Россия» нырнула вслед за несговорчивым старожилом в горячий природный источник. Парни из Ти-би-эс, разбив посреди луж игрушечную электронную палаточку, гнали прямые репортажи на Японию в фантастических количествах, сравнимых только с весенней посевной на экранах ЦТ. Но всех превзошли тихони из районной газеты «На рубеже», напечатавшие поминутный (!) график визита за неделю (!) до его начала.

Нашествие корреспондентской орды (по апрелю здесь дежурило больше журналистов, чем по всем послевоенным десятилетиям) распаляло островные умы. Несокрушимая российская логика подсказывала: т а м деньги на ветер не швыряют, и коль посылают по казенной надобности эдакую прорву народа — быть купчей на острова. Население реагировало по этому поводу всяко. Безвестная жительница Шикотана, например, в сердцах отвернулась от японских телекамер и даже задрала юбку. Но в целом курильчане охотно шли на контакт с нашим братом, тоже захваченные штормовой круговертью в центре Мирового океана и внимания.

Тем неожиданнее был отказ моей давней знакомой, прожившей на Курилах сорок пять лет, сказать в микрофон несколько слов о текущем моменте.

Хотя сказать было что. Героиня очерка «На краю земли» («Родина», № 2 за 1991 год) Ираида Петровна Маханькова, напомню, на Курилы приехала, когда здесь еще прятались в бамбуках уцелевшие камикадзе. Замуж вышла за бывшего пулеметчика, участника курильского десанта Советской Армии на Шумшу. Но среди лучших подруг ее были японки, и в 1948-м, когда тех вышвырнули с островов, русская женщина плакала на плече у японской. Кому и говорить-то о возможной передаче Курил, как не человеку, на глазах которого их уже предавали однажды? Кто искреннее скажет о чувстве своего родного очага, если не свидетель того, как бесцеремонно рушили очаг японский?

Владивостокская киногруппа, положившая в основу будущего фильма очерк в журнале «Родина», в полном составе уговаривала героиню поведать о пережитом с экрана. Тщетно! Дело в том, что режиссер планировал этот ключевой монолог не где-нибудь, а именно на кладбище, в родительский день, на могиле Валентина Михайловича Маханькова, освобождавшего «исконно русские земли». Но в ответ на возбужденные тирады об особенностях киноракурса и политического момента прозвучали слова как бы из другой галактики.

— На кладбище говорить не буду,— пожевав губами, строго сказала седая старушка.— Грех это, милые...

«Милые», точно знавшие, что нынче на кладбищах запросто митингуют и даже проводят конкурсы красоты (вспомнить хотя бы главный некрополь страны), пытались по инерции возражать: «Ну какой же грех, Ираида Петровна, коли вы не про цены на консервы будете говорить, а про вечные ценности! Ну, давайте вместе подредактируем...»

Героиня вздыхала и жалостливо глядела на ущербных людей, не понимавших, что дело не в суетности предложенного ими текста, а в том, что на могилах суетно все, кроме самих могил.

Я провел на кладбище Курильска вторую половину вторника 16 апреля 1991 года — на прибранном кладбище, истинно похожем на погост, в грязном городишке, не похожем и на пригород. Парила земля, напитанная дождями. Оглушительно каркало воронье. Ребята из «Дальтелефильма» снимали «жанр», мужественно отказываясь от поминальных стаканов, которые предлагались со всех сторон. А я бесцельно бродил по тропинкам между оград, ощущая свою здесь ненужность. Или, что будет точней,— чужеродность. Наверное, кладбище становится своим тогда только, когда на нем есть хотя бы одна близкая тебе могила. Это как в чужом и пустом городе, где вдруг встречаешь старого друга,— сразу светлеют и серые дома, и мрачные мысли; и уже будешь стремиться всегда в этот город, где ждет если не встреча, то память...

Так ждал меня в Курильске Иван Романович Бессараб. Я как раз собирался позвонить ему вечером, предложить сняться в эпизоде — памятуя, как хорошо говорил при последнем нашем, ноябрьском, чаепитии этот многоопытный человек (рыбообработчик, китобой, плотник, мастер, инженер по ТБ стройуправления, снабженец, пенсионер), тридцать три года отдавший Курилам. Я ждал вечера, а Бессараб, оказалось, ждал меня — хвойными лапами на свежей могиле. Вечнозеленым убранством на вечной земле, не знающей, что она — «северные территории».

Вспоминаю почему-то рассказ Бессараба, как после круиза по Японии его пригласили в райком — поделиться впечатлениями. Время было строгое, при беседе присутствовали Брежнев (на портрете) и местный гэбэшник (как таковой). А неулыбчивый секретарь, выслушав подчеркнуто скупой отчет туриста, сумрачно глянул в область бессарабовского подбородка:

— И какой же строй лучше?

Можно было, конечно, отшутиться, ибо нельзя же отвечать серьезно на такие вопросы. Но тогда еще не было принято ехидничать в партийных стенах. Иван Романович и не стал, а буркнул уклончиво:

— Сами съездите и посмотрите!

Итоги весеннего курильского референдума поразили даже японцев: 20 процентов населения проголосовали за передачу островов. Причем всего лишь год назад эта тягостная цифра была вдвое меньше. И я допускаю также, что еще лет через пять нашей развеселой жизни за передачу Курил выскажется каждый третий.

Ну, а как быть с теми, кто «против»?

Сегодня примерно 20 тысяч курильчан не хотят жить под японским флагом. Наверное, нужно усилить среди них разъяснительную работу? Пообещать каждому «тоёту» и коттедж на Иссык-Куле? Хорошо, перекуем еще тысчонку-другую. Что дальше? Изолируем самых горластых? И это можно. Депортируем самых упорных? Пожалуйста.

Но что все-таки делать с бабкой Маханьковой?

Ее не соблазнишь машиной-иномаркой. И в очередях она не «выступает». И на митинги не ходит. А ходит на курильское кладбище, где отказалась позировать киношникам. Где ее муж лежит в оградке, между прочим, на двоих, а рядом, в маленькой,— внучка двухлетняя. И живые внуки бегают по земле, на которой они родились и где их бабушка прожила худо-бедно сорок пять лет, никак не гадая, что на склоне пути сподобится в «квасные патриотки».

Махнуть свысока на бабульку — как топором сплеча? Дескать, что за лесоповал без щепок? Можно и так, конечно. Но ведь было уже все это. Многократно описано и осуждено. И режиссер киногруппы Владимир Патрушев уже снимал, между прочим, родительский день на кладбище — на обреченном кладбище в уходящей под воду дальневосточной деревне Харитоновке. И от этой съемки тоже, как от мухи, отмахнулись, а фильм зарубили чиновные топоры — и только лет через десять писатель Распутин плеснул нам в глаза боль Матеры, и мы вдруг прозрели.

Выходит, опять требуется пророк? Для отдельно взятых Курил? Только ведь прошло время писательских открытий. Само государство неустанно проповедует идеи всепрощения, агитирует за «суверенитет личности» и «нравственные приоритеты». Спасением наших растленных душ озабочены союзный и республиканские парламенты, политические партии, министерства и ведомства; даже производители материальных благ завспоминали о цене человеческого материала. А писателя-пророка включают в токийскую бригаду Президента, что, конечно же, и на мировой арене олицетворяет наши обновленные духовные искания.

Вот только кричать о матерах некому.

Но, может, это теперь и не нужно?

— Ищите, мужики, ищите,— уговаривал нас оператор Василий Рещук (профессиональный художник, три персональные выставки, 87 отснятых фильмов).— Ищите характеры, мужики, солнце уходит!

Киношники делали крупную ставку на «кладбищенский жанр». Но скупа на краски выдалась курильская Радуница. Не было традиционных материковских нищих. И почти ритуальных горьких алкашей, блуждающих между могил, сноровисто крестясь. Не было ни надрывной разудалости, ни пьяного хвастовства, ни надлома, без чего не обходится ни один — сколько я их повидал! — поминальный день. Сдержан был, к огорчению оператора, и почти трезв погост, и только вороньи тучи метались над разложенными на могилах угощениями и скрипуче орали от радости.

Я мог бы предположить, в чем, наверное, есть доля истины, что сдержанность пришедших на кладбище курильчан — суть их тревога за будущее своего острова и дома накануне высоких переговоров. Но эти складные умозаключения просятся на бумагу сейчас, когда политики уже рассмотрели под лупой каждую запятую советско-японского Заявления, когда на слуху новая встреча в верхах, когда, наконец, режиссер состыковал за монтажным столом японские дворцовые люстры и восковые русские свечки.

Но тогда, апрельским вечером, на девятый день от Пасхи, в голову лезли другие мысли.

Думалось о японцах, чьи могилы вперемежку с нашими щедро рассыпаны по склону сопки. О них, а отнюдь не о реакции старожилов на последнее интервью премьер-министра Кайфу расспрашивал я Анастасию Павловну Барышникову, с которой познакомился на кладбище. И сама Анастасия Павловна в конце разговора всплакнула не от избытка политпереживаний, а потому что вспомнила японского друга (мне показалось, больше, чем друга) Фурату, старосту кунаширского рыбокомбината: «Я на причале ревела как белуга, когда Фурату увозили...»

А еще о родителях думалось, что лежат на хабаровском кладбище справа от входа: кто к ним сегодня придет?

О Мишке Арбатском, однокурснике, сгоревшем от рака три года назад.

О себе немножко.

Где-то плакали, где-то молчали, где-то негромко спорили, где-то вдруг коротко хохотнули: живые поминали ушедших, как и год, и два, и сорок, и тысячу лет назад. И удивившая нас поначалу сдержанность курильчан означала, конечно же, не тревожную их зацикленность на «территориальном вопросе», а всего-навсего нравы маленького островного городка, где в большинстве не умеют ловчить, но умеют скрывать эмоции. Курильчане поминали ушедших, как это делают живые на любых клочках суши, при любой власти, под любые молитвы. Независимо от того, что говорят правители, или пишут писатели, или показывают звезды...

Неделей позже я попытаюсь объяснить это молодым парням из «Асахи-симбун», которые поселятся в единственном «люксе» затрапезной курильской гостиницы — окнами прямо на кладбище. Японцы будут вежливо соглашаться, кивать, чиркать что-то в своих блокнотах, потягивая пиво из запотевших баночек.

Но это будет бесплодная трата времени и для них, и для меня.

Потому что это не они кусали локти, как наш оператор, когда уже в сумерках, уходя домой с сопки печали, мы случайно заметили женщину — по пути к *своей* могиле она бережно раскладывала конфеты и крашеные яйца на *своих* японских могилах. Потому что мы не были вместе у другого, не «люксовского», стола, за которым не чокаются фирменными баночками и не отвлекаются на суетные звонки из редакции. Потому, наконец, что и Горбачев с Кайфу не участвовали в нашем курильском застолье, где не заказывают меню, но заказаны распри, а любому гостю предложат рюмку горькой и горсть кутьи — без всяких предварительных условий...

Как это и положено у людей.

Но в этот вечер 16 апреля 1991 года Горбачев с Кайфу заканчивали первый раунд переговоров;

корреспонденты ЦТ заканчивали первый репортаж об «историческом прорыве» двух великих держав;

автор этих строк заканчивал первую чашку чая в доме Ираиды Петровны Маханьковой.

Еще все было впереди. Жесткое столкновение в «верхах». Двусмысленные рапортички ТАСС. Дополнительный раунд по «территориальному вопросу». И еще один. И еще...

Впереди было все, кроме этого вечера. Кроме старой женщины, наливающей чай из самовара. Кроме щемящего долгого разговора. А за окном светло и тихо скользил по опустевшей сопке туман, накрывая саваном Территорию — не «северную» и не политическую, а Богом данную,— где ныне и присно и во веки веков суверенны судьбы; где в одной земле, в одной печальной ограде спят русские и японцы, которым, к счастью, нечего делить.

о. Итуруп

* Радуница — праздник поминовения усопших родственников.

ВИКТОР АКСЮЧИЦ,
народный депутат РСФСР, сопредседатель Думы РХДД

СРЫВ

ДВА НАРОДА — ЕВРЕЙСКИЙ И РУССКИЙ, ИМЕЯ ВЫСШЕЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ, ПРЕДАЛИ ИСТИНУ И ПАЛИ ВО ЗЛО.

Чтобы понять глубинный смысл и оценить глобальное значение борьбы за Русскую идею, необходимо сравнить ее с судьбой религиозно-националистической идеи еще одного мессианского народа — еврейского. Русский и еврейский народы, при всем различии их характеров и истории, имеют нечто общее. И это общее лежит в духовном измерении. Ни один народ в мире не мыслил и не говорил о себе, что он есть народ богоизбранный — как еврейский и богоносный — как русский. И не про один народ в мире не говорили так другие народы. Их объединяет острое чувство мессианизма, что нужно отличать от исторического миссионизма, то есть ощущения каким-либо народом своей миссии, задания в истории. Миссионизм ограничен какой-либо исторической задачей — большой или малой,— но задача эта стоит только в пределах истории. Мессианизм же направлен за пределы истории, в грядущее, к концу веков. Миссионизм сам по себе не частое явление в истории, но все известные имеют частный характер: культурный миссионизм греков, государственный и правовой миссионизм римлян, националистический миссионизм немцев, имперский миссионизм англичан, миссионизм демократии у американцев. Но только у русского и еврейского народов в основе исторического самосознания лежит идея мессианская. Убеждение это покоится на вере в Мессию — Спасителя и на вере в конечное торжество Царства Божьего, которое грядет с Мессией.

Таким образом, жизнеощущение, национальное самосознание и чувство исторического призвания еврейского и русского народов укоренены в вере в Спасителя-Мессию. Можно сказать, что эти два народа видели свою земную миссию в мессианизме. Но содержание мессианских идей у них различно. Судьбы этих народов настолько трагически переплелись, что имеет смысл рассматривать в сравнении формирование их религиозных идеалов.

Еврейский народ был порожден духом религиозной исключительности. Вокруг Моисея в Египте сплотились *разноплеменные группы, объединенные общей верой* в Единого Бога Яхве. Исход из Египта был выходом в свет нового народа, который не создан долгим естественноисторическим отбором, а рожден в одночасье инстинктивным, но мощным объединяющим духовным импульсом. Новый народ породила новая вера, и религию эту нес в себе только этот народ. Вне еврейства нет иудаизма, а вне иудаизма не может быть еврейства. Из исторической судьбы еврейства до распятия Христа выпадают те племена, которые отпадают от веры в Яхве и в Мессию. Итак, еврейство сплачивается как народ, живет и несет в себе религию, которая есть вера в Единого Бога, есть вера в Мессию и есть убежденность, что иудаизм — единственная истинная вера. По отношению к нему все прочие просто формы неверия.

Когда многострадальная и кровавая история нарождения этой религиозной истины в народе заканчивается воплощением Самой Истины в образе человека-единоплеменника, абсолютное большинство евреев не признает Воплотившегося Бога и предает Его распятию.

Бóльшая часть евреев, не приняв Христа, изменяет своей исторической и религиозной миссии и тем самым меняет свою природу. Нехристианское еврейство перестает быть наиболее метафизическим, самым высоконравственным народом своего времени. Религиозная метафизика, опаляющая нравственность ветхозаветных писателей и пророков, резко выродилась в талмудическое законничество, в нравственную беспринципность и сервилизм. Это была плата за предательство и распятие Истины. Все усиливающаяся умственная и нравственная выхолощенность еврейства является формой непризнания собственного преступления, неприятия своей вины и болезненного отталкивания от Распятия. Еврейская культура и судьба в христианскую эпоху во многом определяются слепым самооправданием за совершенное предательство Христа. Так самый метафизический народ в мире превращается в самый антиметафизический. Дух антихристианского еврейства — один из наиболее разрушительных и разлагающих духов современности. Утративший мистическую глубину еврейский разум порождает безбожную античеловеческую идеологию и создает мертво-рационалистическую, нравственно-позитивистскую картину мира. Современные властители дум, «маги» антихристианского еврейства диктуют представления о Вселенной (Эйнштейн), о человеческой душе (Фрейд), о законах истории (Маркс). Создают современную «науку наук», науку обо всем и ни о чем, о связи всего на основе «ничто»—«черного ящика»—кибернетику (Винер). Все это гениально сложно, местами глубоко, все очень «полезно» и «продуктивно» для телесного «блага человека», но золотые зерна истины зацементированы в этой картине антитеистической и антиперсоналистической установкой.

После распятия Христа внутри еврейства определилась малая часть, которая восприняла спасающую Истину, сохранила ее и донесла до других народов. Без этих людей мир не знал бы откровения христианства. В лице немногочисленных избранников еврейский народ выполнил свою всемирно-историческую миссию, сохранил условия общечеловеческого исцеления и спасения. Отныне в самом еврействе былой метафизический дух и нравственная твердость возвращаются *только* с принятием Креста Христова.

Величайшую миссию подстерегал великий соблазн. Еврейский народ большей частью соблазнился о Христе, меньше же — сохранил верность своему призванию. История не окончена, не окончена и судьба еврейства. Какая из сторон расколовшейся национальной души восторжествует — определится свободным религиозно-национальным выбором еврейства.

Историческое самосознание русского народа тоже начинается с рождения духовного — с крещения в Православие. То, как русский народ принял крещение, само по себе является чудом. Нельзя сказать, что какая-то готовность к христианству была во всем народе. Но в немыслимо короткие сроки народ искренне и глубоко обратился. Сопротивление христианству, по сравнению с другими народами, было мизерным. Через сто лет после крещения Русь уже была традиционно христианской страной. В строе жизни,

в мировоззрении, в жизнечувствии людей были восприняты коренные христианские идеалы: любовь, милосердие, прощение. Можно сказать, что крещение Руси — это своего рода Богоявление. Оттого русский народ очень скоро и ощутил свою богоносность. Но когда из Русской идеи выпадает христианский стержень, происходит великое падение, ибо это означает духовную смерть.

Как и еврейский, русский народ очень рано осознал свое религиозно-национальное призвание. Русская идея была идеей служения Христу и подчинения этому служению всей жизни. Поэтому русский народ остро ощущал свою богоносность, свой мессианизм.

Еврейский народ *избран* Богом для служения другим через служение высшему в себе. Русский народ *несет* Бога в себе для других. Полное проявление обеих миссий наделяет эти народы божественным достоинством. Когда же эта религиозная ориентация вырождается, на ней паразитируют демонические силы. Еврейский народ замыкается в националистической гордыне, изгоями становятся не только «неверные» Слову Божьему, но и *все* неевреи. Русский народ превращается в слепую экспансионистическую стихию, несет народам подменную «истину». Так пики духовного подъема обрываются пропастью.

Русский народ не смог сохранить верность открывшимся ему христианским идеалам в той полноте, которой требовала его историческая миссия. Постепенно совершается отказ от Русской идеи и тем самым измена собственной духовной природе. Очевидно, началом внутреннего отказа от «Русского Христа» было торжество иосифлянства * над традицией нестяжательства. В предыдущем накапливались отдельные соблазны и отступления. В иосифлянской церкви, которая претендует на роль общерусской, внешнее благочестие, подменяющее христианское воспитание души, сервилизм в отношении к государственной власти, отсутствие нравственной взыскательности, обскурантизм и болезненный консерватизм становятся господствующей ориентацией. В последующие периоды происходит историческое накопление результатов этого ложного выбора. Очевидно, самым опасным для прельщения звеном в Русской идее оказалась концепция «Святой Руси», «Москвы — Третьего Рима», так же как в еврейской мессианской идее — концепция «Царства Божьего» на земле. Истинный религиозный идеал — в неотмирности, в небесности «Царства Божьего», которое есть Новое Небо и Новая Земля. В этом самая глубокая религиозная истина, которую впервые обнажает христианство: цель мира сего — за пределами мира, жизнь есть путь человека, ведомого Богом в Царство Божие. Поэтому Богочеловек с небес воплотился на земле: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

Раскрытие этого высшего идеала чревато великими соблазнами. И вот русский и еврейский народы соблазнились о Царстве Божием. Еврейство разработало теорию хилиазма — тысячелетнего Царства Божьего на *земле*. Распятием Христа оно обрекло эту установку на *безбожность*. Царство Божие без Бога — это основной срыв и русского духа. Высокий идеал «Святой Руси», «Москвы — Третьего Рима» был подменен идеалом *иосифлянским* — «священным царством», которое должно огнем и мечом насаждаться внутри и нестись во вне. Идеал свободы, любви и правды подменяется идеалом рабства, насилия и беспринципности. Более того, идеал сам по себе видится не в сфере идеального, но отождествляется со сложившимися историческими формами. «Святая Русь», по иосифлянству, не на небе, а на грешной земле, а московский князь есть «Святой Царь Святого Града». Естественно, что историческое воплощение такого заниженного и искаженного идеала оказывалось еще более безобразным, чем то, к чему он призывал. Этот иосифлянский соблазн «царством» и выпустил на арену русской истории новые мощные духи разлада и расщепления.

Духи зла паразитируют на энергии устроения «Святой Руси». Идеал «Москвы — Третьего Рима» как духовного града правды и справедливости подменяется уродливой маской иосифлянского «священного царства». Но подмена эта не обнаруживается и до сих пор, что породило массу смещений и путаницы. Так, Н. Бердяев возводит «истоки и смысл русского коммунизма» к самой Русской идее. По его мнению, «Святая Русь» могла породить только советскую Россию, а идеал «Москвы — Третьего Рима» органично развился в идею Третьего Интернационала. Это роковое заблуждение не только вымарывает все благое в русской истории, но и лишает современность всех надежд на возрождение. Ибо без истинно Русской идеи, равно как и без очищения ее от искажений и паразитаций на ней, русскому народу не восстать из пепла.

Таким образом, с иосифлянского срыва в русской душе постепенно разнуздываются демонические силы. Нарождающиеся и обретающие историческую плоть коварные духи зла паразитируют на Русской идее, унижают и искажают ее высокие идеалы. Опричнина Грозного, Смутное время, Раскол, петровские «реформы», рационалистическое разложение христианства в XVIII веке — все это этапы размывания духовных устоев России. Трагический срыв русской истории в 1917 году не в последнюю очередь является следствием и итогом отпадения русской жизни от Русской идеи. Характер нашего народа так же изменился к худшему после отступления от христианских идеалов, как и характер еврейского после распятия Христа.

Отказ от истинных христианских идеалов вызвал расслоение в русской душе. На исторической арене все больше торжествовали нехристианские ценности, но в глубине жизни сохранялась и оттачивалась Русская христианская идея. После Петра I она продолжилась не в царстве, не в историческом теле церкви, не в исторических деяниях народа, а в народном благочестии, в русской святости и русской гениальности.

Итак, два народа, считающие себя мессианскими, дали миру новое откровение, но и совершили духовное преступление — хулу на Спасителя. Падшая часть еврейского народа оформила радикальную атеистическую доктрину — марксизм — самую изощренную форму антихристианства как самооправдания. Падшая часть русского народа наплодила сонмы духов зла. Природа «русского коммунизма» покоится на двух «китах»:

1) еврейская атеистическая коммунистическая идея, взращенная в формах западноевропейского рационализма, материализма и позитивизма;

2) русское духовное помутнение, ставшее *почвой и плотью* этой богоборческой идеи.

Хотя идеология богоборчества была сформулирована на Западе, так воплотиться она могла только в России. С одной стороны, ясно, что идеология разрушения — совершенно чуждое явление для России, с другой же — она нигде в мире не дала такие всходы, как в России. Современный мировой погром есть во многом плод греха двух мессианских народов. Души русского и еврейского народов соединились во зле, что породило форму *антихристианского мессианизма* или лжемессианизма. Россия и еврейство

* Имеется в виду движение последователей св. Иосифа Волоцкого (вторая половина XV века), утверждавшего паритет духовных и земных интересов Церкви. Это стало одной из причин подчинения чисто христианских идеалов Церкви государственно-светским.— *Прим. ред.*

ощущали призвание спасти весь мир, но создали интернационал разрушения.

Этим объясняется тот факт, что антиномические отношения мессианских народов превратились в антагонистические и мировые силы антихристианского еврейства сконцентрировались на России. Ни один народ в мире не претерпел столько от этих сил, сколько народ русский. Евреям в России грозит черное неблагодатное отмщение. И если оно произойдет, то это будет означать *окончательную духовную гибель* русского народа.

Судьбы еврейского и русского народов трагически и роковым образом переплелись в добре и во зле. Дальнейшее их существование и спасение целиком зависит от решения проблемы века — освобождения от одержимости антихристианскими духами. Этим же определено и взаимоотношение обоих народов. Злым силам удалось столкнуть два избранных народа друг с другом, и обоих — в пропасть. В попытках слепого самооправдания каждый из них стремится переложить вину за происшедшее на другой. В этом — корни инстинктивного русофобства евреев и антисемитизма русских. Взаимная ненависть падших частей русского и еврейского народов достигла уже безотчетно-инфернального характера.

Такой диагноз болезни двух мессианских народов, ставшей болезнью общемировой, предполагает определенные средства излечения. Не взаимное обвинение и сваливание всех грехов и причин зла друг на друга, а взаимное покаяние русского и еврейского народов в своих глобальных грехах. Нам следует не считаться, кто кого хуже или лучше, а подумать о том, как вместе выбраться из ямы, в которую мы завели все человечество. Чем больше мы сознаем свой грех, тем больше должны уповать. Два народа, близких в избрании и падении, могут помочь друг другу и всему миру пережить величайшую в истории катастрофу. Это возможно только при возвращении каждого народа в русло собственной религиозной мессианской идеи, осознании того, что смысл и содержание этой идеи едины — в Спасителе-Мессии-Христе. Только соединение в Истине двух великих народов даст возможность возродить их национальную самобытность. Без Христа и вне Христа евреи и русские будут продолжать избивать себя, друг друга и разрушать мироздание. На Русской Голгофе решается судьба и русского, и еврейского народов и судьба всего мира. Возвращение русского народа к Христу, к Русской идее, возврат еврейского народа к истинному Спасителю-Мессии возродят сами эти народы и откроют перед миром новые исторические перспективы. Объединенные раскаянием и любовью силы обновленной России и силы благодатного еврейства могут дать истории новый творческий импульс.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

ЧИСЛОМ, А НЕ УМЕНЬЕМ

По уточненным данным, к 1 января 1941 года население СССР составило 198,7 миллиона человек, а к 22 июня, с учетом естественного прироста,— 200,1 миллиона. К 1 января 1946 года на территории нашей страны осталось всего лишь 167 миллионов человек. К тому времени около 1,2 миллиона советских граждан из числа перемещенных лиц еще не вернулись домой. Но за счет роста территории население страны увеличилось примерно на столько же — тут и 800 тысяч жителей Закарпатья, и 100 тысяч немцев Восточной Пруссии, и десятки тысяч японцев Сахалина и Курил. Сюда же необходимо добавить репатриированных белоэмигрантов из Восточной Европы и Маньчжурии — а их тоже были десятки, если не сотни тысяч. В результате получается, что «чистое» падение числа жителей СССР составило за годы войны около 33 миллионов человек.

Гигантские военные потери «съели» и тот естественный прирост населения, который имел место во второй половине 1941 года и первом квартале 1942 года, пока не было еще падения рождаемости, а также в 1945 году, когда рождаемость уже превышала смертность. В сумме это увеличивает наши военные потери еще примерно на 2 миллиона человек — до 35 миллионов. Примем также во внимание, что на практике неизбежно имел место недоучет населения как в 1941, так и в 1946 годах, но после войны из-за существенного уменьшения численности населения абсолютная величина такого недоучета должна была снизиться. Если принять недоучет в 5 процентов от общей численности населения, это уменьшение могло достичь 1,7 миллиона, что увеличивает наши потери в войне примерно до 37 миллионов человек. Сюда включены погибшие на поле боя — 11 миллионов человек, военнослужащие, умершие от ран и болезней — 2,5 миллиона человек и погибшие в плену — около 4 миллионов из 6,2 миллиона военнопленных.

19,5 миллиона — это потери гражданского населения. Здесь очень трудно определить соотношение между погибшими в результате боевых действий (результаты налетов немецкой и нашей авиации), вследствие репрессий германских войск (в том числе геноцид примерно 2 миллионов советских евреев), а также из-за повышенной смертности от голода, холода и болезней (плюс повышение смертности в сталинских лагерях). Кроме того, вызванное войной падение рождаемости, составившее, как свидетельствуют данные по Сибири, около 7 процентов от численности населения, потенциально уменьшило послевоенный уровень еще на 14 миллионов нерождившихся младенцев.

Итак, общие прямые и косвенные потери СССР в Великой Отечественной войне составляют около 51,5 миллиона человек. Прямые потери Германии (вместе с Австрией и протекторатом Богемии и Моравии) достигли 6,1 миллиона человек, в том числе 3,8 миллиона — потери армии.

Германские же войска на Востоке потеряли убитыми и умершими от ран и болезней около 2 миллионов человек, войска союзников Гитлера — около 0,6 миллиона человек, что в 5,2 раза меньше соответствующих потерь Красной Армии. В вермахте чистый призыв за годы войны составил около 14,3 миллиона человек, или 17,7 процента населения. К концу апреля 1945 года германские вооруженные силы еще насчитывали 7,6 миллиона. В Красную Армию призвали около 33,5 миллиона человек (в том числе около 2,5 миллиона — в ополчение или непосредственно в части), или 16,7 процента населения. К концу войны в строю осталось 11,4 миллиона человек.

Советская военно-историческая наука, чтобы затушевать очевидный факт, что воевали мы числом, а не уменьем, не раз фальсифицировала факты. Так, в 1973 году в книге А. М. Василевского «Дело всей жизни» утверждалось, что летом 1942 года 900-тысячной группировке противника на юге противостояли советские войска численностью в 655 тысяч человек. Лишь в 1988 году, в 6-м издании книги, вместо 655 тысяч можно было прочесть более достоверную цифру — 1715 тысяч человек. Также и утверждение, что в апреле 1945 года Кенигсберг штурмовали советские войска, насчитывавшие 137 тысяч человек, опровергается тем элементарным фактом, что медаль за взятие этого города получили около 740 тысяч человек. Подобные расхождения в 3—5 раз никак нельзя объяснить различиями в категориях учета.

Прочитав статьи М. Денисенко и А. Мерцалова в шестом номере «Родины», счел нужным привести и свои расчеты жертв Великой Отечественной войны.

БОРИС СОКОЛОВ,
кандидат исторических наук

Рубрика «Семейный летописец», несмотря на слегка старомодное название, стала, судя по редакционной почте, подлинной сенсацией. Впервые после далекой осени 1917-го в отечественной печати были опубликованы практические и весьма обстоятельные профессиональные рекомендации по составлению своей собственной родословной (см. «Родина», № 2, 3 — 1991).

Спешим сообщить: в следующем номере читателя ждет очередной сюрприз. «Семейный летописец» раздобыл занятную генеалогическую таблицу династии Романовых (не спешите заранее упрекать нас в монархических симпатиях), выполненную в неожиданном ракурсе. На этот раз в исходной позиции находится отнюдь не Михаил Федорович (1613—1645), родоначальник последней царской семьи, а Петр III, внук Петра I, он же Гольштейн-Готторп. Подобное смещение вызвано желанием преодолеть границы России и показать европейские родственные связи дома Романовых.

Похоже, генеалогическое древо известнейшей фамилии обескуражит наших квасных патриотов, оставив для их национальной гордости лишь короткий отрезок истории государства, которым правили действительно русские. С 1725 года в дальнейшем российский престол поочередно занимали прямые потомки дома Гольштейн-Готторпов (Северная Германия).

Царское генеалогическое древо отправляет нас в аристократическое путешествие: в Швецию, Данию, в Бранденбургское маркграфство к его знаменитому основателю, родственнику Екатерины II Альбрехту I Медведю. Разглядывая ветви и отростки, читатель убедится, сколь затейлива и иронична история, связавшая в единый родовой узел двух злейших врагов — Петра I и Карла XII, сделавшая Александра II родным племянником первого императора Германии Вильгельма, а жену Николая II Алису Гессенскую троюродной сестрой собственного мужа, который, в свою очередь, являлся потомком Марии Стюарт...

И не иронией ли истории является тот неоспоримый факт, что вождь первого в мире пролетарского государства был не кем иным, как родственником тех же немцев и шведов?

ВИКТОР ЛАМЗДОРФ

КАК БЕДНОМУ СТАТЬ БОГАТЫМ

ОПЫТ ПЕРЕСТРОЙКИ В ИСПАНИИ, НАЧАТОЙ ГЕНЕРАЛОМ ФРАНКО

Перестройка в Испании фактически началась еще при жизни генерала Франко и продолжалась несколько лет. Из однопартийной диктатуры Испания превратилась в полноценную демократию, без всяких прилагательных. Как проходила испанская перестройка? Как отразилась она на разных сферах жизни Испании? Общественности нашей страны будет, наверное, полезно бросить ретроспективный взгляд на то, как проходило становление демократии в Испании.

«красные» и «белые»

До 1931 года Испания была королевством, более или менее конституционным (скорее менее, поскольку разъеденная коррупцией многопартийная система чередовалась с военными диктатурами, стремящимися «навести порядок»). После очередного такого периода на выборах в местные советы в нескольких крупных городах (в том числе и в Мадриде) победили республиканцы. Хотя по суммарному числу голосов по стране победили монархические партии (и по общему количеству поданных голосов, и по числу регионов, где они получили большинство, и по сумме населения этих регионов), король Альфонс XIII предпочел отречься от престола и оставить страну. Была провозглашена республика (вторая по счету).

Республики в Испании «не удаются». Неизменно начинается разгул крайне левых партий, которые бросаются грабить «буржуев» и жечь монастыри и церкви. Так было и на этот раз. На первых же выборах народ возмутился и отдал победу коалиции правых. Но их вопиющая бездарность привела в 1936 году к новой победе левых — и все началось сначала.

Республиканская демократия проявлялась оригинально. Когда новый лидер оппозиции монархист Кальво Сотело произнес в парламенте речь, пришедшуюся особенно не по вкусу правительству, его в ту же ночь запросто расстреляли. Тут уж военные не выдержали и подняли восстание 18 июля 1936 года.

Теперь часто представляют, будто «путчисты» восстали против демократии, а «республиканцы» ее защищали. В действительности перед гражданской войной никакой демократии уже не было, в войну за нее не сражался никто. На стороне «красных» воевали, имея собственные части, анархисты (противники всякого государства, принципиально не голосующие на выборах), правоверные коммунисты (естественно, по тем временам сталинской разновидности), троцкисты (которых к концу войны перерезали сталинцы), каталонские и баскские сепаратисты и, конечно, правительственная армия. На другой стороне были испанские фашисты (тогда это было модно) из партии «Фаланга»; были традиционалисты на севере, главным образом сельские каталонцы и баски, во многом напоминавшие наше казачество: при широчайших местных свободах они резко противились всякому централизму, даже демократическому. Были, конечно, и военные, желавшие «твердого порядка», но без ясного представления, какого именно; многие из них были монархистами, но и те начисто исключали возвращение короля Альфонса, бросившего страну на произвол судьбы. А собственно демократов не было ни на одной стороне — разве что на правах присоединившихся (верующие, как правило, к белым, левые — к красным, но в обоих случаях «несмотря на»).

Исход войны решили тылы. Красные ограбили всех «буржуев», сожгли все церкви, перестреляли все духовенство, а на крестьян напустили «аграрную реформу» с продотрядами. На второй и тем паче на третий год войны у них воцарился голод — что пагубно повлияло на мораль войск, особенно новобранцев. Многовластие и внутренние распри тоже содействовали противнику. Зато у белых проблема единовластия решилась сама собой: короля Альфонса не жалел никто; у традиционалистов был свой претендент, но он скончался без потомства в самом начале войны; фалангисты не прочь были бы выдвинуть своего лидера — Хозе-Антонио Примо де Ривера, но он оказался в красной зоне, где его, недолго думая, расстреляли; лидер военного заговора генерал Санхурхо разбился на самолете. Восставшим пришлось волей-неволей образовать генеральскую хунту, которую возглавил очень популярный генерал Франко. Хунта его назначила «главой государства» и «генералиссимусом сухопутных, морских и воздушных войск», а фалангистов и традиционалистов он объединил в единую партию, из которой «идейные» постепенно стали выбывать, а традиционалисты отошли с самого начала.

После гражданской войны Франко остался у власти и показал себя твердым и дальновидным политиком. Он удержал Испанию от участия в мировой войне, а после нее наладил постепенно рыночную экономику.

Переход к демократии

Скончался генерал Франко в 1975 году, в преклонном возрасте, так и не оставив власть, но позаботившись о своем наследии: после его смерти взошел на престол король Хуан-Карлос I, внук Альфонса XIII; законодательная палата кортесы (вроде нашего Верховного Совета) послушно проголосовала «за».

На первые выборы по новому закону записались сотни партий. По всеобщему убеждению, Фрага на них легко должен был взять верх над потерпевшими фиаско левыми силами. Но произошла еще одна неожиданность: Суарес наскоро образовал партию «демократического центра» и представился как «середина» между дискредитированными левыми и «правым экстремистом» Фрагой. При поддержке короля он выборы выиграл внушительным большинством голосов.

Выбранные кортесы объявили себя Учредительным собранием, выработали новую конституцию и после ее утверждения на референдуме самораспустились.

При работе над новой конституцией Суарес настоял

НА СЛУЖБЕ У РУССКОГО ЦАРЯ

Истоки рода Ламздорфов берут свое начало в XIII веке и обычво связываются с имевем его основателя германского рыцаря Отто фон Ламесдорне. В XIV—XIX веках представители этого обширного семейства жили в Эстляндии, Курляндии и Лифляндии. В источниках XVII века часто упоминается семья Ламбздорффов (Ламздорфов), или фон дер Венге, что указывает на большую роль в становлении данного рода уроженцев Вестфалии. Матвей Иванович (Матиас) Ламздорф начал свою служебную карьеру еще при Екатерине II, участвовал в чине генерала в русско-турецких войнах, в затем стал нервым губернатором вновь присоединенной Курляндии и как воспитатель будущего царя Николая I сопровождал наследника-цесаревича во время его парижского нутешестаня. Представители рода Ламздорфов были хорошо знакомы царской семье. Граф Владимир Николаевич Ламздорф — один из наиболее известных российских дипломатов — на заключительном этвпе своей жизни (с 1900 по 1906 г.) стал министром иностранных дел.

В. Н. Ламздорф оставил носле себя интереснейший дневник:

«Мое ноложение дает мве возможность записывать факты, вскрывать подспудные стороны исторической игры в карты; это может оказаться полезным в будущем. Сколько исследований пришлось бы тогда делать в секретных и недоступных архивах, чтобы выяснить даже частицу того, что мне легко сделать сегодня нутем фотографирования, если можно так выразиться, своего рабочего дня».

Работа над изданием этого дневника началась сразу же после октября 1917 года. Записи делались на французском языке с обильным включением документвции на немецком и английском языках, к тому же не всегда четким почерком. Дневник В. Н. Ламздорфа за 1886—1890 годы был опубликован лишь в 1926 году, за 1891—1892 годы — в 1934 году, за 1894—1896 — в 1991 году.

Представители рода Ламздорфов играют важную роль в междувародных отношениях и сейчас. Так, бывший министр финансов ФРГ, ныне председатель партии свободных демократов ФРГ Отто фон Ламбздорфф и его брат диnломат граф X. фон Ламздорфф тоже из этой династии.

Публикуемая статья принадлежит В. Г. Ламздорфу, публицисту, члену редколлегии журпала «Посев», проживающему в ФРГ.

И тут начались неожиданности. Все думали, что молодой король назначит премьером Фрагу, самого способного и популярного политика времен Франко. Но, к всеобщему удивлению, он назначил молодого, почти неизвестного Адольфо Суареса, заведующего партаппаратом. А Суарес распустил партию, обратил ее имущество в государственное достояние, издал закон, согласно которому кортесы при многопартийной системе выбирались общим, тайным и равным голосованием, и поставил этот закон на всенародное голосование.

Вся разношерстная оппозиция режиму Франко, от монархистов до анархистов, громко именовавшая себя «демократической оппозицией», была застигнута врасплох. Голосовать «за» означало признать преемника Франко, а голосовать «против» — значило требовать продолжения его режима. Не видя иного выхода, они призвали бойкотировать референдум. Народ тем не менее на него повалил и подавляющим большинством закон утвердил. Но отметим: демократия в Испании была введена против воли коммунистов и всех партий, вошедших с ними в блок.

на единогласии всех главных партий, и поэтому ее текст часто носит печать компромисса в виде недоговоренностей, двусмысленных выражений, ссылок на будущие законы и т. п. Может быть, это и не плохо: такая конституция («резиновая», говорят в Испании) «вмещает все» и поэтому мало мешает законодательной работе при любом направлении последней. Для конституции — это известная гарантия долгой жизни.

Избирательный закон не вошел в конституцию (что тоже правильно). Вокруг него разразился спор: традиционно считается самой демократической пропорциональная система, при которой, мол, представлены все мнения. Набрала твоя партия 15% голосов — получай 15% депутатских мест. Противники этой системы резонно утверждают, что при ней невозможно управлять страной: при типичном исходе выборов ни одна партия не получает достаточно мандатов, чтобы формировать правительство. Оно вынужденно должно быть коалиционным: три-четыре партии делят министерства, как добычу. Но так как каждая из них постоянно ищет партнеров, обеспечивающих ей большую долю пирога,

эти коалиции оказываются недолговечными, и в конце концов мелкие партии приобретают влияние, непропорциональное доверию, полученному ими от избирателей. Результаты выборов, таким образом, фактически фальсифицируются. А это что угодно, но не демократия.

Пропорциональной системе противопоставляется мажоритарная, при которой выборы проходят по округам: в каждом из них кандидат, набравший большинство голосов, получает место в парламенте, а голоса, поданные за его оппонентов, «теряются». Тогда партия, набравшая 15% голосов в каждом округе, не получает ни одного места. Такая система поэтому оставляет место лишь крупным партиям (как правило, двум), стремящимся победить в каждом округе, а также региональным партиям, сильным в определенной местности. Но так как количество мест непропорционально количеству набранных голосов, то часто выборы решает перемена мнения малого процента избирателей. Это заставляет партии очень чутко реагировать на желания населения.

В Испании спор между системами выборов тоже решился компромиссом: установилась пропорциональная система, но не по всей стране, а по каждой из 54 провинций. А каждой провинции назначили количество представителей, пропорциональное населению.

Жизнь по-новому

На первых выборах по новой конституции опять победил Суарес. То есть, по сути, победил, как это странно ни звучит, генералиссимус Франко. Действительно, единственной заслугой молодого, неизвестного Суареса было то, что его назначил премьером король, а единственной заслугой короля, тоже молодого и незнакомого, которого считали — несправедливо — не очень умным, было то, что его назначил Франко. Все признавали выдающиеся государственные заслуги Фраги. Но голосовать за него означало идти против воли короля и, следовательно, обрывать преемственность с режимом Франко. На выборах Фрага все же участвовал, но не набрал и десятка мест.

Однако Суарес, столь ловкий в маневрировании для удержания власти, оказался решительно неспособным управлять страной. В стране подпрыгнула преступность, взлетела инфляция, упала биржа, сбежали капиталы. Испанию захлестнула волна забастовок. Партия Суареса, собранная наспех из кого попало, оказалась конгломератом бывших номенклатурщиков из «Фаланги», оппозиционеров, тщетно попытавшихся создать собственные партии, и вообще карьеристов, без малейшей идейности (да и кто может быть идейно «центром»?), но с весьма развитым властолюбием. В ней прочно воцарились коррупция, взаимное подсиживание и политический разнобой. Наконец при общем развале центристы решили прогнать Суареса как якобы виновника всех бед и выйти на следующие выборы без него. Однако поражение на выборах было столь сокрушительным, что они решили партию распустить. Голоса Суареса перешли к Фраге, который стал лидером оппозиции.

А победила социал-демократическая партия под предводительством молодого адвоката Фелипе Гонсалеса, которая при Суаресе стала первой оппозиционной партией.

Коммунисты же, которых при Франко считали главной угрозой, никогда больше двадцати мест не набирали. А когда начали еще и ссориться между собой, то скатились до шести. Националисты прочно заняли позиции в Каталонии и в Стране Басков. От имени «Фаланги» выступил добрый десяток партий, но лишь одна из них провела одного депутата в Учредительное собрание, а потом лишилась и его. Анархисты, троцкисты, традиционалисты как политические силы сошли на нет.

Как же вся эта политическая чехарда сказалась на повседневной жизни испанцев — в области экономики, общественного порядка, культуры, труда, национальных отношений?

Исходная точка

В Испании, повторяю, с наступлением демократии экономическое положение ухудшилось. Но по сравнению с чем?

В 1939 году Франко унаследовал разоренную до тла страну. По красной зоне прошлись аграрная реформа, национализация средств производства, конфискация у населения всего золота и ценных предметов, которые в большей части распределились по карманам чиновников и с ними ушли в эмиграцию, а оставшийся государству золотой запас был вывезен в СССР. Прокатился по стране и лозунг «грабь награбленное», который анархисты, коммунисты, троцкисты и прочие войска левых партий рьяно проводили в жизнь. У красных оказались в начале войны все самые крупные города, вся промышленность, большинство населения и самые плодородные земли. Тем не менее они довели свою зону до голода, а свою армию — до истощения всех запасов.

Белая зона была гораздо меньше, гораздо беднее, длительное время без контакта между ее частями, и на нее легло бремя военных расходов и прокормления освобождавшихся областей. Было не до жиру.

А после войны к разрухе добавилось влияние социалистических предрассудков, тогда модных даже в националистических кругах. У Франко все же хватило благоразумия оставить хозяйство в частных руках (что ему обеспечило победу), но после войны он принялся осуществлять идею «направляемого» хозяйства, в котором производили частники, но главные цены, оплата и условия труда, квоты импорта, разрешения на экспорт и т. д. и т. п. назначались государством. Что дают цены, высосанные из пальца чиновника, без учета спроса, рынка, инфляции, нам хорошо известно. Поэтому Испания пятидесятых годов оставалась бедной, отсталой страной. Предприниматели прятались в подполье или полуподполье от государства, постоянно ставившего палки в колеса. В таких условиях успешных предпринимателей было, естественно, немного.

Подъем

Перелом стал намечаться в шестидесятые годы, под влиянием немецкого «экономического чуда», проведенного именно «правыми» руками (христианскими демократами Эрхарда) путем сведения роли государства к установлению и выполнению «правил игры». Постепенно и испанцы стали отказываться от нелегкой опеки над производством и — с большой осторожностью — начали предоставлять людям кое-какие свободы.

Но решительный сдвиг произошел в шестидесятые годы, когда на, казалось бы, второстепенный пост министра информации и туризма был назначен исключительно способный и энергичный человек — профессор Мануэль Фрага Ирибарне. Он первым делом упразднил существовавшую систему максимальных цен на туристические услуги и ввел свободное ценообразование, с тем лишь условием, чтобы клиент мог знать заранее, сколько с него возьмут. Были введены минимальные требования для пользования знаками отличия (от одной до пяти звездочек для гостиниц, «вилок» для ресторанов). Испанская валюта стала свободно конвертируемой, причем ее курс (как всегда в бедных странах) установился на таком уровне, что испанские цены оказались для иностранцев баснословно низкими. Вдобавок Фрага умело развернул гигантскую рекламу Испании в развитых странах, в которых как раз в этот момент подъем благосостояния позволил широким массам выезжать на каникулы за границу.

Туристы нахлынули. Испания прочно заняла место первой туристической державы в мире, а Фрага стал вторым лицом в государстве после Франко. Его принципы (либерализация при твердых правилах игры) были последовательно применены и в остальных секторах хозяйства с одинаковым успехом. Правда, впоследствии Фрага поссорился с министром экономического развития, и Франко, как всегда в подобных случаях, прогнал обоих. Но политику он не изменил, и развитие Испании было впечатляющим. Говорили об «испанском чуде». Испания заняла тринадцатое место среди промышленных держав. Правда, по сравнению с остальной Европой она все еще считалась бедной страной, но по жизненному уровню она оставила далеко позади все соцстраны, не говоря уже о СССР.

Возникшие предприятия в подавляющем большинстве были частными. Но государство, согласно модным в 1960-е годы теориям, воображало себя активным агентом развития и тоже создавало предприятия — как правило большие и как правило ориентированные на потребности вчерашнего дня (тяжелая металлургия, кораблестроение и пр.). Часто государство приобретало также обанкротившиеся частные предприятия в порядке «недопущения возникновения безработицы». В итоге образовался наряду с частным немалый государственный сектор.

Демократия

А почему это, казалось, процветающее хозяйство при демократии развалилось?

Надо понять. При демократии «запрещено запрещать». «Человека» наделяют целым набором «прав», которые возводятся в абсолют и на которые «покушаться» считается «фашизмом». Среди них, конечно, «право на забастовку» и «право на свободные профсоюзы». Итак, в Испании «вертикальный» профсоюз был распущен, зато воссоздались старые (коммунистический, социалистический, анархистский) и возникли новые. Вся эта публика, чтобы привлечь членов, стала соревноваться в демагогии и, в частности, в организации как можно большего числа забастовок. С другой стороны, трудящиеся, которым торжественно «возвратили» право на забастовку, которого «диктатура» их якобы лишила, восприняли забастовку как нечто очень хорошее. В итоге страну захлестнула небывалая в Европе волна забастовок.

Это болезненно отразилось на доходах предприятий. Самые слабые не выдержали и стали закрываться, потянув за собой и другие, для которых вдруг прекращались то поставки, то заказы, то выплата долгов. И бабка за дедку, дедка за репку... наступил кризис.

Накормить крокодила

Очень быстро обнаружилось, что прежние налоги, достаточные для неприхотливого и экономного аппарата Франко, прокормить ненасытный аппарат «демократии» были не в состоянии. Пришлось их поднять. Но налогоплательщикам (то есть тем же частным предприятиям) от этого легче не стало. Для многих это оказалось дополнительным толчком к банкротству. Государству пришлось убедиться в том, что увеличивать налоги (с оборота, с доходов) — только полдела: надо еще, чтобы оборот и доходы при этом не уменьшались. А именно это в Испании и произошло.

Да где взять необходимые деньги? Премьер Суарес прибег к их массовому печатанию. Но это создало инфляцию до 15% в год. Для Южной Америки, может быть, это и немного, но для Европы это слишком: сбережения и капиталы стали утекать в страны с более устойчивой валютой (кому охота терять 15% покупательной стоимости в год, когда можно не терять?). Суарес в ответ возродил старый закон военных лет, о котором никто уже не помнил, по которому вывоз денег без разрешения карался в уголовном порядке. Деньги хлынули за границу пуще прежнего — правда, в тайниках. Люди рассудили, что если само правительство до такой степени не предвидит улучшения условий, вызвавших утечку капиталов, что прибегает к уголовным мерам, то, значит, положение еще хуже, чем предполагалось.

А утечка капиталов означает меньше капиталовложений, а следовательно, опять меньше оборота и меньше доходов! Государство стало захлебываться: одной рукой оно печатало деньги, другой — судорожно пыталось «удержать» инфляцию установлением максимальных цен на определенные товары. Но это делало производство этих товаров менее доходным — и еще сильнее уменьшало капиталовложения. Так правительство обнаружило, что редко бывает богатое государство у бедной страны.

Сдерживала капиталовложения и невозможность увольнять рабочих: что с ними делать, если уменьшаются заказы, хотя бы временно? Прежние рабочие, если их предприятие не прогорало, оставались на своих местах, но никто не хотел брать новых. Появилась безработица, особенно среди молодежи. И быстро дошла до 20% занятого населения.

Социалисты

На смену центристам испанцы выбрали социал-демократов, и премьером стал их молодой лидер, Фелипе Гонсалес. С тех пор он набрал большинство уже на трех генеральных выборах, правда, каждый раз с большим трудом.

Вначале от него ожидали множества демократических мер — «в пользу» рабочих. С того и началось: был национализирован (а впоследствии скандально роздан друзьям-товарищам) единственный испанский крупный концерн. И кое-что еще. Но перед усиливающимся кризисом социалисты опомнились. Гонсалесу судьба его предшественника не улыбалась, и он сумел сделать из этого выводы.

Безответственное печатание денег он прекратил, и инфляция опустилась до 5—6% в год. По европейским стандартам это еще высоко, но утечка капиталов все-таки приостановилась.

Затем Испания была принята в ЕЭС. Правда, свободное движение капиталов (по желанию Испании) и рабочей силы (по желанию всех остальных, опасающихся наплыва испанских безработных) было отсрочено до 1992 года. Но все же для иностранцев возникли новые перспективы, так как возможности прибылей на еще не насыщенном рынке и с более дешевой рабочей силой всегда выше. В итоге Испания стала капиталы не терять, а привлекать.

Способствовало этому и то, что Гонсалес разрешил нанимать рабочих «на время», периодами до шести месяцев, после которых рабочий мог быть свободно уволен. Естественно, это у «временных» начисто отбило охоту бастовать, и, естественно, все стали нанимать новых рабочих именно «на время». Квота безработицы официально стабилизировалась и даже медленно пошла вниз.

В действительности же она почти исчезла, потому что многие предприятия укрылись от налогов в подполье. Там никаких трудовых законов, естественно, нет: сколько наработал, столько и получай. Зато высокие заработки. Гонсалес счел благоразумным эту «теневую» экономику преследовать спустя рукава, чтобы не «гнать рабочих на улицу». Это себя оправдало: подпольные предприятия с улучшением конъюнктуры постепенно легализуются сами.

САПОЖНИКОВЫ

(Промышленники, коллекционеры, меценаты)

Основателем известного в России торгового дома Сапожниковых был сын участника пугачевского восстания Петр Семенович Сапожников (1762—1828). Обучившись у священника грамоте, он работал сперва писарем. Затем, когда его родное село Малыковка стало городом Вольском, служил в городской думе. Богатый купец Василий Злобин, городской голова, приметил молодого чиновника и вскоре сделал его своим компаньоном. Вместе они занимались соляным промыслом, содержанием питейных сборов в Астраханской губернии и держали на откупе весь город Вольск. В 1784 году Сапожников, уже купец 3-й гильдии, избирается в ратманы.

В начале XIX века Петр Семенович переезжает с семьей в Астрахань, где основывает, а в 1819 году передает своим сыновьям общество «Братья Сапожниковы в Астрахани». Алексей и Александр оказались достойными преемниками своего отца: они стали крупнейшими монополистами в рыбопромышленном деле на юге России. На Каспийском море Сапожниковы содержали тюленьи промыслы, занимались хлебной торговлей, мыловарением, шерстяным и кожевенным делом, разработкой золотых приисков. По всей России были разбросаны их коммерческие конторы. Одно время среди служащих фирмы работал некто Василий Николаевич Ульянов, дядя Ленина (семья старших Ульяновых жила тогда в Астрахани).

В XIX веке двое Сапожниковых были городскими головами и много сделали для благоустройства города — помогали жителям во время эпидемий, наводнений, голода. На средства Сапожниковых по проекту петербургского мастера Штанга создают серебряные царские врата для Успенского собора в Астраханском кремле. В конце века Спасский мост и Спасская улица, где жили Сапожниковы в Астрахани, стали называться Сапожниковскими (ныне ул. Коммунистическая). Видные финансисты и коммерции советники, члены этой семьи находились в самом центре общественной и культурной жизни России. Их дома в Астрахани и Петербурге посещали знаменитые люди — среди них декабрист В. И. Штейнгель, писатели И. С. Аксаков и Т. Г. Шевченко, А. Дюма-отец, естествоиспытатель К. Бэр. Гостями бывали и члены царской фамилии.

В начале XIX века стала закладываться Сапожниковская картинная галерея. В Государственном архиве Астраханской области хранится интереснейший документ — «Реестр картинам г-на Александра Петровича Сапожникова. 1827 года». Рукописный каталог картинной галереи свидетельствует о безупречном вкусе астраханского промышленника: «Святое семейство» Антониса ван Дейка; «Андрей Первозванный» Рубенса; «Женщина, покрытая белым полотном, расчесывает волосы у лежащей на ее коленях девушки» Мурильо; «Христос во храме» Никола Пуссена, «Морская буря, представляющая разбитие о скалу корабля» Делакруа.

Внук Петра Семеновича Александр Сапожников бережно хранил жемчужину семейной галереи, о которой в упомянутом реестре под № 1 записано:

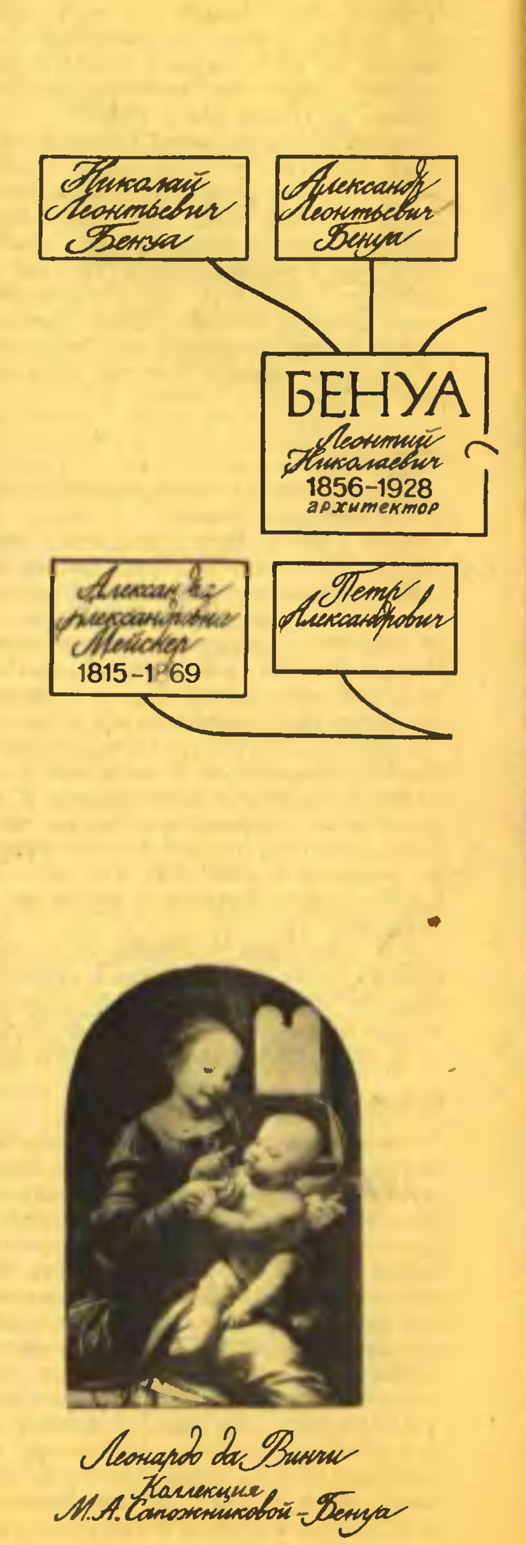
«Божья матерь, держащая предвечного младенца на левой руке. Первоначально писана на дереве, на поверхность с оного переложена на холст академиком Коротковым в 1824 году. Вверху с овалом. Мастера Леонардо да Винчи... Из коллекции генерала Корсакова».

В черновом наброске реестра указана приблизительная цена картины — 1400—3000 рублей. Это описание той самой работы, которая известна теперь как «Мадонна Бенуа». Приобретенная Сапожниковым в 1824 году при распродаже галереи известного коллекционера А. И. Корсакова картина была принесена в семью Бенуа дочерью промышленника — Марией Александровной Сапожниковой. В 1914 году «Мадонну» продали в императорский Эрмитаж. Русская общественность оценила патриотизм семьи Сапожниковых-Бенуа, отказавшихся от более выгодных условий продажи картины за границу ради сохранения шедевра мировой живописи в первой национальной галерее страны.

В 1892 году умер последний отпрыск рода Сапожниковых по мужской линии, и до 1898 года фирмой руководила Нина Александровна Сапожникова, урожд. Козаченко. Затем дело перешло дочери Марии Александровне и Леонтию Николаевичу Бенуа.

Несмотря на финансовые затруднения, граничащие иногда с банкротством, общество Сапожниковых просуществовало до 1917 года, сохранив солидную репутацию своей фирмы.

Публикация древа и предисловие
СЕРГЕЯ САПОЖНИКОВА

Леонардо да Винчи
Коллекция М. А. Сапожниковой-Бенуа

Питер Устинов
Нина Фролова
Ольга Штайнер
Надежда Устинова
Екатерина Шреттер
Сергей Мейснер

САПОЖНИКОВЫ

Мария Александровна 1859-1938
Алексей Александрович 1857 – 1892
Ольга Александровна р. 1860
Александр Эвальдович Мейснер

Алексей Александрович 1824-1881 коммерции советник
Нина Александровна Козаченко 1838-1898
Александр Александрович 1827 – 1887 "Бриллиантовая звезда"
1821-1845
Анна Александровна Чуварова р. 1825

Алексей Петрович
Надежда Ивановна
Пелагея Ивановна Ростовцева 1799 - 1868
Александр Петрович 1788 - 1827 "первостатейный купец и кавалер" Владелец Мадонны
Александра Петровна Милашева р. 1798

Петр Семенович 1762-1828 основатель торгового дома
Семен Сапожников +1774 пугачевец

Мария Александровна Сапожникова-Бенуа

Пелагея Ивановна Ростовцева
Петр Семенович Сапожников
Нина Александровна Козаченко
Алексей Александрович Сапожников
Александр Александрович Сапожников

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

КАПЛЯ КРОВИ НАЦИИ, ВЗЯТАЯ НА АНАЛИЗ

ЖУРНАЛ «СИНТАКСИС»

Андрей Донатович Синявский и Мария Васильевна Розанова приехали во Францию в 1973 году. Первый номер журнала «Синтаксис», материалы которого сегодня представляет своим читателям «Родина», вышел в свет в 1978 году. Сейчас, в июне 1991-го, когда я пишу эти строки, на моем столе лежит свежий, 30-й номер «Синтаксиса». «Тридцать номеров за — сколько там? — лет...» — начнет считать досужий любитель точных цифр, чтобы вычислить периодичность журнала, и непременно ошибется. Дело в том, что «Синтаксис» в отличие от большинства известных эмигрантских изданий был задуман и осуществлен как предприятие сугубо частное. И — здесь уже «Синтаксис» разделяет общую судьбу — неизбежно убыточное с экономической точки зрения (достаточно назвать тираж — 1200 экземпляров, из которых продается хорошо если половина: узок круг читателей в эмиграции). Поэтому первое время, пока издание существовало почти целиком за счет карманных денег его создателей, ощущения подписчиков «Синтаксиса», подозреваю, были схожи с теми, что испытывают сегодняшние читатели «толстых» отечественных журналов, когда после многомесячной паузы рождается некий спазм и в почтовый ящик сваливается целая пачка пахнущих свежей краской прошлогодних номеров. Так было до тех пор, пока в парижском предместье Фонтене-о-Роз, в доме Синявских, что на улице Бориса Вильде, не обосновался печатный станок, обозначив своим появлением рождение русского издательства — одноименного с журналом, который с этого момента обрел собственную типографскую базу.

Впрочем, пора познакомиться с хозяевами дома.

«Андрей Синявский меня почти разочаровал. Я приготовился увидеть человека нервного, язвительного, амбициозного. Синявский оказался на удивление добродушным и приветливым. Похожим на деревенского мужичка. Неловким и даже смешным.

На кафедре он заметно преображается. Говорит уверенно и спокойно. Видимо, потому что у него мысли... Ему хорошо...

Говорят, его жена большая стерва.

В Париже рассказывают такой анекдот. Синявская покупает метлу в хозяйственной лавке. Продавец спрашивает:

— Вам завернуть или сразу полетите?..

Кажется, анекдот придумала сама Мария Васильевна. Алешковский клянется, что не он. А больше некому...

Короче, мне она понравилась. Разумеется, у нее есть что-то мужское в характере. Есть заметная готовность к отпору. Есть саркастическое остроумие.

Без этого в эмиграции не проживешь — загрызут». (Сергей Довлатов. Литература продолжается. «Синтаксис», № 10, с. 134.)

Любая непосильная задача вынуждает к подмене. В отличие от «Континента» или, скажем, «Стрельца», выходящих с недавних пор в Москве, «Синтаксис» менять прописку не торопится. Отдельные перепечатки материалов журнала советскими изданиями (не всегда, кстати, оговариваемые, например недавняя публикация рассказа Эдуарда Лимонова «Красавица, вдохновлявшая поэта» в журнале «Юность») картины не меняют. Прежде всего потому, что единица измерения «Синтаксиса» — не отдельный материал, а номер в целом и — шире — совокупность номеров. Поэтому обсуждать этот достаточно элитарный журнал как явление, смакуя отдельные публикации, возможно лишь в кругу его постоянных читателей. А развивать эту тему перед массовой аудиторией, которая с журналом не знакома,— значит, отводить читательской массе роль докторов при гаремах восточных владык, которые вынуждены были лечить ханских жен заочно, составляя картину болезни по рассказам евнухов. Роль евнуха, прямо скажем, не прельщает. Кроме того, чтобы закончить о сегодняшних перепечатках: многие, часто наиболее интересные материалы журнала вряд ли даже и сегодня могут быть опубликованы в советской печати — по причине их «взрывоопасности». Ведь «говорить, помимо прочего, на острые, спорные и «запрещенные» темы, а не славословить хором прописные истины — такова позиция журнала «Синтаксис», и для этого он был основан». (Андрей Синявский. Чтение в сердцах. «Синтаксис», № 17, с. 194.) И за примерами далеко ходить не надо. Переписка Виктора Астафьева и Натана Эйдельмана, четыре года назад взбудоражившая всю интеллигенцию, была опубликована в том же номере, что и процитированные выше строки. В № 26 появилась поэма Тимура Кибирова «Послание Л. С. Рубинштейну» — перепечатка фрагментов поэмы в тогдашней «Атмоде» вызвала немедленную отповедь «Литературной газеты», не заметившей в этом тексте ничего, кроме бранных слов. Наконец, в последнем, тридцатом номере журнала увидела свет, скажем так, фривольная поэма «Тень Баркова», автором которой известный пушкинист М. А. Цявловский считал Александра Сергеевича Пушкина. Впрочем, о Пушкине разговор особый.

История с публикацией в журнале «Октябрь» фрагментов книги Абрама Терца (псевдоним А. Синявского) «Прогулки с Пушкиным», думаю, не скоро изгладится из памяти народной. Помню совершенно отчетливо первую реакцию многих читателей на шум, поднятый тогда «русской партией»,— искреннее, неподдельное недоумение: «Да о чем это они?» Действительно, впечатление было такое, что «они» читали какую-то совсем другую книгу, настолько не соответствовал текст «Прогулок» размаху, с которым возбуждался «гнев народа», и, главное, сущности предъявляемых обвинений. Прочтение полного текста «Прогулок с Пушкиным» лично мне в этом смысле ничем не помогло, недоумение лишь усилилось. Разгадка нашлась при знакомстве с цитированной уже статьей Андрея Синявского «Чтение в сердцах». Стало ясно, что история эта имеет, прошу прощения за каламбур, свою предысторию и что если один из ее истинных участников, Андрей Синявский, в скандале вокруг «Октября» был вытащен на сцену, то второй — остался за кулисами.

Несколько цитат из эмигрантской периодики — без комментариев.

«Естественно ли было нам ожидать, что новая критика, едва освободясь от невыносимого гнета советской цензуры,— на что же первое употребит свою свободу? — на удар по Пушкину? С нашим нынешним опоздавшим опытом ответим: да, именно этого и надо было ожидать... В этом суть». (А. Солженицын «...Колеблет твой треножник». Вестник Р. Х. Д., № 142.)

«Эта книга была написана не «едва освободясь от гнета советской цензуры», как утверждает Солженицын. От гнета советской цензуры я освободился за десять лет до того, в 1956 году, ударив первым делом не по Пушкину, а по социалистическому реализму, за что и был арестован в 1965 году. Так что не «едва освободясь от цензуры», а едва попав в лагерь, я писал «Прогулки с Пушкиным», в самых что ни на есть подцензурных обстоятельствах». (А. Синявский. Чтение в сердцах. «Синтаксис», № 17.)

«Когда критика ведется путем выискивания криминальных цитат — ничего ей не докажешь. Тычут в морду одни и те же цитаты — и баста! И безразлично даже, где происходит действие — в Москве или в эмиграции. В эмиграции даже труднее. Общественное мнение здесь на стороне сильного. Вы скажете, оскорбясь: но здесь же все-таки в тюрьму за литературу не сажают? Разве что. Но в этом не ваша заслуга, а проклинаемого вами Запада, господа. Бывает, однако, психологически для писателя не так уж страшна тюрьма. Страшнее другое — господство преодоленных, казалось бы, но тех же самых, что и в Советском Союзе, эстетических канонов и штампов. И скука, смертная скука, которой так и несет от вашего Пушкина, от вашего, с позволения сказать, «национального возрождения». (А. Синявский.)

Увы, приходится повторяться: «эмиграция — полигон, испытательный стенд, капля крови нации, взятая на анализ». Кстати, последнее определение принадлежит Марии Васильевне Розановой, издателю и редактору русского журнала «Синтаксис».

АЛЕКСАНДР ЗОТИКОВ

А. КЛЕНОВ

ВИЖДЬ И ВНЕМЛИ

Отношение к А. И. Солженицыну — верный и кратчайший способ выявления мировоззренческой позиции того или иного автора, пишущего о России. Предлагаемая статья, опубликованная в «Синтаксисе» (№ 13, 1985 г.), типична для этого журнала с его отрицательным отношением к Солженицыну-мыслителю. Не соглашаясь по существу с автором статьи (в некоторых пунктах весьма решительно), редакция «Родины», однако, считает, что и такой подход к идеям великого русского писателя не будет лишен читательского интереса.

Александр Солженицын — странная фигура в нынешнем мире. Его считают чем-то вроде пророка, да и сам он, кажется, уверовал в свое пророческое призвание. Наше время тоже производит мифы, в меру своих духовных сил. И вот на наших глазах рождается еще один миф двадцатого века.

Все мы помним, как бог взывает к своему пророку. Бог велит пророку видеть и слышать, и пророк внимает всем движениям бытия. Но мыслить бог ему не велит, потому что мыслить пророку не дано. Ведь он простое орудие вселившейся в него воли, собственная же воля его, пожалуй, менее свободна, чем воля обыкновенных смертных. Кто верит в свое призвание пророка, может не задумываться над тем, что он говорит: в нужное время придут к нему и мысли, и красноречие, и та особенная мудрость, какую завещал Христос своим апостолам в последнем напутствии. Если речь идет о пророке, никто не задумывается, умный ли он человек в обычном, человеческом смысле слова. Речи обыкновенного смертного подвергаются неумолимому контролю здравого смысла, сопоставляются с известными фактами и одна с другой. Иное дело, если мы знаем, что перед нами пророк Господень. А узнать это можно по тому, что он творит чудеса.

В глазах современного общества мужество является чудом. Наш современник сопоставляет жизнь Александра Солженицына со своей собственной жизнью, его поступки со своими собственными возможностями — и приходит к выводу, что для объяснения такого явления, как Солженицын, недостаточно естественных причин. Более того, к этому выводу приходит и сам Александр Исаевич. Значение, которое он придает своему мужеству, презрительная снисходительность, с которой он ограничивает возможное мужество своих сограждан, не оставляют сомнения в том, что он воспринимает мужество вообще как редкий, особенный дар свыше и удивляется этому дару в самом себе. Знание истории могло бы предохранить его от такого заблуждения. Задолго до нас бывали эпохи патологической трусости, но известны и времена, когда мужество было повседневной привычкой, а трусость преследовалась общим презрением. Знание истории могло бы внушить Александру Исаевичу большее уважение к человеческой природе, а чувство юмора — избавить от самолюбования. Но истории Солженицын не знает, а юмора ему трагически недостает.

Бесспорно, Александр Исаевич проявил мужество, необычное для его неверующих современников. Среди верующих это свойство встречается сплошь и рядом, и он это знает. Нынешние неверующие, напротив, почти все трусливы и подсознательно убеждены в своей трусости, чем и объясняется культ Солженицына здесь и за границей. Поклонники Александра Исаевича не вызывают у него иллюзий: он знает им цену.

Люди, не верящие в чудеса и неспособные думать о чем-нибудь, кроме собственного страха, не обязаны признавать Солженицына пророком. Они вправе спросить себя, кто этот человек, чему он учит и чего он хочет для России. Затем они могут задуматься, не похоже ли его учение на что-нибудь известное, чему уже учили другие, и что вышло из этих учений. И, наконец, они должны уяснить себе, чего они хотят сами.

Мне трудно говорить, что я думаю об Александре Исаевиче, потому что я его когда-то любил. Но я обязан говорить о нем, потому что перестал любить его и должен объяснить почему. Александр Исаевич — высокоодаренный писатель, ему принадлежит бессмертная заслуга возрождения русской литературы.

Помню, как я впервые о нем узнал. Перелистывая иностранную газету, я увидел какую-то беллетристику и хотел было ее пропустить, но заметил русские имена, удивился и принялся читать. Это был перевод «Ивана Денисовича», часть перевода, попавшая в этот номер. Оказалось, что все уже читали это, говорили об этом, но до меня как-то не дошло. Я разыскал «Роман-газету» и испытал то чувство неизбежной причастности к изображаемой жизни, какое может вызвать лишь современный писатель, живущий здесь и сейчас,— чувство необычное, не данное в опыте нашему поколению.

А потом явился Нержин, положительный герой нашего времени. Нержин, не просто спасавший собственное достоинство, но прятавший в лагерные щели листочки своего труда, где пытался понять, что было с Россией и почему так было. В первом романе автор сохранил еще мудрую умеренность художника и оставил нас в неведении об этом труде. Конечно же, это были мысли о русской истории, достойные Нержина, достойные Александра Солженицына. Как хорошо, что мы не знали тогда этих мыслей!

Потом стало выясняться, что было написано на этих листках. Первым диссонансом были философские эссе, если можно назвать иностранным словом эти очень русские короткие разговоры. Был там разговор об утренней гимнастике, вызвавший у меня изумление своим комическим попоаским тоном. Я не любитель спорта, а если принять во внимание его зловредную роль в современном мире, то я ему прямо враждебен. Но гнев Александра Исаевича направлен здесь не против советского спорта, а против человеческого тела. «Душу надо спасать, а не тело» — вот подлинная мораль этого разговора, восходящая к очень старой и очень вредной христианской традиции. Не думаю, что автор сознает свою мораль в этой ее изначальной форме: вряд ли он отдает себе отчет, насколько сильна в нем идея умерщвления плоти. Был там разговор о монастырях и о смерти, с очень сильным напоминанием об этом неприятном предмете. Здесь Александр Исаевич вполне прав: культура, желающая отмахнуться от смерти, долго прожить не может. Вообще, о смерти Солженицын говорит лучше, чем о жизни: вероятно, он больше о ней размышлял. И еще был там разговор о грузовике, обличение грузовика.

Наконец, появился «Август». Вряд ли стоит рассказывать, как Солженицын постепенно раскрывал перед публикой свои взгляды. Здесь не было внутреннего развития: однажды сложившись, эти взгляды уже не менялись, и не менялся человек. Я скажу дальше, как понимаю личность Александра Исаевича. То, что я собираюсь сказать, не будет ново для вдумчивого читателя, не связанного с идеологией русского национализма. Но я скажу это откровенно, без вежливых недомолвок. Писатель, выступающий в роли руководителя общественного мнения, активно занимающийся политикой вполне определенного направления, не должен ожидать любезностей от своих политических противников. Он может лишь рассчитывать на объективность. Постараюсь быть объективным, хотя, как я уже сказал, Александра Исаевича не люблю.

* * *

Прежде всего Александр Исаевич человек сильных страстей. Он в высокой степени наделен способностью любить и ненавидеть — по законам психологии, это не две разные способности, а одна и та же. Но способность любить у него ограничена узким кругом его понятий, тем, что он приучился любить с детства. У немногих глубоко верующих людей эта способность драматически расширяется развитием их внутренней жизни, но большинство упрямо любит и ненавидит, как их однажды научили. Лев Толстой пытался любить всех людей и подавлял в себе ненависть к людям. Это не шло к его натуре, но он полагал, что он обязан чувствовать, как христианин, как чувствовали немногие глубоко верующие христиане. Александр Исаевич чувствует, как большинство церковно-верующих людей, не мучая себя сомнениями, кого он обязан любить и кого не должен ненавидеть. Он из тех русских людей, кто преклоняется перед святыми, но не думает им подражать, как это проницательно описал Бердяев. Жизнь наложила отпечаток на чувства Александра Исаевича: он суров и, пожалуй, несколько мрачен. Церковь всегда опасалась мучеников — из-за их нелюбви к жизни, а также из-за их высокомерных притязаний. Нечто от этих свойств присуще и Александру Исаевичу, потому что он мученик. Мученик по привычке и убеждению, но не святой. Александр Исаевич находит, что сидеть в тюрьме может быть полезно. Тюрьма для него школа мужества, твердости духа и упорства, но не школа смирения и покаяния. Призывам к покаянию, исходящим от Александра Исаевича, я не верю. Иначе говоря, Александр Исаевич ценит тюрьму как средство воспитания характера. Это не христианский подход, а языческий и в некоторой степени спортивный.

Александр Исаевич любит Русь, но не любит Россию. Он любит все архаическое и вообще все старое, что еще можно найти на Руси, но не потому, что его интересует история. Истории он не понимает, людей прошлого не видит, не способен написать никакого исторического романа, даже из нынешнего века. Приязанность Александра Исаевича к русской старине означает совсем другое: его неразрывную связь с племенной массой, с тем, что Ницше презрительно называл «стадом» и что лучше понимали мудрецы прошлого, видевшие в человеке общественное животное. Трагедия Солженицына в том, что эта племенная масса, этот коллективный организм русского племени разлагается у него на глазах, и он лихорадочно цепляется за все дребезги прошлого, какие может заметить, заклиная время остановиться, вернуться вспять, чтобы никогда не было Возрождения, революций и отвратительного, но, увы, до мозга костей русского Петра Алексеевича, заварившего всю эту кашу.

Отсюда — из его любви — следует его ненависть: Александр Исаевич великий ненавистник. Он ненавидит все, что подрывает, размывает, расшатывает русскую племенную массу, устоявшийся уклад русской жизни, русскую «культуру» в этнографическом смысле этого слова. Защита этой «культуры» от разрушающих ее инородных элементов и составляет главное дело его жизни. И здесь мы видим корни не только русского, но любого национализма.

Немецкий национализм завершил уже тот путь, на который ныне вступает русский. Германия отстала от европейской истории и поздно включилась в концерт европейских держав. Столкнувшись с развитой и утонченной культурой своих соседей, особенно французов, немцы впали в состояние подавленности, неверия в свои силы, в комплекс национальной неполноценности. Проникновение инородных элементов расшатывало немецкий быт, разрушало «культуру» немецкой отсталости, немецкого захолустья. Эту «культуру» поглощала многоязычная ярмарка больших городов, ей угрожала непостижимая универсальность науки и техники, ее угнетала власть международных банков. Все это воспринималось как гибель истинно немецкого, растворение немецкого человека в космополитической стихии. Наибольшей же

опасностью казался красный интернационал, прямо враждебный всякой национальной идее и обращавшийся к простому человеку: здесь подрывались уже самые корни национальной жизни.

Немецкий национализм был реакцией в защиту немецкой «культуры» в этнографическом смысле этого слова. Известно (и подробно изучено социологами), каким образом южногерманский, местечковый тип этой реакции породил немецкий фашизм. Все это надо иметь в виду, чтобы понять, что любит Александр Исаевич, что он ненавидит и что из этих вещей может выйти.

* * *

Аналогию можно проследить до мелких деталей, и все эти детали не случайны. Выражаясь научным языком, здесь глубокое совпадение психологических и социальных механизмов. Но прежде чем осудить все это, постараемся понять. Подумаем, нет ли в этой отсталой и опасной идеологии некоей человеческой правды и тем самым — исторического смысла. И тогда «реакция» может оказаться не просто бранным словом, а реакцией в прямом смысле этого слова, естественным противодействием некоторой части человеческого существа подавляющей ее силе — противодействием, законным по происхождению, но впавшим в отчаяние и вступившим на ложный путь.

Для этого надо оценить совокупность явлений, обычно называемых шаблонным термином «прогресс». Слово это принимается некритически. Для большинства людей оно означало — и продолжает означать — нечто очень хорошее и желательное: продвижение к лучшему будущему, когда все будут сыты и довольны, когда все потребности человека будут удовлетворяться нажатием кнопки, когда будут побеждены болезни, исчезнут страдания, а может быть — от улучшения человеческой природы или с помощью кибернетики — даже не станет смерти. Всех этих благ люди ожидали от совершенствования человека и развития человеческих учреждений; теперь же, когда вера в то и другое почти исчезла, а сохранилась лишь вера в непосредственно ощутимые материальные вещи, этих благ ожидают от развития науки и техники. «Прогресс» обзавелся двумя обязательными прилагательными и теперь именуется «научно-техническим прогрессом».

Реакция против этой «религии прогресса» вдохновлялась прежде всего традиционной религией, имевшей совсем иную концепцию человека. Религия учит, что человек слаб и порочен по своей природе, потому что испорчен первородным грехом; что страдания и смерть неизбежны, потому что человек согрешил против бога; что лучшее будущее для отдельной личности находится по ту сторону гроба, а всему человечеству в целом предстоит страшный суд, после чего для немногих праведных устроится Тысячелетнее царство на земле, и править им будет Христос; а потом под водительством Христа праведники пойдут в рай.

При всей видимой несовместимости этих мировоззрений они вовсе не отделены непроходимой пропастью, а теснейшим образом связаны между собой. Почему же нынешние верующие, а также нынешние неверующие, смехотворно подражающие мертвым для них формам мышления, столь яростно ополчились на идею прогресса? В чем причина столь очевидной реакции?

Чтобы понять это, надо прежде всего видеть, что история человечества есть процесс изменения: меняются тип человека и условия его общественной жизни. Последнее не оспаривается никем, а в отношении человеческого типа можно, конечно, услышать возражения, поскольку верующие и все, кто им подражает, склонны преуменьшать культурное наследие человека и подчеркивать биологическое. В каждом из нас сидит, конечно, ветхий Адам, со всеми свойствами, какие он получил от дьявола в роковой день грехопадения или, по другой теории, унаследовал от обезьяны. Но если даже признать неизменность биологической природы человека, что вызывает в последнее время серьезные возражения, то невозможно оспаривать различия между современным человеком и прошлым. Нынешнего русского человека трудно представить себе православным мужиком, хранящим свою сермяжную правду; для этого надо быть очень старым, прожить всю жизнь в Париже или впасть в благочестивый обман, как это делают Солженицын и его друзья.

История состоит в том, что времена меняются и с ними меняется человек. Конечно, при этом не вся масса людей меняется одинаково быстро: впереди идут, если так можно выразиться, энтузиасты и разносчики прогресса, а за ними поспевает как может инертная масса обыкновенных людей. Трубадуров прогресса не так уж много; естественно, они считают себя элитой, солью земли, а отстающих собратьев презирают. Между тем эти отстающие собратья тоже хранят некую правду: они хранят святое недоверие своей культуры к опасным новшествам, могущим ее расшатать. В них здоровье культуры, ее устойчивая норма, и масса эта инстинктивно боится не испытанных на опыте идей, лихорадящих передовую элиту. Трагедия массы в том, что она не может выразить и развить свою правду: люди, способные производить и формулировать идеи, фатальным образом оказываются в партии прогресса, забегают вперед и доводят до последней крайности модную доктрину, между тем как идеологи компактного большинства, консерваторы и ретрограды, разделяют со своей публикой посредственные способности к мышлению и нехитрый набор ходячих идей.

Я не собираюсь развивать здесь подробнее философию истории, а выбрал из нее лишь несколько очевидных наблюдений, слишком часто упускаемых из виду. Культура, о которой идет речь, справедливо называется христианской. Ей две тысячи лет, и теперь она рушится у нас на глазах. Рушатся сами основы той западной цивилизации, о которой болтают все глупцы Америки и Европы. Вместе с христианской моралью, с христианским складом души исчезает самая основа трудолюбия и приличного поведения, основа отношений между мужчиной и женщиной, между отцом и сыном. Все это вынужден признать и неверующий — если он видит и слышит. Он видит, что рушится не только западная цивилизация, но и все другие.

По-видимому, мы зашли в тупик с нашим прогрессом. Марксизм, последняя ересь христианской религии, продержался недолго и опорочен кровавыми экспериментами. Последняя вспышка пламенной веры сменилась общим равнодушием к какой бы то ни было идеологии, да и вообще ко всем сложным и высоким идеям. На смену им вполне закономерно выступили совсем простые идеи, низменные с точки зрения наших предков. Психологи, наблюдая такое явление в жизни индивида, назвали это регрессией: человек, испытавший глубокое потрясение, теряет приобретения зрелого возраста и возвращается к привычкам своего детства. История двадцатого века есть история двух великих регрессий: возвращения к культу вещей и культу крови.

Опаснее культ вещей, потому что он всем доступен и не требует жертв. Я назвал бы его Опасностью номер один. Наш враг номер один — американизация жизни. Но нельзя говорить обо всем сразу. Я буду говорить дальше о культе крови: это Опасность номер два.

Масса, отставшая от прогресса, всегда держалась традиционных взглядов. Это было возможно до тех пор, пока традиция была жива и могла воспроизводиться в новых поколениях. В этих условиях инерция массы была полезна для человечества, подобно балласту, нужному для устойчивости корабля. Можно сказать, что

голос народа был в общественной жизни голосом здравого смысла, и воспринимался он, естественно, как глас божий. Все это было возможно, пока традиция была жива. Но вот традиция умерла вместе с христианской культурой. Ее убила в конечном счете наука, закономерно порожденная этой же культурой, а затем спущенная в народные массы в виде нескольких очень банальных мифов. Тогда народная культура стала быстро разлагаться; продукт этого разложения мы назовем, следуя Герцену, мещанством. Конечно, у мещанства есть общие признаки, и не обязательно связывать это понятие с особыми русскими чертами, как это сделал впоследствии Максим Горький; но для нашей цели важно как раз горьковское мещанство, взятое в следующей, советской, стадии его разложения. Потому что Александр Солженицын — идеолог современного русского мещанства.

Он представитель мещанской школы по своим идеям, но, конечно, нетипичен для нее своей личностью и поведением. Масса эта может найти себе идеологию только в прошлом, и доставить ей нужную идеологию могут лишь наиболее сильные ее представители, то есть люди, крепче всего укоренившиеся в этом прошлом. Таким человеком и является Александр Солженицын, идеология же его изготовлена из некоторой дореволюционной философии.

Затрудняюсь придумать ей название: «культ крови» звучит очень уж торжественно и подходит скорее для переходных явлений вроде немецкого фашизма, когда от традиции сохранялось еще достаточно много и мещанин был еще достаточно крепок, чтобы все это натворить. Я буду называть идеологию Александра Солженицына, как он назвал бы ее сам,— русским национализмом. Как я раньше сказал, русский национализм вступает теперь на путь, уже пройденный немецким, но не думаю, чтобы ему удалось этот путь пройти. К истории приложима старая мудрость: что в первый раз было трагедией, во второй раз оказывается фарсом. Это не значит, конечно, что русский национализм не способен вредить.

* * *

Поскольку мещанство несет в себе остатки христианской культуры, хотя бы в разрозненном и примитивном виде, вполне естественно, что мещанская реакция на распад этой культуры кое в чем заслуживает уважения. Прежде всего здесь надо сказать об отношении к так называемой «сексуальной революции». Конечно, в этом Александр Исаевич особенно расходится с нынешней разновидностью русского мещанства: он принадлежит по своему эмоциональному складу к самой «отсталой» его части и, следовательно, к самой лучшей.

В основе всякой культуры лежит система ограничений, задерживающих удовлетворение инстинктов. Развитие культуры состоит не в освобождении от этих ограничений, а в их усложнении: различие дозволенного и запретного углубляется, органически связываясь с первичными ценностями культуры. Если ограничения просто снимаются, то культура гибнет.

Александр Исаевич яростно не приемлет «сексуальную революцию». Он видит ее повсюду, проникшую во все слои общества и отравляющую все источники жизни, он ощущает ее как порчу, разложение естественного порядка вещей. Этим естественным порядком оказывается, конечно, патриархальная семья. Мещане нападают на «эмансипацию» женщины с помощью аргументов, издавна применяемых для обоснования сегрегации негров. Нам говорят, что каждый пол по-своему хорош, но сама природа сделала их разными, и каждому должна быть отведена отдельная сфера. Если женщина проявляет страстную любознательность, дорожит своей работой, добивается экономической независимости — все это объявляется сексуальной патологией. Мещане бывают разные, это не только простые обыватели, но равным образом джентльмены и поэты, они могут выражать свои чувства прозой и стихами. Джентльмены хотели бы видеть женщин в гостиной, но для подавляющего числа женщин популярный лозунг означает: назад, на кухню. Сторонники этого взгляда не затрудняют себя вопросом, какие гены в самом деле сцеплены с полом. Рассуждения их выражают совсем иную биологию: неумение справиться с женщиной и возникающий отсюда комплекс неполноценности мужчины.

Для Александра Исаевича все это, пожалуй, не так просто. На него все же повлияла романтическая концепция любви. Но в своей семейной философии он не романтик, а натуралист. И я удивляюсь, увидев в числе его почитателей женщин — работающих женщин, нередко любящих свое дело. Ведь согласно этой философии их место — на кухне. Иные женщины говорят на это, что не желают ничего другого и охотно бросили бы работу. Я заметил поразительное совпадение: это в точности те дамы, которые прочно держат своих мужей под каблуком.

С философской точки зрения, кухонная работа одинаково доступна обоим полам; но говорят, что лучшие повара все-таки мужчины.

* * *

Другая важная сторона в мировоззрении Александра Исаевича — его отношение к труду. В этом он очень консервативен, представляя почти исчезнувшую установку. У нынешнего русского мещанина традиционное отношение к труду почти исчезло, хотя и одобряется на словах. Простейший вид осмысленного труда — труд для собственного пропитания или пропитания семьи, труд, непосредственно связанный со своим объектом, с собственной землей, с предметом, возникающим под собственными руками. В этом простейшем смысле труд был доступен большим человеческим массам, и в этом смысле понимает его Солженицын. Одна из сильных сторон Александра Исаевича — понимание глубокой человеческой потребности в труде. Все помнят сцену из «Ивана Денисовича», где эта потребность проявляется в предельно бессмысленной лагерной работе. Лагерное население состояло тогда большею частью из тружеников, оторванных от земли и станка, но сохранивших привычку к работе, рабочие навыки, исстрадавшихся по настоящей работе. Беда в том, что теперь таких наберется немного — хотел было сказать, не хватит и на один лагерь, но все-таки — больше.

Человеческий труд прекрасен и в этом ограниченном его понимании, но сама ограниченность является характерно мещанской. Нельзя сказать, чтобы Александр Исаевич совсем уж не видел других сторон этого предмета. Как это ни странно, он уважает технику: после обличения автомобиля можно было бы ждать от него последовательного толстовства в отношении всяких машин. Как все русские крестьяне, попавшие за границу (а надо признать в Александре Исаевиче крепкую крестьянскую основу), он поражен был солидной хозяйственностью немецких деревень. У него есть техническая жилка, он любит хорошо слаженные механизмы. Более того, он уважает немецкую организацию: в этом проявляется его любовь к порядку, заслуживающее полного уважения наследие хозяйственного мужика. Беда Александра Исаевича в том, что он не верит в осмысленный общественный труд. Для этого поистине нужна вера после всего, что мы видели и видим каждый день. Неверие же, как всегда, бессильно, и вот Александр Исаевич, пытаясь соорудить некий трудовой план, забавным образом соскальзывает на советские рельсы. Он хотел бы соединить немецкую деловитость с русским православным размахом. Он хотел бы направить бригады русской молодежи на освоение Северо-Востока: как видно, его позитивные идеалы не идут дальше того же БАМа в православном варианте. Все это не только забавно, но и опасно, потому что — под другой вывеской — подозрительно похоже. Ведь если русские юноши не захотят добровольно осваивать Воркуту и Колыму, то поклонники Солженицына могут, уже не спрашивая его согласия, устроить православный Архипелаг.

* * *

Я перейду теперь к самому тяжелому прегрешению Александра Исаевича перед любившим его читателем — к его безудержному шовинизму. Здесь мы имеем случай безусловной регрессии. Самый язык этой идеологии подозрительно знаком. Все эти «национальные цели», «национальные идеалы», «национальное возрождение» звучат как перевод с немецкого. И если даже можно найти для всего этого русский источник, то перед нами, без сомнения, тот же язык.

Люди всегда соединялись в группы, общины, организации, чтобы вместе жить и вместе противостоять другим. Деление людей на партии вовсе не выдумано большевиками, оно древнее человека разумного и практиковалось еще человеком неразумным. Членов собственной партии нельзя было есть, а представителей враждебной полагалось съедать с соблюдением церемоний. Нельзя, конечно, рассчитывать, что и в самом далеком будущем люди перестанут делиться на группы, но можно надеяться, что способы их обращения друг с другом значительно смягчатся: ведь мы и сейчас уже не едим своих врагов.

Древнейший способ соединения людей был племенной: люди общего происхождения составляли союз, и это помогало им выжить. Естественно, они приписывали своему племени все достоинства, а другим племенам все пороки, и такая установка, конечно, древнее членораздельной речи. Иначе и не могло быть — лишь полное отчуждение от инородного человека могло вызвать необходимый прилив адреналина в момент, когда надо было раскроить ему череп. Древнюю историю заполняют племенные распри, а древние религии были для людей одного рода. Христианский бог начал свое поприще в качестве племенного бога евреев.

В конце древнего мира возник другой способ соединения людей — универсальная религия. Для нее не было племенных границ, не было «не еллина, ни иудея». В средние века религия стала силой, связывавшей европейские племена: весь христианский мир считался единой семьей с духовным руководством в виде единой церкви, и этот христианский мир противостоял миру неверных, рассматриваемых как люди низшего сорта или почти нелюди. Религия не сняла племенные различия, но смягчила конфликты между народами, наложив на прежнее деление людей другое, считавшееся более важным.

В конце средних веков этот способ деления людей стал сменяться новым: люди начали соединяться по своим убеждениям. Этот способ требовал от человека большей личной энергии, чем религия, которой можно было послушно следовать, или племя, в котором достаточно было родиться. В девятнадцатом веке личные убеждения человека стали важнее, чем религия и племя, в которых он явился на свет. Считалось — и особенно в России,— что человек должен сам вырабатывать свое мировоззрение, а не брать его готовым. Конечно, это пожелание трудно было исполнить, и человек примыкал обычно к одной из существовавших «идеологий»: прошлый век был «веком идеологии». Но каждый должен был сам делать выбор.

Но вернемся от философии к литературе. Главное течение литературы всегда было проникнуто гуманизмом, сочувствием к униженным и оскорбленным. Ему чужды были национальное высокомерие, национальная исключительность. Солженицын к этому главному течению русской литературы не принадлежит, потому что он не интеллигент и не гуманист. Конечно, в манере письма, в технических приемах Александр Исаевич происходит от классической русской литературы. Иногда он кажется сам себе старомодным и затевает смешные формальные эксперименты, но провал этих затей лишь подчеркивает его техническую традиционность.

Упорное, мстительное недоброжелательство Солженицына ко всем инородцам — евреям, полякам, латышам, мадьярам — объясняется вовсе не историей революции, да и вообще не связано с идейными причинами. Инородцев этих он просто не любит, как не любят их миллионы людей вокруг нас, и дело тут совсем не в революции, а в социальной психологии мещанства. Пиетет перед Солженицыным, созданный его бесспорным мужеством и заслугами, ореол святости, гораздо менее ему подходящий,— все это мешает увидеть в нем самые простые вещи, которые сам он не умеет как следует скрыть.

Получается, что Солженицын расист и антисемит? Да, расист и в особенности антисемит. При всем остальном. И потому не христианин, а всего лишь православный.

* * *

Часто забывают, что «православный» — лишь прилагательное к существительному «христианин». Те, в ком нет этого существительного, изо всей силы цепляются за прилагательное и сооружают себе удобное бытовое православие без Христа. Сказано, что для Христа «нет ни еллина, ни иудея». Но для православия этого толка отношение к евреям всегда было камнем преткновения. Желательно иметь национальную церковь и освятить этой церковью национальные идеалы. А тогда еврейство Христа и апостолов представляется невыносимым скандалом. Это и есть «всего лишь православие». Если же принимать христианство всерьез, то отношение русского народа к евреям, причиненные им обиды и унижения дают первейший повод для всенародного покаяния, о котором хлопочет Александр Исаевич. Лютеране в Германии каялись после войны, католики не сочли нужным. Верно и то, что вина России не столь еще велика, так что с покаянием можно еще повременить.

Должен сознаться, что чувство вины перед еврейским народом тревожит меня гораздо больше, чем это должно быть по моим убеждениям. Я признаю только личную ответственность человека, но не ветхозаветный племенной грех. По-видимому, Александра Исаевича такое чувство вины не тревожит. Во всяком случае, он неизменно проводит мысль, что надо разделить людей по национальным куриям и пусть каждая нация решает свои дела, не вмешиваясь в дела чужих. Александр Исаевич полагает, что русская нация пострадала больше всех других и потому имеет право на преимущественное внимание. И хотя он прямо не говорит, от кого русские так пострадали, но ясно, что не столько от собственной простоты, сколько от хитрой и злой воли чужих. Поэтому Александр Исаевич не склонен входить в обиды других наций. Пусть они заботятся о себе сами.

Не очень понятно, чего хочет Солженицын в национальном вопросе. Он напоминает полякам, что предки их нехорошо вели себя при Минине и Пожарском, и не может простить латышам, что латышские стрелки спасли советскую власть. Поскольку инородцы не хотят жить в России, он готов их отпустить, но в это я не верю. Шовинисты будут вести себя, как во все времена: они будут удерживать каждый кусок России, населенный каким угодно народом, будут удерживать любой кровью, и особенно — чужой. Недаром друзья его говорят уже не только о «национальном возрождении», но

все более сладострастно повторяют заветное слово «империя»!

И в покаяние я тоже не верю. Покаяние для Солженицына — формальная процедура отпущения грехов, и притом не другим, а самому себе, иначе говоря, ритуальное очищение: в этом он человек вполне церковный. Что касается прощения других, то кто ж в это поверит? Все разговоры его об инородцах, о людях других вкусов и мнений насыщены нетерпимостью, трудно сдерживаемым гневом.

Новой историей он недоволен. Надо повернуть историю вспять, устроить новое средневековье, но желательно без татар. И если допетровская Русь не была так хороша, как хотелось бы, почему бы не сделать ее совсем хорошей, подлинно допетровской? То есть взять тот же прогресс, но повернуть его назад?

Он не верит в будущее, мечтатель, проживающий в штате Вермонт. Он пытается переиграть былое. Живые люди, населяющие Россию, его раздражают. Иные ходят в церковь, но он не видит в них веры. Он не слышит их правды, никакой правды, кроме своей. Пророческого дара в нем нет. Он не видит, не внемлет и не живет грядущим. Он утопает в прошлом. И я думаю, что ему очень плохо.

Фото Евгения Кочеткова

АБРАМ ТЕРЦ

«КОММУНИЗМ – ЭТО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПЛЮС ЭМИГРАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ»

(Анекдот как средство расслабиться и получить удовольствие)

Стоит сойтись двум русским или трем евреям, вообще гражданам любой национальности, но советской, российской выучки либо чешской или польской — социалистической — принадлежности, как мы наперебой, оспаривая друг друга, принимаемся травить анекдоты. Все равно — какие. Приятно задавать вопрос: «А вы этот анекдот помните, как однажды Василий Иванович Чапаев...» — и услышать в ответ: «Ну как же! Конечно, помню. А вот я вам расскажу...» Приятно знать, приятно видеть человека, настроенного на анекдоты, предрасположенного к анекдотам. Значит, свои люди. Понимаем с полуслова. Сошлись.

Мы настолько привыкли, сойдясь в тесной компании, как последнюю новость рассказывать анекдоты или хотя бы вспоминать, кто что помнит, что сами не видим, не замечаем своего счастья: что мы живем при анекдотах — в эпоху устного народного творчества, в эпоху процветания громадного фольклорного жанра.

А ведь мы — филологи, историки, этнографы — иногда мечтаем: жить бы мне, например, в эпоху средневековья или в неолите, когда складывались и запросто пелись все эти былины, саги, сказки. Сколько бы я вынес оттуда великих истин и загадок, которые до сих пор пребывают во тьме неизвестности! Я был бы сопричастен поэзии у самых ее истоков!.. А между тем на наших глазах, рядом, совершается некое действо, в котором мы сами принимаем невольное участие и до которого покуда не дотянулась наука. Это — фольклор, анекдот. Не пора ли поэтому взглянуть на него внимательнее?..

Нашему вниманию мешает, помимо близости к факту его существования, то обстоятельство, что анекдот сам по себе не претендует на многое. Не то что героический эпос. Или свадебный обряд. Народный хор имени Пятницкого. А так себе — пустяк, мелочь ежедневная, анекдот...

С другой стороны, он всегда более или менее неприличен и непристоен. Пусть (предположим) он не задевает и не затрагивает иногда обычной для его поворотов фривольной, скабрезной тематики. Все равно он непристоен. Все равно в основании жанра и в условиях его работы, его развития и бытования лежит нарушение каких-то общепринятых норм поведения и речи. Анекдот словно хочет, чтобы его на этом самом месте запретили, ликвидировали. И на этом предположении и ожидании — живет. Дайте ему свободу, отмените запреты, и он сдохнет...

Не случайно появилась целая серия анекдотов, рассчитанная на преодоление самых последних барьеров. Я имею в виду так называемые анекдоты на небрезгливость. Рассказчик и слушатель (а значит, и мы с вами) должны в этом случае набраться храбрости, немного поднапрячься и сдержать невольно подступающий к горлу комок рвоты. То есть нужно отрешиться от его натурального образа, выйти на чистый воздух, в сферу эстетики, филологии, и не воспринимать слова и фабулу анекдота буквально и слишком близко к сердцу. В том-то и заключается эффект, художественный эффект этой серии: хватит ли пороха? А ну посмотрим, на что ты способен! Экзамен на выдержку, на чистое искусство задает нам анекдот. Провокация или проба на прочность, на принадлежность к жанру.

Экзамен происходит таким образом. Два туберкулезника (или — для красочности, для смака — два сифилитика) харкают в стакан, пока он не наполнится. А третий сотрапезник, побившись об заклад, на пари берется все это выпить одним залпом. Начинается экзамен, на котором мы присутствуем в виде жюри. Он пьет спокойно и медленно, почти до дна. Однако под конец почему-то не выдерживает и отставляет стакан. «Что? брезгуешь?!» — злорадно спрашивают эти двое за столом. «Да нет,— печально отвечает испытатель.— Сопля попалась: перекусить не сумел!..»

Пересказывая эти несчастные фабулы, я понимаю, что говорю недопустимое, что выслушивать меня неприятно и тошнотворно. Но мне, занимаясь анекдотом сугубо экспериментально, ничего не остается, как с самого начала, заранее, сжечь за собою все мосты и корабли. И все извинения предварительно вынести за скобку как условие разговора. В противном случае («брезгуешь?») не стоит браться за эту тему. Анекдот не просто груб, он по-своему привередлив, капризен и всегда предполагает переход границы дозволенного. Без этого перехода в запретную зону он просто не

В оригинале — «Анекдот в анекдоте». Печатается в сокращении. «Синтаксис», № 1 — 1978

существует. Напрашиваясь на скандал, на вмешательство морали (если не полиции), он выискивает «своих», «достойных», «посвященных». И вместе с тем для кого-то он будет наверняка оскорбителен, нестерпим, несносен. И это в его натуре, которой он откровенно любуется и которую подчеркнуто и многократно осознает.

Надо сказать, что анекдот вообще обладает каким-то повышенным сознанием собственного жанра, собственной формы. Он сам себя воспроизводит, на себя оглядывается, словно помнит, что он не кто-нибудь, а анекдот. Может быть, к нему применим известный в экономике термин «воспроизводство производства». В том смысле, что анекдот склонен возводить себя в квадрат, а то и в куб, опираясь на свои изначальные жанровые данные.

Множество анекдотов имеет форму табу, которое опять-таки подлежит бесцеремонному нарушению, что и становится солью рассказа. Табу на нецензурное слово. На ругань. На политическую крамолу. На правду. На положение вещей. На государственную тайну. С другой стороны, строжайшее соблюдение запрета (либо осторожный, хитроумный его обход), как перед плотиной громоздя нелепость на нелепость, до геркулесовых столпов, делает само запрещение комически-бессмысленным. Запрет взрывает себя. Так построены, в частности, многие ответы «армянского радио». И вообще «ответы на вопросы», на которые нельзя или неизвестно, что отвечать.

Допустим, иностранный корреспондент, в сопровождении парторга завода обходя заводской цех, внезапно обращается за интервью к первому же попавшемуся рабочему у станка.

— Расскажите, какая у вас квартира,— спрашивает корреспондент.

— У меня одна комната,— отвечает рабочий. Но парторг за спиной иностранца делает ему большие глаза, и рабочий продолжает:

— Одна комната... окнами на юг, вторая — на восток и третья — на запад.

— А какая у вас зарплата?

— Сто рублей.

Парторг снова делает большие глаза.

— Сто рублей... в неделю,— уточняет рабочий.

— О! Значит, 400 в месяц! Неплохо. Ну и последний вопрос: какое у вас хобби?

— 15 сантиметров.

Парторг снова делает большие глаза, и рабочий поясняет:

— 15 сантиметров — в диаметре.

В закрытом обществе советского типа, где всевозможные запреты (и в особенности на слово) принимают характер параметров самодовольного, полного в своей замкнутости бытия, анекдот не только служит единственной отдушиной, но и является, по сути, моделью существования. Вот эти формулы эпохи (из анекдотов 30-х годов): «Как живете?» — «Как в трамвае: одни — сидят, другие — дрожат». Или: игра в шарады. В поезде старый еврей загадывает шараду: «Первый слог моей фамилии — это то, что обещал нам Ленин. А второй слог моей фамилии — это то, что дал нам Сталин...» С верхних полок купе спрыгивают двое в штатском: «Товарищ Райхер, пройдемте!..» В данном случае фамилия старика — шарада всей советской истории.

Естественно, тема запрета, как, может быть, никогда и нигде в истории словесности, становится основанием и движущим стимулом советского анекдота. И она же придает ему ту жанровую локальность, замкнутость, самодостаточность, которые, вообще будучи свойственны анекдоту как особой поэтической форме, позволяют ему именно здесь, на советской, запретной, почве, достичь степеней развития и процветания.

Нетрудно заметить также, что анекдоты создаются чаще всего на пересечении или на стыке обыденного и сверхъестественного, тривиального и невероятного, близкого и далекого, своего и чужого. Полоса полного отчуждения неблагоприятна для анекдота. Так же, как, по-видимому, и слишком большая близость, самоотождествление рассказчика с героем рассказа. Возможно, этим объясняется и особый характер анекдотических гипербол — гиперболизм мелкого и ничтожного. Скажем, все эти веселые задачки-загадки на «сверхгрохот», «сверхжадность», «сверхнаглость», «сверхиндуктивность» и т. д. Или состязания в национальном изобретательстве по части ловкости, смелости, прочности, женской прелести, голода, вдских мучений и чего угодно. Выигрывает состязание обычно либо еврей (компот съел, а муху продал китайцу), либо русский (взял первый приз в международном конкурсе на тему «Голод», изобразив на картине тощий зад, затянутый паутиной). В данном случае мизерный предмет берется в сверхъестественном качестве или размере, не переставая быть мизерным.

Соответственно и героями анекдота, его устойчивым типажом становятся категории лиц и сословия, занимающие какое-то исключительное и при всем том близкое, родственное нам положение, одновременно высокое и низкое, отличное от нас и вместе с тем теснейшим образом с нами связанное, смешивающее наше «свое», исконное, и наше «чужое», воображаемое. Отсюда большие серии анекдотов о генералах, о пьяных, о сумасшедших, о евреях, о тещах, о женах, изменяющих мужьям (и наоборот), о детях в их переплетениях с психологией взрослого. Даже анекдоты о вождях, помимо исключительности этих лиц, вызваны одновременно их относительной близостью к нам — в виде хотя бы обязательных штампов, которые спускаются сверху в наш советский быт. О Гитлере в России, кажется, анекдотов не было (слишком чужое), а вот о Ленине — сколько хотите, и чаще — в теснейшем общении с повседневными, навязшими в зубах сюжетами: «броневичок», «ходики», «Надежда Константиновна», «мавзолей», прославленная ленинская простота и скромность.

В этой связи я хотел бы сказать несколько слов о Василии Ивановиче Чапаеве как первостатейном герое современных анекдотов. В своей образной жизни Чапаев, как известно, пережил несколько этапов и поворотов. Легендарный — в преданиях и рассказах его бойцов, воспринимавших Чапаева в духе народных героев, вроде Степана Разина и Ермака Тимофеевича. Затем — правдиво-документальный, но художественно довольно бесцветный Чапаев в повести Фурманова. Далее — полнокровный и героический образ в знаменитом кинофильме (смесь бесстрашия и безграмотности, полководческого таланта и мужицкой наивности, великодушия и капризного деспотизма). И наконец — очевидно, как развитие этого киногероя, последний период его жизни — анекдотический. Вероятна также связь этой серии о Чапаеве с пятидесятилетием Октябрьской революции в 67-м году и юбилейными штампами, когда эти анекдоты впервые и появились.

Но уместно задаться вопросом: только ли расставание с былым кумиром толпы и с иллюзиями прошлого путем их перевода в пародийный мир анекдота повлекло эту длинную и блистательную серию? Нет, где-то анекдотический Чапаев все же остается положительным персонажем.

Как это ни странно, он сохраняет значение народного героя, хотя и навыворот, в соединении тупости, храбрости, невежества, простодушия и реалистической рассудительности. Он несколько похож на сказочного дурака — правда, без победного ореола и в исключительно шутовской роли. Стоит сравнить его анекдотический образ с параллельными анекдотами о Ленине, как мы заметим, что наши симпатии целиком и полностью на стороне Чапаева и что, несмотря на всю дурость, его имя окружено добротой, снисходительной терпимостью

и подбадривающей, насмешливой народной любовью.

Я не стану приводить анекдоты о Чапаеве, хорошо всем знакомые, но сошлюсь на один образец, который рассказывает, собственно, уже не о Чапаеве, а о чем придется и являет типичный случай анекдота в анекдоте. Однажды, совсем недавно, Советское правительство решило выяснить, какой в наше время анекдот самый популярный. Для этого собрали и записали все анекдоты и сунули записи в кибернетическую машину. Через несколько часов появился из машины ответ — универсальный, кибернетический суперанекдот:

«Идет по Красной площади Василий Иванович Чапаев и встречает Владимира Ильича Ленина. И Владимир Ильич спрашивает Василия Ивановича (с еврейским акцентом):

— А что, Абгам, ие пога ли в Изгаиль?!»

Когда-то по пятам событий слагались исторические песни и легенды. Одно время на эту потребность пыталась отвечать частушки. Теперь эта миссия полностью перешла к анекдоту. Впрочем, анекдот в Советской России остался единственно современным фольклорным жанром. Блатная песня, которая одна по своей художественной значимости могла с ним конкурировать, уже отходит в прошлое. Анекдот же развивается, живет, и дай Бог ему здоровья. В последнюю четверть века он проявляет, мне кажется, бóльшую, чем раньше, историческую заинтересованность. Не только смерть Сталина, культ Ленина, Хрущев, Брежнев, но и более отдаленные от нас факты и персонажи получили жизнь в анекдоте, притом собственно российского изобретения,— Гомулка, Дубчек, Гусак, Моше Даян, Джавахарлал Неру, Никсон, президент Свобода («президент Свобода — это осознанная необходимость»)... Успели появиться анекдотические отклики на «самолетное дело», на отъезд евреев из СССР, на диссидентов, на самиздат, на роль Сахарова в русской истории. В то же время анекдот все более активно проникает в современную литературу. Достаточно назвать Галича, «Чонкина», повесть «Москва — Петушки», главу «Улыбка Будды» из романа Солженицына «В круге первом», Аксенова, Зиновьева...

Иногда кажется, от всей нашей современности останутся одни анекдоты и тем ее, бедную, увековечат. Однако, увы, и анекдот от нас ускользает. Не только потому, что, как истинно фольклорный, устный род поэзии, он блекнет на бумаге, теряя живой голос, мимику, жесты, которыми он сопровождается, а иногда практически и полностью овеществляется, наподобие пантомимы. К этому надо прибавить, что в отличие от других фольклорных жанров, рассчитанных на многократное повторение и закрепление в народной памяти, каждый конкретный анекдот быстрее сходит со сцены, замещенный новым, более острым, актуальным откликом. В новизне — его и соль, и живучесть, подвижность, всепроникаемость, историчность. Здесь же и его быстротечность. Он мигом вспыхивает, но скоро сгорает, забывается. Хотя мы и любим порою вспоминать старые анекдоты, нам хочется всегда услышать какой-то новый, еще неизвестный, самый последний выпуск. Не то что песня или сказка.

...На этом можно было бы и поставить точку и закончить рассказ об анекдоте, когда бы не еще одно его свойство — может быть, самое главное. Это, я бы сказал, его философское отношение к миру, к вещам, к старому и к новому, когда новое — это вариант старого, но все-таки новый вариант. Если мы представим себе анекдоты в виде бесконечной цепочки, то она, эта цепочка, охватит чуть ли не все искомые или возможные положения человека на земле.

Истина, которую предлагает нам анекдот, несмотря на его режущую прямолинейность, всегда многозначна и опускается на несколько точек нашего сознания, включая и печаль, слезы и безысходность положения, в котором мы находимся. Попробую пояснить это двумя короткими заключительными примерами. Первый анекдот — на тему мировой несправедливости и одновременно на тему победы искусства над действительностью и поэта над чернью. Если угодно, это тема «Моцарта и Сальери».

Идут два ворошиловских стрелка по Тверскому бульвару, мимо памятника Пушкину, и один другому говорит:

— Где справедливость?! Ведь попал-то Дантес! А памятник поставили Пушкину!

Второй анекдот, тоже исполненный грусти и мудрости, дает совет, что делать нам в самых неприятных и отчаянных ситуациях. Когда нет спасения и все плохо, все непристойно. Вот тогда анекдот, сам переходящий границы пристойности, предлагает нам в утешение самого себя. Можно сказать, перед нами программа жизни самой беспросветной, безвыходной, но исцеляемой от бед — смехом, юмором искусства и не более того.

Вопрос:

— Что делать девушке, когда ее насилуют?

Ответ:

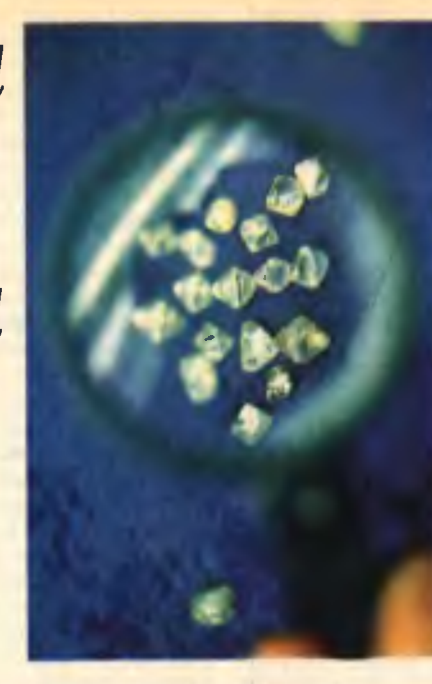
— Расслабиться и постараться получить удовольствие.

Эту рекомендацию я отношу и к собственному докладу.

Благодарю за внимание.

Размечтался Иванушка об алмазном венце...

СОВСЕМ НЕ СКАЗОЧНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ, КАК ЗАДУМАЛИ ЛЮДИ ЛИШИТЬ ПРИДАНОГО И ПОГУБИТЬ КРОТКУЮ ЗОЛОТИЦУ

Это открытие, став сенсацией для геологов, долгое время оставалось тайной для всех нас.

Почти десять лет о беломорских алмазах в открытой печати — ни-ни! А ведь в ста километрах к северо-востоку от Архангельска найдены были не просто кимберлитовые трубки — была обнаружена новая алмазоносная провинция на Русской платформе. Месторождение получило имя М. В. Ломоносова, еще в те далекие годы сумевшего предвидеть: «По многим доказательствам заключаю, что в северных недрах пространно и богато царствует натура...»

Сведения о запасах и добыче алмазов, равно как и золота, во все времена считались сведениями стратегического характера и потому содержались в строгом секрете. На страже государственной тайны и прочих державных интересов стояли печально известный Главлит, органы КГБ, а у них за спиной — «Главалмаззолото», Министерство финансов и Гохран СССР. Если следовать логике руководителей «Главалмаззолота», этого ведомства-монополиста, ориентированного прежде всего на свои интересы в Якутии, архангельские алмазы приберегались ими как бы на черный день.

Столь прохладное отношение центра задевало и даже оскорбляло профессиональное самолюбие работников ПГО «Архангельскгеология», по праву считающих себя первооткрывателями. В Госплан и в Совмин Союза из Архангельска шли письма и телеграммы с просьбой форсировать работы на месторождении.

До каких пор будем в лаптях ходить по бриллиантам? В период социальных катаклизмов алмазы всегда были спасением. Этой мыслью буквально пронизана статья В. Черткова («Бриллианты Беломорья», «Правда», 14.06.90 г.). «Не знаем, что творится в нашем доме,— сокрушался автор.— Какие уж мы хозяева земли... Были бы ими — не держали бы алмазы в земле, гремя при этом в рваных штанах медяками. Австралийцы в то же самое время нашли алмазы у себя и уже вовсю разрабатывают их...» И под занавес еще такая душераздирающая картинка, способная вызвать гастрит у столичного читателя и спровоцировать старательский зуд у местного населения: «А поселковый магазин, куда я затем зашел, был одичало пуст. Рыбные консервы, от которых до сих пор сводит живот, забродивший сок в трехлитровых банках, баклажанная икра, хлеб — вот и все, и живи как знаешь. И это в нескольких сотнях метров от камней баснословной цены...»

Какой знакомый мотив... Сколько уж раз, подобно простодушному, удачливому Иванушке, надеялись мы разбогатеть! Чтобы сразу — и на всю оставшуюся жизнь.

Но странный какой-то народ, эти северяне-трескоеды. Как собака на сене: сами взять не могут и другим подступиться мешают. Видно, иные сказки слагали во времена далекие и помнят до сих пор в родовых поморских селах, что на речке Золотице. Не поддаются здесь соблазну скорого обогащения, сколько б ни сулили им люди заезжие сказочных барышей: вы только не упорствуйте, уступите государевым интересам...

— За державу,— ответствуют,— не менее вашего печалимся, но с нахрапу брать ничего не позволим. Не те нынче времена...

Времена и впрямь наступили удивительные. Сегодня деревенский сход, невзирая на все установки «сверху», своим решением запросто объявляет «реку Золотицу — от Золотицких озер до устья — заказником с шириной полосы от каждого берега 15 км», а депутаты сельского Совета на сессии столь же решительно постановляют: оставить месторождение алмазов имени М. В. Ломоносова в резерве разведанных запасов на 100 лет.

— Пока не поумнеем, не научимся беречь то, что нас окружает,— объясняет позицию своих земляков председатель Зимне-Золотицкого сельского Совета Борис Михайлович Бурых.— Мы уже имеем в соседях две геологические экспедиции, но это пока лишь разведка, а что произойдет с началом промышленного освоения?

Тревога председателя вполне обоснованна. Ведь добывать алмазы собираются, как и в Якутии, открытым способом, другие варианты всерьез не рассматриваются. Экономически выгодно, говорят: себестоимость карата, добытого из карьера, в полтора раза ниже, чем при подземном, шахтном способе. Может, и так, но кто возьмется подсчитать ущерб, наносимый природе? Ведь образуются не только гигантские карьеры-воронки и отвалы извлеченных оттуда материковых пород — в результате площадного осушения на огромной территории будет сведен лес, исчезнут многие болота, ручьи, катастрофически обмелеют реки и озера...

Еще на стадии разработки предпроектной документации горно-обогатительного комбината было принято решение реку Золотицу отводить, усекая ее в верхнем течении вместе с нерестилищем семги на десятки километров. Тогда, как считают специалисты, не станет не только семги, но и кумжи, нельмы, сига, хариуса, форели — более двадцати видов рыб встречается в неприметной на больших картах Золотице.

До каких же пор будет повторяться в нашей истории череда подобных жертвоприношений? И ради чего? Чтобы потешить чье-то тщеславие холодным блеском бриллианта? Так сердцу истого помора много милей, когда сверкнет серебристым боком рыба в реке. Алмазы, сколько б их ни было, рано или поздно кончатся, а река, лес и море кормили сотни поколений до нас, неужели мы последние?

— Нас совершенно напрасно изображают вершителями судеб, безжалостными завоевателями,— утверждал в беседе с журналистами начальник Главного управления драгоценных металлов и алмазов В. Рудаков.— Мы давно отказались от принципа «ввяжемся в драку, а там посмотрим». В отношении архангельского месторождения нельзя торопиться: рискованно начинать серьезное дело до тех пор, пока не будет представлено и всесторонне рассмотрено технико-экономическое обоснование...

Трезвые оценки начальника союзного главка заслуживают того, чтобы к ним прислушаться. В алмазодобыче, как и в других отраслях добывающей промышленности, правит бал экономическая целесообразность. Добывать драгоценные кристаллы есть смысл тогда, когда находятся люди, которые в состоянии покупать бриллианты и изделия из них. И глубоко заблуждается тот, кто считает, что спрос на мировом алмазном рынке превышает предложение. Продажа бриллиантов и необработанных алмазов жестко контролируется южноафриканской фирмой «Де Бирс». У нашей страны, так же как и других стран, добывающих алмазы (Австралия, ЮАР, Ботсвана, Заир), фиксированная квота.

— Мы ведем переговоры о ее увеличении,— пояснил В. В. Рудаков.— Как известно, «Главалмаззолотом» заключен договор с «Де Бирс» на ближайшие пять лет. И все равно масштабы нашей алмазодобычи таковы, что рынок не может всего поглотить. Что же касается использования алмазов на технические цели, в частности для изготовления высокопрочного инструмента, тут я совершенно ответственно заявляю: ни одна страна в мире не тратит ежегодно на инструмент такое количество дорогостоящих природных алмазов, как СССР.

Насколько я знаю сырьевую базу нашей страны, ее возможности, а также конъюнктуру мирового рынка, алмазы Архангельска могут понадобиться где-то к 2005 году, не раньше...

Значит, все-таки понадобятся? И судьба Золотицы, сколько бы ни протестовали местные жители, предрешена? С таким развитием событий решительно не согласились члены совета Государственной экологической экспертизы Госкомприроды РСФСР.

Совет единодушно высказался за то, чтобы «Главалмаззолотом» при разработке технико-экономического обоснования были равноценно рассмотрены варианты разработки месторождения открытым, подземным и комбинированным способами. До начала разработки ТЭО предложено провести научные исследования по гидрогеологии, инженерной геологии, специальной охране поверхностных и подземных вод, влиянию свода лесов на запыленность атмосферы и климат района. Предстоит дать полную стоимостную оценку ущерба, который неизбежно будет нанесен растительному, животному миру и рыбным запасам.

Сейчас при общей сметной стоимости строительства в 1315 млн. рублей затраты на охрану окружающей среды планируются в пределах 120 млн., или 9 процентов. В какую сумму они могут вылиться, если реализовать по полной схеме все, на чем настаивают специалисты-экологи? Не исключена ситуация, когда затраты на природоохранные мероприятия и социальные нужды не будут покрываться стоимостью добываемых кристаллов, не говоря уже об ожидаемых сверхприбылях. А если, паче чаяния, расчеты эти подтвердятся, тогда самое разумное — последовать решению сессии Зимне-Золотицкого сельского Совета: оставить месторождение в резерве разведанных запасов. До лучших времен. Может, те, что придут после нас, окажутся умнее, проницательнее и сумеют подобрать к алмазным кладовым не грубые механические отмычки, а совсем иные, любезные природе, но не ведомые нам ключи.

АЛЕКСАНДР ЕМЕЛЬЯНЕНКОВ,
народный депутат СССР
Фото МИХАИЛА СЕРДЮКОВА
Архангельская область — Москва — Якутская ССР

ЕВГЕНИЙ СТАРИКОВ

ЧЕЛОВЕК КАЗАРМЫ

Имя философа Е. Старикова стало широко известно после появления его острой, неожиданной и увлекательной статьи «Маргиналы».

Предлагаемый читателям «Родины» материал — из книги Е. Старикова «Общество-казарма», выходящей в издательстве «Прогресс».

Давайте говорить начистоту: всякая попытка регламентации и унифицирования человеческих связей и деяний — первый шаг на пути к самоуничтожению.

Материальной основой свободы личности от внешней регламентации, вещным базисом Поля Личной Автономии (ПЛА) является частная собственность. Обладание некоей меновой стоимостью, согласно Марксу, превращает «личную мощь» в «некую вещную мощь». Или, как то же самое проще выразил Достоевский, «деньги — это чеканная свобода». «Вещная мощь» собственника дает ему не только свободу, но и чувство собственного достоинства, в том числе и перед «верхами».

28 февраля 1484 года. Франция. Торжественное заседание Генеральных Штатов. Руанский депутат Масселен, выступая против налогового бремени, говорит: «Да, в монархии народ остается верховным господином своего имущества, и нельзя отнимать его у народа, когда он в полном своем составе противится этому. Он принадлежит к свободному состоянию: он не раб, а подданный королевской власти». Г. В. Плеханов приводит этот эпизод в качестве примера отличия западноевропейской свободной личности (свободной даже в условиях средневековья) от личности восточного типа, подданного от холопа: «Холоп распоряжается своим имуществом лишь с позволения своего господина, а подданный остается верховным собственником того, чем он владеет, и король не может без его согласия «отписать на себя» его имение. На земский собор съезжались *холопы* московского государя; на собраниях Генеральных Штатов выступали *подданные* французского короля».

Если человек лишен права распоряжаться своим имуществом, своей рабочей силой и умственными талантами, он теряет самоуважение, чувство собственного достоинства и чести. А эта потеря — основа всех моральных болезней личности. Отсюда проистекают все прочие духовные неудачи нашего общества. Н. А. Бердяев в работе «Духи русской революции» писал: «Гоголю открывалось бесчестье как исконное русское свойство. Это бесчестье связано с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, с подавленностью образа человека. С этим же связана и нечеловеческая пошлость, которой Гоголь нас подавляет и которой он сам был подавлен».

Жалованная грамота положила первый камень в экономический фундамент европеизации России, то есть раскрепощения государственных сословий и превращения их в экономические классы, обладающие частной собственностью. Последний, завершающий шаг на этом пути — наделение частной собственностью и соответственно личными правами и свободами подавляющего большинства русского населения — крестьянства — попытался сделать П. А. Столыпин. Он отлично понимал прямую зависимость этих свобод и чувства собственного достоинства от частной собственности. Эту зависимость он четко сформулировал в своей речи в III Думе 16 ноября 1907 г.: «Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы (то есть элементом гражданского общества.— *Е. С.);* он, трудолюбивый, *обладающий чувством собственного достоинства* (выделено нами.— *Е. С.),* внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток. Вот тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма».

Закончить европеизацию страны Столыпину, как известно, не дали: ультралевые «с подачи» ультраправых убрали великого реформатора, а мировая война и 1917 год поставили на реформах крест. Так *никогда* и не удалось русскому народу в своем подавляющем большинстве узнать, что же это такое — частная собственность. Отсюда и характеристика Бердяевым бесчестья «как исконного свойства русского народа».

В структуру Поля Личной Автономии (ПЛА) входит и чисто психологически необходимое пространство как антитеза скученности. Это свойство — биологическое, присущее всем высшим животным. Как пишет доктор биологических наук В. Дольник, «в условиях скученности у животных снижается запрет на то, что принадлежит другим. Так, агрессивные особи начинают нарушать границы участков соседей, отнимать у других пищу, гнезда, норы, удобные места. Подавленные животные, конечно, ничего не отнимают, но пытаются похитить незаметно, чего раньше не делали. Комфортность, качество жизни популяции в результате этого падает быстрее, чем растет ее плотность»[1].

Так же как и в этологии животных, в социальной этологии есть определенная закономерность, в соответствии с которой окружающая человека предметно-пространственная среда должна быть соразмерной ему величиной. Сужение этого пространства есть уже непосредственное, прямое насилие над ПЛА, его физическая ломка. Короче говоря, у человека должно быть свое жилище, желательно свой дом, пользующийся неприкосновенностью.

Точно так же как частная собственность дает свободу, личная собственность на жилище дает свободу бытовую, охраняет ту бытовую, интимно-личную сферу жизни, которая на Западе табуирована для вмешательства.

Для полноценного функционирования ПЛА человеку необходима информация. Без нее невозможно планировать свое поведение и предвидеть его последствия, самому выбирать способ действия. Наличие информации позволяет осознанно выбирать из нескольких вариантов. Без нее главное содержание свободы — свободы выбора — лишается смысла.

Свободное распоряжение частной собственностью, так же как и выбор свободного поведения, вырабатывает у человека чувство личной ответственности за последствия своих поступков. Если человек не свободен в выборе поведения, он не несет за него ответственности.

Примат личности над обществом — очень старый принцип германского обычного права, особенно в его англосаксонском варианте. Еще в конце XIII века в Англии, когда в период обострения «криминогенной ситуации» в стране король Эдуард издал указ о заключении нарушителей общественного спокойствия в тюрьму без предварительного следствия, англичане объявили это «стеснительным» и потребовали отмены. Уже в то время они понимали, что вслед за маленьким и, казалось бы, вполне оправданным нарушением ПЛА последует еще целый ряд мелких шагов в том же направлении и кончится все это тем, что личность окажется подмятой государством.

Принцип примата личности над обществом и государством — это основополагающий принцип либерализма. К сожалению, либерализм так и не прижился на русской почве, а само слово «либерал» приобрело у нас презрительно-ругательный оттенок с обязательной приставкой «мягкотелый».

Достоинство личности, основанное на ее автономии,— ценность абсолютная и безотносительная. Никому не дано по-хамски вламываться в чужое Поле Личной Автономии, даже если индивид ведет себя «неправильно», но этой своей «неправильностью» не затрагивает ПЛА других людей. Это его священное право.

В XVII в. английская философско-правовая литература обогащается понятием *утилитарной автономии,* суть которой сформулирована Гоббсом следующим образом: «никто не может домогаться права быть советчиком другого». В соответствии с этим принципом человеку должна быть предоставлена возможность для действия на свой страх и риск, для проб и опытных выводов, для ошибок и перерешений, падений и возрождений. Общество как бы «дает фору» индивиду, не применяя к нему государственного принуждения до того момента, пока он не нарушает законов. Каждый гражданин волен послать подальше сколь угодно высокого самозванного наставника, сующего нос в такие его дела, которые не наносят ущерба другим согражданам.

Здесь мы сталкиваемся с принципиально различным пониманием права на Востоке и Западе. В рамках восточного типа социальности право есть не что иное, как исходящее сверху законодательное принуждение, чья-то «воля, возведенная в закон». О взаимных обязанностях государства и граждан здесь не может быть и речи. Принцип формального равенства перед законом всех субъектов права на Востоке не известен. Закон здесь тождествен государеву указу, а свод законов равнозначен «уложению о наказаниях», или, выражаясь современным языком, армейскому дисциплинарному уставу, либо — в лучшем случае — уголовному кодексу. Закон в таком понимании есть синоним репрессии, а само «право» носит явно карательный характер.

Социальность, основанная на частной собственности и товарно-денежных отношениях, понимает право принципиально по-иному. Круг прав и свобод, входящих в ПЛА и охраняемых в правовом государстве законом, хорошо описан русским мыслителем Б. Н. Чичериным в его книге «Курс государственной науки»: «Личные права граждан суть: 1) личная свобода; 2) неприкосновенность дома, бумаг и писем; 3) свобода и неприкосновенность собственности; 4) свобода промыслов и занятий; 5) свобода совести; 6) свобода слова; 7) свобода собраний и товариществ; 8) право прошений. Последние три вида имеют значение не только частное, но и политическое».

ПЛА закрепляется также и в этической культуре. Высшей формой такого закрепления является вежливость.

Взаимное соблюдение норм вежливости стало на Западе обязательной этической нормой как для низов, так и для верхов общества. И если для нас, привыкших к массовому и всепроникающему повседневному хамству, это не более чем курьез или просто свидетельство хорошей воспитанности, то на самом деле это факт безоговорочного признания за *любым* человеком права на неприкосновенную сферу личной автономии, которую, как панцирь, прикрывают и нормы права, и нормы морали (в том числе правила вежливости), и вся культурная традиция в целом.

Рассуждая о проблеме вежливости и ее существования в рамках западной (в данном случае англосаксонской) и восточной (в нашем примере — советской) социальности, осмелюсь для сопоставления привести две цитаты. Первая — из книги известного советского журналиста (ныне покойного) Владимира Осипова, вышедшей более 20 лет назад, «Британия. 60-е годы»: «В Англии крик — явление редкое. И это имеет хотя бы то преимущество, что здесь не так шумно. /.../ К тому же англичане кричать на себя не позволят. Миссис Баркер, Филд, назовите ее как угодно, может провести полдня на коленях, вытирая пыль или моя пол в офисе, где она работает за 7 фунтов в неделю. Но голоса на нее шеф не повысит. И не может быть такого, чтобы, переступая утром еще влажные, только что вымытые миссис Баркер ступеньки, он не сказал ей «Доброе утро»[2].

А вот — другой сюжет. «Помню позднюю осень,— пишет рабочий из Львова В. Ищук,— свекловичное поле, слякоть, окоченевшие руки, ветер и сапоги, которые невозможно вырвать из черного месива. Мы помогаем матерям. Четыре, пять гектаров свеклы на каждую женщину. Бабы с обветренными лицами, опухшими руками, простуженные, выбиваясь из сил, дают план. Им памятник за этот адский труд надо бы или по кружке горячего чая хотя бы. Но, фыркнув грязью, метрах в пяти от нас останавливается «газик», полный незнакомых нам мужчин. Открываются двери, но из машины на грязь выходит только один. Женщины начинают двигаться быстрее, вроде чувствуют какую-то вину.

— Что вы как сонные мухи ползаете! Снега дожидаетесь!

— А ты сам попробуй...

— Что?..

Дальше идет брань — грязная, отборная, злобная. Женщины прячут головы в плечи и, подталкивая нас в спины, уводят подальше. Что они могут сделать? Одна бросает копать и голосом, дрожащим от обиды и стыда:

— Совисть хоть бы мав, то ж диты малые...

Оратор замолкает от неожиданности, узнает у шофера фамилию женщины, и «газик» уезжает.

Работаем дотемна. Подходим к крайним хатам. Навстречу бежит девочка:

— Мамо, мамо! У нас обыск робылы. Шукали самогон... Кукурузу розсыпалы, и бурякы, що для свыни, казалы сахарни...

— Я так и знала, ой, горенько мое, горе... За шо?..— заливается плачем женщина.

И ее плач зависает над улицей в темной осенней слякоти. Нам страшно.

Спросите у этой женщины, получавшей тогда за свой

труд рублей 200—300 в год, коммунист ли тот человек, что сидел в машине»[3].

Мне кажется, что тот человек в машине был настоящий коммунист.

* * *

Свободный человек отличается от обитателя общества-казармы наличием ПЛА. У «казарменного человека» ПЛА быть не должно «по уставу». Но отсутствовать оно может в силу двух разных причин:

1) *ПЛА никогда не было.* Такая ситуация характерна для первобытного коммунизма и древнего казарменного коммунизма. Не было ПЛА — значит, не могло быть и факта его уничтожения, а вместе с ним — и лишения личности чести и достоинства: нельзя же отнять то, чего не было. Для человека той поры характерно благостное состояние добровольного рабства, саморастворения в коллективных и государственных структурах.

2) *ПЛА уничтожено.* В отличие от девственно-наивной несвободы первобытного «коллективиста» современная несвобода в рамках «второго издания» казарменного коммунизма — результат предварительного искушения свободой. Личность, вышедшая из традиционного общества, попадает в условия высокоорганизованной саморегулируемой системы с ее высокими личностными стандартами, с тяжелой привилегией свободного человека самому выбирать. Получив такую привилегию, бывшая традиционная, а ныне — эмансипированная личность испытывает тяжелые муки буриданова осла, а вновь приобретенное Поле Личной Автономии воспринимается ею как поле пустоты и отчуждения от тесных личностных связей прежней узкой корпоративной общности. Душевно травмированная свободой, такая личность бежит от нее обратно — в объятия только что покинутого, затхлого, но такого уютного и безопасного мирка, где не надо принимать решений и нести за них ответственность, где несвобода компенсируется «уверенностью в завтрашнем дне». Но, как известно, нельзя дважды войти в одну и ту же реку. И тогда добровольно отброшенные личностью свободные связи заменяются не старым добрым коллективизмом общины, а аппаратно-бюрократическим «протезом» — холодным и злым, обесчеловеченно-отчужденным псевдоколлективизмом большой казармы. Наступает пора сплошных эрзацев и заменителей всякого рода — квазиколлективизм, псевдомораль, квазиобщина, псевдоличность... Правда, на новоязе этого «дивного нового мира» приставка «псевдо» с успехом заменяется прилагательным «социалистический»: социалистический коллективизм, социалистическая мораль, социалистическая демократия, даже рынок и плюрализм — и те «социалистические». Страны, приобщенные к новому изданию казарменной социальности, получают в своем официальном названии такой словесный довесок, как «народная» или «демократическая», усиленный же вариант казарменности обозначается плеоназмом «народно-демократическая». Это значит, что идеал оруэлловской «Океании» почти достигнут. Весьма образно описывает этот вновь обретенный тип «коллективистской» социальности Рута Ванагайте: «Для западного человека другой человек — позитивен: это возможный будущий партнер, клиент, работодатель. Другой являет собой условие моего благоденствия. Условие благоденствия социалистического человека — полное отсутствие другого. Другой, иной, чужой — всегда лишний. И очереди были бы короче, если бы не было этого другого, и в троллейбусе нашлось бы место для второй ноги. Униженные, мы всегда, пытаясь излечиться, искали еще более ничтожных. То «педерастов», то «жидов», то «олигофренов», то «чукчей». Сыскав, кого столкнуть на самую нижнюю ступеньку социальной лестницы, сами поднимались... на предпоследнюю» [4].

Следствием насильственного разрыва социальных связей, интегрирующих отдельных людей в добровольные автономные организации, и уничтожения самих этих организаций, образующих клетки живой ткани гражданского общества, явилось то, что эта живая ткань оказалась изодранной в клочья, а это в дальнейшем должно было обернуться некрозом самой социальной ткани. Человек, Поле Личной Автономии которого подвергается уничтожению, с которого «сдирают» один слой социальных связей за другим, как с кочана капусты сдирают лист за листом, постепенно десоциализируется, превращаясь из «совокупности всех общественных отношений» в «абстракт, присущий отдельному индивиду», в социальный (точнее, десоциализированный) атом. Таковы итоги функционирования «нового» типа казарменной социальности.

Важно понять: *социальная организация не может быть лучше, чем составляющие ее элементы.* Давно пора отбросить наивную веру в силу общественных отношений политических структур и прочих социальных конструкций, существующих как бы вне и помимо человека. Еще Токвиль на вопрос: «Чего недостает народам, лишенным свободы?» — отвечал: «Им недостает одного: желания быть свободными» [5].

Освобожденная от внешней узды, энтропийная личность реализует свою «свободу» по-хамски, за счет подавления свободы других, методиками кулачного права: «Моему ндраву не перечь». Не в этом ли заключается наша пресловутая русская «вольность», которая соотносится с понятием «свобода» так же, как анархия соотносится с демократией. Если носителем свободы на Западе был бюргер, то носителем «вольности» на Руси — «гулящий человек», а то и просто «вор», то есть разбойник.

Приходим к неутешительным выводам: если количество свободных элементов в обществе не достигло определенной критической массы, общество *само* объективно стремится к упрощению, нуждается во внешней несвободе, которая в таких условиях выступает как заслон на пути бесконтрольного расползания энтропии. Получая внешнюю свободу, но оставаясь внутренне несвободным, «энтропийный человек» наводит на весь мир порчу. Захлебнувшись собственным хамством, утопая в анархии, такие люди *сами* ищут спасение в создании общества-казармы. Никто *извне* их не порабощает — «теория заговора» здесь явно не срабатывает, поскольку она попросту излишня — все ясно и так. Еще Платон и Аристотель знали, что разгул охлоса приводит в конце концов к установлению тирании. Причастность же Писистрата, Поликрата, Дионисия и прочих древнегреческих «отцов народа» к «жидо-масонскому заговору» всерьез не рассматривалась даже такими «специализированными» изданиями, как «Молодая гвардия» и «Наш современник».

Завершающим аккордом энтропийного упрощения общества явилось появление первобытных человеческих стай в городских трущобах наших городов — будь эти трущобы старозаветными нахаловками и шанхаями, состоящими из бараков и балков, или же «модерновыми» микрорайонами — еще более обесчеловеченными, дикими и страшными, нежели «старые добрые» нахаловки. Кто встал на дорогу упрощения — придет к небытию.

Но когда энтропийный процесс только начался — в эпоху бури и натиска — упрощение системы вызвало к жизни высвобождение колоссальной социальной энергии. Наступило время напряжения духовных и физических сил, состояния, которое М. М. Пришвин назвал «гениальной невменяемостью». Коллективное умопомрачение, тотальная наркотизация мышления достигают своего апогея. Создаваемые при этом новые, гораздо более примитивные социальные конструкции начинают светиться каким-то странным мистическим светом, приобретая дикое, сатанинское величие. Даже заезжие с Запада либералы подпадают под мрачное очарование чудовищного социального мутанта. Схожее чувство испытал в свое время маркиз де Кюстин, лицезревший предшественника сталинского монстра — деспотию Николая Палкина.

Если даже на просвещенного западного либерала казарменный левиафан произвел столь гипнотически-завораживающее впечатление, то что же тогда спрашивать с маргинала, лишившегося социальных связей и чувствующего себя беспомощным и слабым? Социальный атом испытывает исступленный восторг перед громадой государства, его имперской мощью, в жертву которой приносятся гекатомбы человеческих жизней. Сатанинское, завораживающее величие, несоразмерное с личностью отдельного человека, влечет к слиянию с этой мощью надчеловеческого целого. Саморастворение в нем должно компенсировать ничтожество отдельной человеческой букашки ощущением слитности с чем-то несоизмеримо бо́льшим. Авторы всех антиутопий XX века остро чувствовали и умело передавали эту эстетику казарменной тотальности: «естественный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты — грамм, и почувствовать себя миллионной долей тонны...» (Е. Замятин).

Весь этот психологический комплекс густо замешен на мазохизме — именно так характеризовал Эрих Фромм добровольный отказ человека от своих суверенных прав в пользу некоего огромного целого. И этот мазохизм восторженного раба тоже блестяще передан авторами антиутопий. Но угар восторга недолговечен. У общества, наглотавшегося идеологических наркотиков, как и у всякого наркомана, наступает период мучительнейшей «ломки». Общество-казарму охватывает прогрессирующий паралич. И только ничего так и не понявшие отдельные представители старшего поколения задаются недоуменным вопросом: куда все исчезло — и вера, и энтузиазм? Почему кругом только всеобщий цинизм и воровство «общенародной собственности» по-мелкому и по-крупному? А ведь это можно было предвидеть еще в начале «эксперимента».

В сфере создания «нового человека» главной задачей экспериментаторов была ломка ПЛА. Поскольку на страже этого Поля стоит культура, необходимо было сломать все культурные нормы и ценности, освящающие автономию личности. Эти ценности подвергались осмеянию и дискредитации: либерализм стал «мягкотелым», интеллигенция «гнилой», индивидуализм «буржуазным», права и свободы личности «пресловутыми», и т. д. и т. п. Уничтожение ПЛА открывало безбрежные возможности для манипулирования личностью, для превращения ее в человеческую протоплазму — строительный материал нового «Великого Общества».

Травля старой интеллигенции в 20-е годы при Сталине, «трудовое перевоспитание» интеллигенции же в 60—70-е годы при Мао Цзедуне, изуверское глумление гитлеровцев над австрийской аристократией после «аншлюса» (отпрысков старинных родов в нацистских лагерях заставляли поедать собственные фекалии) — все это проявления одного и того же «архетипа». В нашей стране вряд ли есть человек, так или иначе не соприкасавшийся с ним: армейские казармы, ПТУ, техникумы, уличные «моталки», ИТУ, ЛТП и даже школы — еще далеко не полный перечень «тотальных институций», в которых советский человек проходит казарменную социализацию, расставаясь с «лица необщим выраженьем».

Личность в системе «тотальных институций» подвергается неотступному и сверхвысокому давлению на то «около личностное пространство», которое раньше входило в Поле Личной Автономии. Теперь эта зона подвергается постоянной оккупации «коллективом» и регулярному вытаптыванию, дабы впредь не повадно было человеку вспоминать о чем-то таком, что хоть в отдаленной мере напоминает чувство собственного достоинства. Но это является не самоцелью, а лишь этапом на пути к решению сверхзадачи — созданию особого типа людей с полностью уничтоженной внутренней автономией и управляемых только извне, то есть созданию биороботов, начисто лишенных индивидуальности и тождественных выполняемой ими социальной функции. Причем биороботы эти должны были быть «сознательными», то есть не просто пассивно исполнять что велено, а исполнять с радостью, «с огоньком» и «задором», с энтузиазмом, славя партию и правительство,— короче говоря, требовалось племя восторженных идиотов, готовых грудью встать на защиту собственных мучителей. Их покорность начальству должна была стать рефлективной — вплоть до безропотного *самостоятельного* отправления на убой. Не знаю, как в сталинских, а в гитлеровских лагерях проводились «социальные» эксперименты по выработке такой покорности у заключенных. «Казалось, исчезни начальство, заключенные будут поддерживать ток высокого напряжения в проволоке, чтобы не разбегаться, а работать...» (В. Гроссман).

•

Теперь рассмотрим методы подавления ПЛА:

1) *Сверхрегламентация.* Внутренняя регуляция человеческой деятельности заменяется внешней регуляцией. Соответственно место нескольких основополагающих этических норм, являвшихся внутренним достоянием личности, заступает бесчисленное множество писаных и неписаных правил, навязываемых человеку извне. Если человек, сохранивший культуру, пытается руководствоваться этическими нормами, он постоянно «набивает себе шишки», попадает в перманентно стрессовую, травмирующую ситуацию, ибо ценностно-смысловая система этической культуры несовместима с ценностно-нейтральными, по большей части бессмысленными, зачастую взаимопротиворечащими друг другу нормами казарменного общежития.

2) *Уничтожение частной собственности.* По выражению Юлии Латыниной, «отрицание собственности — материализованный способ отрицания личности» [6]. Вполне очевидно, что без соответствующей материальной базы в виде полной и безусловной собственности человека на свою движимость и недвижимость и на свою рабочую силу все духовные компоненты ПЛА — внутренняя свобода и культурное богатство личности так и останутся неактуализированными, нереализованными, своеобразной «вещью в себе». Судьба такого человека в тысячу раз более страшна, чем судьба духовно неразвитой личности, ибо являет собой сплошную коллизию, неразрешимый конфликт между внутренними потенциями, внутренней свободой личности и полной материальной невозможностью хоть как-то реализовать ее. Судьба нашей интеллигенции — лучшая тому иллюстрация.

3) *Ломка предметно-пространственной среды обитания* происходила в двух внешне диаметрально противоположных, но сущностно равнозначных формах. Во-первых, в форме скучивания людей. Физическая скученность выступала как этическая «ценность» казарменного коммунизма. Торжествовал сплюснутый коллективизм паюсной икры. И если предметное микропространство ужималось до предела, то вторая форма искажения предметно-пространственной среды заключалась в безмерном увеличении макропространства. Огромные холодно-обесчеловеченные пространства городских площадей и гигантских зданий, несоразмерных человеку, служили для подавления личности так же, как огромные египетские храмы.

4) *Уничтожение бытовой свободы* осуществлялось посредством мелочного вмешательства власти во все домашно-кухонные и интимно-телесные проблемы сво-

их подданных, так что даже трудно сказать, что первично: коммунально-кухонное хамство непосредственного соседского окружения или хамство самого государства, подглядывающего в замочную скважину своих граждан и без предупреждения вламывающегося в их комнаты.

В любом казарменном обществе создается постоянный фон мелочного, иррационального, ужасно глупого, а потому особенно невыносимого «бытового террора», от которого некуда спрятаться. Профессор Корнеллского университета (США) Сюзан Бэкморс, приехавшая в 1989 г. в Москву на научную конференцию «Тоталитаризм как исторический феномен», поделилась на этой конференции с советскими коллегами собственными наблюдениями на эту тему — как воспринимается «бытовой террор» человеком с Запада: «Мне кажется, что существует некая повседневная практика власти, которая воспроизводится и сейчас. Например, недавно у нас в гостинице здесь, в Москве, отключили воду. Проблема не в том, что нет горячей воды. Без горячей воды может обойтись любой. Дело в другом. Мы не знали, когда это произойдет, не знали, что это вообще произойдет, мы не знали, кто это сделал и на сколько это рассчитано. Это практика власти. Власть держит в руках ваши повседневные нужды, и она постоянно манипулирует ими. Власть постоянно вмешивается в сферу ваших необходимых потребностей. (...) И происходит это двадцать раз в день. И каждую неделю. Пятьдесят недель в году в течение многих лет. (...) Но это постоянное вторжение власти в сферу ваших телесных потребностей и в зону между вашими телесными потребностями и их осуществлением — это дополнительное политическое принуждение. И, с моей точки зрения, это радикальным образом не отличается от тех структур, которые существовали при Сталине» [7].

Изничтожая под корень ПЛА, власти не могли, конечно, пройти мимо такого закоренелого оплота интимности и личной автономии, как семья. Именно в семье личность надеется найти последнее прибежище от нестерпимой опеки государства и «коллектива».

Но не тут-то было. Государство и «коллектив» всегда на страже и неусыпно бдят. Все человеческие отношения огосударствлены — даже половые. В 1924 году Коммунистический университет им. Я. Свердлова выпустил сборник «Революция и молодежь», в котором среди прочих была и статья под названием «12 половых заповедей революционного пролетариата». Процитируем сразу двенадцатую — итожащую заповедь. Итак, «XII. Класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов. Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая». А вот это — из пункта «III»: «Половое влечение к классово враждебному объекту... является таким же извращением, как половое влечение человека к крокодилу, орангутангу». Из пункта «IX»: «Основной половой приманкой должны быть основные классовые достоинства, и только на них будет в дальнейшем создаваться половой союз». А вот пункт «X» под названием «Не должно быть ревности»: «Хуже же всего то, что в ревности основным ее содержанием является элемент грубого собственничества: «Никому не хочу ее (его) уступить», что уже совершенно не допустимо с пролетарски-классовой точки зрения. /.../ Если уход от меня моего полового партнера связан с усилением его классовой мощи, если он (она) заменил(а) меня другим объектом, в классовом смысле более ценным, каким же антиклассовым, позорным становится в таких условиях мой ревнивый протест». И так далее, в том же «коллективистском» духе.

Практика «пролетарского» государства немногим отличалась от изложенной выше бредовой «теории». Интересно то, что государство периодически принимало диаметрально, казалось бы, противоположные акты относительно семьи, но с одним общим знаменателем: они одинаково разрушали семью. В конце 30-х годов государство поощряло появление внебрачных детей, а уже с 1944 года фактически запретило разводы и аборты, ввело для внебрачных детей особый статус. На Колыме освобожденным ссыльным жениться запрещали, а в Северном Казахстане наоборот: в 1950—1952 годах новоприбывший ссыльный в две недели был обязан жениться.

Следует отметить, что бытовая свобода — это последний плацдарм ПЛА, потеря которого особенно болезненна для человека. Отсюда явствует, что человек будет всеми силами этот плацдарм защищать и расширять.

5) Нищета и материальное убожество как необходимые условия стравливания людей между собой, поддержания «горизонтального террора», иерархизации социальной структуры и установления системы капо.

С самого утра, стоя в ожидании опаздывающего и как всегда битком набитого автобуса, а потом трясясь в его утробе, зажатые как сельди в бочке, мы заряжаемся ненавистью друг к другу, не замечая, как мимо проносятся черные «бугровозы», везущие организаторов всего этого бытового ада. Обладатели черных машин так же удалены от нас, как и обладатели униформы отделены в лагере от заключенных. Они в недосягаемости для нашего гнева. Гнев падает на головы нашего ближайшего окружения, порождая ответную реакцию, направленную на нас же. Той же цели служат и очереди в магазинах, учреждениях бытового обслуживания, присутственных местах — очереди, *созданные искусственно,* имеющие место даже тогда, когда нет дефицита продуктов, что доказано уже не одним социологическим исследованием.

Ужесточение условий существования посредством создания ситуации скученности и скудости приводит не только к росту агрессивности внутри популяции, но и к усилению иерархизации. Эта закономерность отмечена всеми социологами, изучающими лагеря, тюрьмы и прочие «тотальные институции». Наиболее четко она была сформулирована в свое время Дж. Оруэллом: «Это — обдуманная политика ... ибо общая скудость повышает значение мелких привилегий и тем увеличивает различия между одной группой и другой. /.../ Это — социальная атмосфера осажденного города, где разница между богатством и нищетой заключается в обладании куском конины». «В конечном счете иерархическое общество зиждется только на нищете и невежестве».

Для чего все это нужно было власть имущим? Дело в том, что всеобщая скудость и обделенность, жестокая борьба за ничтожные преимущества давали руководству казарменного сообщества великолепное орудие манипуляции его обитателями. Социальные инженеры, создавшие конструкции казарменного коммунизма, отработали механизм, при котором любая попытка улучшения своих жизненных условий, предпринимаемая в рамках системы, служит на деле поддержанию целей системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дольник В. Демографический взрыв — глазами биолога. — Знание — сила, 1990, № 3, с. 20.
2. Осипов В. Д. Британия. 60-е годы. М., 1967. С. 62—63.
3. Ищук В. Хочу понять и разобраться.— Литературная газета, 1987, № 2.
4. Ванагайте Р. Возьмите нас в Независимость. Век XX и мир, 1990, № 8, с. 31.
5. Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1911. С. 165.
6. Латынина Ю. В ожидании Золотого века. — Октябрь, 1989, № 6, с. 181.
7. Тоталитаризм как исторический феномеи. М., 1989, С. 36—37.

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВА

ЛЮБОВЬ ДО ГРОБА С «ПРИВОРОТОМ»

Тайны, чудеса и волшебство издавна привлекали внимание и будили воображение людей. Наши предки всерьез верили, что с помощью магических заклинаний (заговоров) они смогут защитить себя от вражеских козней, снискать милость властей и судей, уберечься от болезней, бед и напастей и... даже заставить себя полюбить.

В печально знаменитом «Молоте ведьм» читаем:

«...Любовные исступления не могут не быть делом рук дьявола, когда жена искушаемого красива и уважаема, а его возлюбленная имеет противоположные качества, когда несчастного нельзя отвратить от греховной любви ни побоями, ни словами, когда, не обращая внимания на трудности пути и на позднее время и не имея силы себя сдержать, влюбленный бежит к предмету своей любви... кто может так низко упасть, кроме совершенно испорченного и тяжко дьяволом искушаемого человека».

Вот почему любовные заговоры считались вредоносным колдовством:

«Они (знахарки.— *Н. Г.*) охотно берутся «снимать тоску» с того человека, который лишился любви, но заставить полюбить не могут, так как «присуха» — дело греховное и дается только колдунам».

Известный русский этнограф С. В. Максимов приводит любопытную историю:

«...Молодая баба на третий день после свадьбы ушла от мужа; родные пытались ее вернуть, советовались со знахаркой и получили в ответ, что от насильной любви баба может умереть. Сама баба почувствовала однажды жалость к мужу и просила колдуна внушить ей любовь к нему. Этот взялся, но предупредил, что «все равно любовь эта будет через окаянного (так в народе называли дьявола)».

Но смельчаки продолжали заниматься колдовством, невзирая на запреты властей и церкви, переступая через боязнь греха и наказания за лихое чародейство. Особенно «богат» колдунами и волшебниками неспокойный XVII век. В 1653 году был издан соответствующий указ:

«Многие незнающие люди, забыв страх Божий и не памятуя смертного часу, и не чая себе за то вечные муки, держат отреченныя, еретическия и гадательныя книги, и письма, и заговоры, и коренья, и отравы, и ходят к колдунам и ворожеям, и на гадательных книгах костьми ворожат, и теми кореньями, и отравы, и еретические наговоры многих людей насмерть портят...», а тех, которые «учнут ворожить или которые учнут людей портить, по твоему государеву указу таких злых людей и врагов Божьих велено в стругах сжечь безо всякия пощады и домы их велено разорить до основания, чтоб, государь, впредь такие злые люди и враги Божии и злые их дела николи нигде не воспомянулись».

Впрочем, дела о порче, ведовстве и волшебстве разбирались в судах не только в XVII, но и в XVIII, и даже в XIX веке.

Перелистаем некоторые из них...

Вот, например, «Сыскное дело о волшебных письмах» (1663):

«...бьют челом сироты твои, государь, всем городом: суховские земские старостишка Тришка Гаврилов да Васка Микифоров, все луховские посадские людишка...» и жалуются они на «волшебника» Прохорко Прохорова и на его «письмо волшебное», «...а мы, сироты твои, всем городом от такова волшебства и жены наши, и дети — многие перепорчены и померли».

Кто же такой Прохорко Прохоров и что это за «письмо волшебное»? Прохорко — монастырский дьячок, который списал у крестьянина Левки Корнилова не для себя (добрая душа), а для поповского сына Тришки Микифорова приворот — любовный заговор:

«Выйду я, раб Божий (имярек), в чистое поле, и как на меня светит месяц, и как звезды смотрят и держатся месяца, так бы раба Божия (имярек) смотрелась и держалась меня, раба Божия. И как кукушка птица тужит и плачет по своем гнезде, так бы раба Божия по мне тужила и плакала, и как возрадуются звезды месяцу, так бы раба Божия, как увидит меня — и она возрадуется; и как тужит кобыла по жеребяти, так бы раба Божия тужила по мне по всяк час, по всяк день».

За этот приворот Прохорко был клещами жжен, а поповский сын пытан и бит кнутом. В деле дано следующее определение любовного заговора: «...а письмо то волшебное к блудному делу». То есть письмо не только колдовское, но и безнравственное. Это важный момент: одно дело — безответная любовь раба или рабы Божьей, и совсем другое — любовь или, вернее, гармония, лад между мужем и женой.

Так, в деле «Об обвинении ведуна Нестора Поляка в отравлении» (1673) сказано: «А в Шагцких, де, селах и деревнях он, Нестерка, бывал для того, у которого, де, человека мужеска полу с женою совета нет, и тем, де, людям он, Нестерка, на вине наговаривал и то наговорное вино пить давывал... Да он же, Нестерка, говорил; у котораго, де, человека мужска полу с женою совета нет, и он, де, меж ними совет устанавливал, посыловывал женского полу по речную воду, и на той речной, не на питой воде наговаривал: «Смилуйся, пресвятая Богородица, вступись за нас, грешных, буди милостива, закрой нетленной ризою своею души наши грешные: раба своего (имярек) и рабу свою (имярек) на сем свете закрой. Дай им, Богородица, любовь меж ними и совет, жити в любви по стрине в любви и; чтоб им ныне и довеку жити в совете, и как, де, в реке вода в ночи трижды причащается, так бы причащалась (имрица) к мужу своему (имреку) во дни, в ночи и в часы. Куда ты, река, течешь, и тебе слава вечная, а тем (имрекам) мужу с женой — жительство вечное». При этом Нестерка добавляет: «...а еретичества и ведунства за ним злого нет».

В деле «О сыпании мастерицей Дарьей Ломановой на след государыни царицы Евдокии Лукьяновны» (1639) упоминаются шесть ворожей, одна из них — Настасья, которая жила «за Москвою на всполье», «людей привораживает на соль и на мыло, да тое соль дают мужьям

Фото Владимира Семина

в ястве и питье, а мылом умываютца». Другая ворожея — Овдотья тоже баловалась «приворачиванием»: «...да и над мужем, де, она, Овдотья, своим тож делала, и у него к собе серцо и ум отняла, что она, Овдотья, не делает, а он, де, ей в том молчит».

Интересное наблюдение: если большинство «присушек» — мужские, то есть сочиненные мужчинами, то за советом к ворожеям и колдунам о сохранении любви в браке обращались в основном женщины. Вот простейший наговор на зеркало: «Как люди смотрятца в зеркало, так бы и муж смотрел на жену, да не насмотрелся». Или на мыло: «...сколь борзо смоетца, столь бы, де, скоро муж полюбил», на рубашку: «...рубашка, какова на теле бела, столь бы, де, муж был светел». Существовали также приговоры «на хлеб с солью»: «...как, де, хлеб да соль любят, так бы, де, муж жену любил».

Ворожеи помогали замужней женщине решить и другие семейные проблемы: «Да та ж, де, баба давала, наговариваючи, золотой же мастерице Анне Тяпкиной, чтоб муж ея, Алексей Коробанов, добр был до ее, Анниных, детей».

Но вернемся к приворотам. Что же за любовь была у наших предков?

«...Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы — дверями, из двора — воротами, в чисто поле задворами. Взмолюся трем ветрам, трем братьям: «Ветер Моисей, ветер Вихорь, ветер Буйный Вихорь! Думайте и винтите по всему белому свету, по всему миру крещеному, распалите, разожгите и сведите рабыню (имярек) со мною, рабом Божьим (имярек), душа с душою, тело с телом, плоть с плотью, хоть с хотью. Не уроните той моей присухи ни на воду, ни на лес, ни на землю, ни на скотину: в воду сроните — вода высохнет, в лес сроните — лес повянет, на землю сроните — земля сгорит, на скотину сроните — скотина посохнет...»

Вот как в те далекие времена должна была любить своего возлюбленного раба Божия: «сохла, горела, прочь бы не отходила во всякий час, во всякое время», «все бы обо мне думала... тосковала». Или более демократическая форма:

«Как раб Божий (имярек) любит рабу Божию (имярек), так чтобы и раба Божия (имярек) не могла без него ни жить, ни пить, ни исть, и любила, и почитала его лучше отца и матери, белого месяца и красного солнышка...» — здесь обоюдное чувство.

Поговорим немного и о женских любовных наговорах. Один из них находим в былине «Добрыня Никитич и Маринка»:

Брала она два ножичка булатные,
Ставала она да на резвы ноги,
И подрезывала следы Добрынины,
Она клала на дрова те дубовые:
«Уж вы нойте, нойте, следочки Добрынины,
Чтобы ныло у него да ретиво сердце,
А по той ли по Марине, по Игнатьевне».

Женская любовь требовала большей смелости и решимости, нежели мужская.

«Под частыми ярыми звездами стоит гора белокаменная, а из этой горы белокаменной бегут три ключа горючие и кипучие. У этих ключей горючих и кипучих стоит истинный Христос со ангилями, со всей силой небесною. Всяк их убоится, устрашится, я, раба Божия (имярек), не убоюсь, не устрашусь. Попрошу у них с трех ключей горючих, с трех ключей кипучих воды для того, чтобы у раба Божия (имярек) зажечь легкую печень и горячую кровь, и ретивое сердце кипело бы, горело бы об рабе Божьей (имярек) век по веку, отныне и до веку...»

«Остудные», или противолюбовные, заговоры — привороты наоборот. В народе они пользовались недоброй славой. Если о «присушках» еще можно размышлять, благое это дело или нет, то «остуда» — заведомо дьявольское наваждение. Противолюбовными заговорами пользовались в основном колдуны, чтобы разлучить влюбленных, поссорить мужа с женой.

Противолюбовных заговоров гораздо меньше, чем приворотов, что наводит на мысль о том, что эти заговоры были менее доступны.

В «остудных» приговорах можно найти довольно забавное описание идеальной семейной жизни: «...живут людища мирно, любовно, друг друга любят, чужих ненавидят». А иной наговор на «отсуху» очень точно описывает признаки семьи, где что-то не ладится: «...и в каком бы она (жена) ни была платье, хоть в цветном, хоть в держимом (рабочем, будничном), все бы он (муж) не мог ее терпеть... хоть бы ладно делала, а ему казалось — не по мыслям... Пошел бы он по улице, разогнал бы грусть-тоску-кручину с чужими людьми, и пошел бы он домой, и повалился бы на место (постель), и есть у него подружка — ночная подушка, и разогнал бы он с ней грусть-тоску».

Любовь и чародейство. Любовь и колдовство...

Что скрывалось за этим? Недобрый человек на свадебном пиру, несчастный влюбленный... или колдун, наславший грусть-печаль на красную девицу по доброму молодцу.

А может... и на тебя, читатель?

ИСЧЕЗНУВШИЙ ПЕЙЗАЖ

Если бы вдруг на выставке живописных произведений Геннадия СОТСКОВА «Грустный пейзаж России» оказался человек прошлого столетия, он бы не понял смысла изображенного, сочтя все это болезненно-странным и непонятным сном. Но мы, люди века нынешнего, глядим на его полотна с пониманием и тоской, тоской по утраченному.

«Трижды преступна хищническая цивилизация, не ведающая ни жалости, ни любви к твари, но ищущая от твари лишь своей корысти...» Эти слова-предостережение П. Флоренского, написанные им в начале века, мы читаем как эпиграф к картинам.

В своем творчестве Г. Сотсков следует традициям русского лирического пейзажа. Он близок к опыту таких мастеров этого жанра, как А. Грицай, Е. Зверьков и В. Сидоров, создающих «размышляющий пейзаж», «пейзаж-воспоминание». Но сказав только это, мы не сказали бы главного: пейзажи художника Сотскова — это пейзажи боли и горя, пейзажи — раздумья о судьбе природы и человека в ней.

Писать их художник начал на Волге в городе Угличе, тогда его любимые места еще не были затоплены, еще не ушли под воду Калязин и Молога. Потом он писал этюды на Каме, на Енисее под Красноярском, на Волге под Чебоксарами. Теперь и там и здесь берега неузнаваемо изменены — везде искусственные моря, умирающие деревни.

...В одном из последних пейзажей художника нависшая над землей грозовая туча воспринимается как символ — но беды ли, которая окончательно сметет и погубит все живое, или очистительной, спасительной грозы? Не известно. У художника нет ответа на этот вопрос.

ЛЮБОВЬ ВДОВИНА,
искусствовед

«Наш путь — стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь...»

Не в этих ли словах из известного цикла Александра Блока «Куликово поле» заключены все загадки отношений русских княжеств и Золотой Орды в XIII — XV веках? Некоторые, отнюдь не хрестоматийные проблемы «татаро-монгольского ига» обсуждают в редакции журнала «Родина» участники «круглого стола»:

кандидат искусствоведения Генрих Николаевич Бочаров (Российский государственный гуманитарный университет);

кандидат исторических наук Маргарита Евгеньевна Бычкова (Институт истории СССР АН СССР);

кандидат исторических наук Михаил Викторович Горелик (Институт востоковедения АН СССР);

доктор филологических наук, профессор Игорь Георгиевич Добродомов (Московский государственный педагогический университет им. Ленина);

доктор исторических наук Вадим Леонидович Егоров (Институт истории СССР АН СССР);

кандидат исторических наук Шамиль Фатыхович Мухамедьяров (Институт истории СССР АН СССР, член советского комитета тюркологов);

старший научный сотрудник Владислав Дмитриевич Назаров (Институт истории СССР АН СССР);

кандидат исторических наук Леонид Теодорович Яблонский (Институт археологии АН СССР).

Древняя Русь, монгольское нашествие, иго — когда-то благополучная, едва ли не закрытая для споров тема уже несколько лет «подпитывает» журнально-газетную полемику.

Вероятно, для этого есть какие-то основания?

В. Егоров. Безусловно. Хотя авторов газетных и журнальных статей занимают прежде всего не те далекие события, а их последствия: влияние чужеземного нашествия и на ход развития страны, и на становление русского национального характера. Надо сказать, есть две точки зрения на монгольское иго. Первая, традиционная, утверждает, что для Руси оно было большим бедствием. Другая же считает нашествие Батыя рядовым набегом кочевников (то есть никакого порабощения Руси не было, а более того, по взаимовыгодному союзу монголы даже оберегали русские княжества и помогали в борьбе с врагами).

Согласитесь, что интерес к этому вопросу обострился у публицистов именно в последние годы. Попытки обосновать причины нашего отставания подтолкнули разных политических деятелей к историческим экскурсам. Просчеты советской политической и экономической системы, конечно, трудно объяснить 250-летним монгольским игом. Но, с другой стороны, как удобно говорить, что в нынешнем положении страны виноваты не мы, а далекие предки, не сумевшие отстоять свободу.

В. Назаров. Мнение о том, что золотоордынское иго не более чем пропагандистский миф — это игнорирование всех школ русской исторической мысли, даже включая классическое евразийство. Основатели этого направления не сомневались в реальности подчинения Руси сначала Империи Чингизидов, затем ханам Золотой Орды. Не отрицалась ими обычно и тяжесть этой зависимости. Другое дело, что оценка этому в конечном счете давалась позитивная, и вот почему. Выделяя итог долгой исторической эволюции — Московское царство, Российскую империю, евразийцы считали их прямыми наследниками «Великой Империи» Чингисхана. Бывшие улусники унаследовали якобы почти все государственно-политические структуры, многие компоненты имперской идеологии, геополитические устремления.

Допустим, что большинство историков по каким-то мотивам фальсифицируют отечественную историю. Но прислушайтесь к словам современника ига — владимирского епископа XIII века Серапиона. Вот они, полные отчаяния и боли, о «шалостях» Батыя: «Не пленена ли... земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отца и братья наша трупием на землю? Не ведены ли быша жены и чада наши в плен? Се уже к 40 летом приближаеть томление и мука, и дани тяжькыя на ны не престануть».

К концу пятидесятых годов археологами было установлено, что во Владимиро-Суздальском княжестве, в Черниговских землях, Рязанско-Муромском крае из 157 поселений, датируемых домонгольским временем, более 110 (т. е. более двух третей) прекратили существование в XIII веке. На многих обнаружены следы пожарищ. Лишь кое-где хозяйственная жизнь возобновилась через 200—300 лет. На территории Смоленского княжества, почти не затронутого нашествием, численность поселений в XIII в. сократилась на треть.

В зоне расселения вятичей к XIV веку осталось только 11 процентов сельских пунктов, датируемых XI — началом XIII века. (Я имею в виду результаты археологического исследования, проведенного и опубликованного Т. Н. Никольской в конце восьмидесятых годов.) Все известные археологам феодальные усадьбы в этом регионе оказались заброшенными или уничтоженными. Да, было кровавое нашествие, приведшее к тяжким последствиям. И здесь не надо спекулировать на патриотических чувствах (по принципу: великий народ не может или не должен находиться в порабощении). Величие и подвиг народа в другом — в том, что он сумел сбросить это иго.

Давайте наконец разберемся в определении ига. Что это: институт власти, рабство или социально-экономическая доктрина степной империи?

В. Егоров. Иго отнюдь не является изобретением только для русских княжеств — это была имперская политика чингизидов в отношении всех завоеванных народов, основы которой разрабатывались задолго до похода на Русь. Можно называть его также «комплексом политических и экономических мер», системой отношений завоевателя и побежденного. Суть от этого не изменится. Русскую специфику составляла лишь одна черта — угнетатель жил вдалеке, а не среди покоренного народа. Известный мыслитель прошлого века Н. Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» называет такую ситуацию «коллективным рабством». По сути это верно.

Возникновению термина «иго» мы обязаны Н. М. Карамзину, который писал: «Государи наши торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров».

Само монгольское иго нельзя считать чем-то вроде кабального договора, навязанного Золотой Ордой Руси. Иго как система властвования представляло собой достаточно гибкую и меняющуюся политику, учитывавшую исторические реалии того времени. Наибольшую тяжесть Русь испытала на протяжении всего XIII века. В этот период она перенесла само кровавое завоевание, а затем его постоянные военные подтверждения. Новые формы иго приняло при ханах Узбеке (1312—1341) и Джанибеке (1341—1357), когда изменилась структура монгольского властвования на Руси и основной упор был сделан на экономическое угнетение.

Период междоусобиц в Золотой Орде (1359—1380), связанный с именем Мамая, привел к ослаблению ига, и Русь фактически перестала платить дань. Попытками восстановить былое могущество были битвы на Воже (1378) и на Куликовом поле (1380). Только после похода Тохтамыша на Москву в 1382 году Золотая Орда вновь стала получать дань с Руси. В XV веке общая международная ситуация вела к сокращению форм политической и экономической зависимости Руси. Это хорошо понимал хан Ахмад, попытавшийся утвердить свою власть на реке Угре в 1480 году.

Иго поддерживалось целым рядом мер общеимперского правительства (столица Каракорум) и ханов, обосновавшихся в Сарае — на Нижней Волге. Первым делом монголы восстановили значение титула Великого князя Владимирского, который значительно потускнел в усобицах конца XII — начала XIII века. Желание русских князей верховенствовать на Владимирском столе монголы превратили в основной принцип политики «разделяй и властвуй». Притягательность Владимирского стола заключалась не только в праве на общерусскую политическую власть, но и в многочисленных экономических выгодах, связанных со сбором дани, прямыми связями с ханами и извлекаемыми отсюда возможностями расширять собственные владения. В результате объединительные тенденции русских княжеств были отодвинуты более чем на 100 лет.

Важным моментом в укреплении ига на русских землях стала предпринятая в 50-е годы XIII века централизованная перепись всего населения — для определения суммы дани. Одним из результатов переписи стало введение института десятников и сотников для обложения населения данью в пользу имперской казны.

Итак, монголы начали властвовать. На каких принципах строились отношения между Ордой и русскими княжествами?

В. Егоров. По сути дела, это было продолжением начатой еще Чингисханом политики ограбления соседей, позволявшей держать в зависимости целый народ. Правда, сам основатель этой доктрины действовал ме-

нее изощренными и более дикими способами: опустошал, уничтожал города и их население, а освободившиеся территории отводил под выпас монгольского скота. Лишь после смерти Чингисхана умнейший киданин Елюй Чуцай надоумил его наследников не сравнивать с землей завоеванные города, а великодушно дарить покоренным народам жизнь, облагать их данью в пользу имперской казны. Подсчеты Елюй Чуцая повергли преемника Чингисхана Угедея в восторг и изумление. Установилась своеобразная новая экономическая политика, выгоды которой быстро постигла вся степная аристократия. Именно отсюда и произрастают корни того явления, которое получило наименование «монгольское иго». Яркие впечатления о Руси и Золотой Орде оставил монах-дипломат Карпини, побывавший там в 1245 году. Даже через 5 лет после монгольского погрома он видел «бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле», а от огромного Киева сохранилось лишь 200 домов, жителей которых завоеватели держали «в самом тяжелом рабстве».

Наконец, монголы периодически организовывали военные походы с грабежом и угоном пленных и скота в Орду. Русские были лишены возможности обороняться, ибо по требованию монголов все крепостные сооружения вокруг галицко-волынских городов были уничтожены.

Эта система в течение трехсот лет претерпевала изменения. В XIV веке, когда баскачество было упразднено, перестали практиковаться и карательные походы. Вместо этого хан Узбек делает основной упор на запугивание князей, развязывая против них самый настоящий террор. Судите сами:

В 1318 году убит Михаил Александрович Тверской;

1326 — Дмитрий Михайлович Тверской и Александр Новосильский;

1327 — Иван Ярославич Рязанский;

1330 — Федор Стародубский;

1339 — Александр Михайлович Тверской и его сын Федор.

Так кто же все-таки напал на Русь в середине XIII века: монголы или татары, а может быть, монголотатары или татаро-монголы? Идет ли речь об одном народе?

В. Егоров. Что касается русских летописей, то они единогласно называют своих врагов татарами — начиная с битвы на Калке в 1223 году *. А вот монгольские и китайские материалы дают несколько иную картину. Китайцы, например, употребляли этноним «татары» как синоним европейскому понятию «варвары» по отношению ко всем монгольским племенам. Причем собственно татар они называли «белыми татарами»; жившие севернее монгольские племена именовались «черными татарами», а обитавшие в еще более северных лесах — «дикими татарами». Самого Чингисхана китайская историческая традиция относила к «черным татарам».

В начале XIII века Чингисхан, в отместку за отравление своего отца, предпринял против собственно татар значительный по военным силам карательный поход. Сохранился приказ: владыка предписывал уничтожить всех татар ростом выше тележной оси. В результате татары как военная и политическая сила были стерты с лица земли. Только верные своей традиции китайцы продолжали именовать татарами остальные монгольские племена. Примечательно, что сами монголы татарами себя никогда не называли (это отметил путешественник XIII века Рубрук). Следовательно, появившаяся в Европе в 1236 году армия хана Бату состояла из монгольских воинов.

* Заметим, что жившие в XII—XIII веках на территории Центральной Азии найманы, кереиты, меркиты, а также татары и монголы относились к монголоязычным.

Однако еще до появления здесь полчищ Батыя хорезмские, арабские и европейские купцы принесли в Европу название «татары», что приобрело потом написание «тартары», то есть ад. И хотя Плано Карпини и Рубрук, посетившие Монголию в 40—50-х годах XIII века, выяснили ошибку, в Европе упорно продолжали именовать монголов татарами.

Ш. Мухамедьяров. Нет никакого резона в употреблении неуклюжего, устрашающего термина-гибрида «татаро-монголы» либо «монголо-татары». Прискорбно, когда в общественном сознании эти самые «татаро-монголы» идентифицируются с современными татарами — казанскими, крымскими и всеми остальными.

И. Добродомов. Усвоенный от русских этноним «татары» как бы стал символом национальной консолидации разных тюркских народов Восточной Европы. Само название же «татар» издавна было в ходу только у татар крымских.

Ш. Мухамедьяров. Мало кто задумывался над тем, что ближайшие восточные соседи Древней Руси — волжские булгары не имеют прямого отношения ни к нашествию, ни к игу. До сих пор действует «достославное» постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы в Татарской партийной организации», где говорилось об «идеализации Золотой Орды и ханско-феодального эпоса об Едигее». И только в мае 1991 года по инициативе Казанского научного центра АН СССР в рамках международной конференции, посвященной истории, культуре и искусству татарского народа, впервые был организован плодотворный обмен мнениями на тему «Культура Золотой Орды и история татарского народа». Понять тревогу татарской общественности можно и нужно. Сейчас особенно важно найти дорогу к согласию, тем более что приближается 750-я годовщина создания Золотой Орды (1243). Необходимо новое осмысление всего золотоордынского времени.

А все ли золотоордынцы были монголоидами?

Л. Яблонский. Нет, не все. Раскопки в Поволжье золотоордынских некрополей XIV века показали антропологическую неоднородность населения, и в особенности горожан. (Это можно наглядно проиллюстрировать реконструкциями по черепам золотоордынцев, они выполнены мною по методу М. М. Герасимова.)

Данные однозначно свидетельствуют: среди городского населения большая европеоидная раса преобладала, хотя встречались также монголоиды и те люди, физический облик которых определяет более или менее выраженная монголоидная примесь. Кстати, и европеоидная часть населения в составе Золотой Орды не была антропологически однородной: тут можно было встретить выходцев из Средней Азии, с Кавказа, из лесостепной полосы Восточно-Европейской равнины (в том числе с Руси и с Волжской Болгарии).

И. Добродомов. А вот исследования лингвистов показывают, что верхушка Золотой Орды была монголоязычна, основная же масса населения говорила по-тюркски — отсюда двойственность терминологии, косвенно отразившаяся и на русском языке.

Так, в русских письменных памятниках встречается собственно монгольское название для назначаемого из Орды правителя — даруга́, более же популярен его тюркский эквивалент — баскак.

Что и говорить, процесс изучения ордынского ига обрамлен в нашей науке множеством условностей. Например, название «Золотая Орда» встречается только в русских источниках послеордынского времени. Предстоит огромная работа по определению времени проникновения в русский язык десятков других тюркизмов.

Во всяком случае, тюркский вклад в русский язык несоразмерно скромен по сравнению с таковым в марийском или удмуртском языках.

Можно ли считать современных татар прямыми потомками населения Золотой Орды?

В. Егоров. Конечно, они никакого отношения не имеют к центральноазиатским татарам XII—XIII веков, поскольку те были истреблены Чингисханом в начале XIII века.

Из современных татар Поволжья 14,5 процента — монголоиды, 24,5 процента — смесь европеоидов с монголоидами, остальные — европеоиды.

Что же касается русского населения, то в нем все добавления монгольской крови в XIII—XV веках (версия о чуть ли не массовом смешении русских и монголов — миф) практически исчезли к настоящему времени. Сохранились лишь семейные предания да характерные татарские фамилии при чисто русском внешнем облике их современных носителей.

Л. Яблонский. Вадим Леонидович, я бы уточнил ваш тезис о том, что современные татары не имеют никакого отношения к людям, пришедшим из Центральной Азии в XIII веке. Имеют, и генетическая преемственность в Поволжье не оборвалась: не все же они были полностью истреблены.

Волго-Уральский регион находится на стыке ареалов европеоидной и монголоидной рас, где издревле происходил процесс антропологического смешения. Есть основания предполагать, что, например, различные группировки половцев могли включать или монголоидные, или европеоидные расовые компоненты.

Какова же была численность вторгшегося в Европу войска Бату-хана? Обычно приводят соображения видного русского ученого Н. И. Веселовского, будто бы 30-тысячная армия не смогла одолеть Русь с ее 110-тысячным войском. Был ли этот поход катастрофическим нашествием или всего лишь одним из многих грабительских набегов кочевников?

В. Егоров. Из восточных источников известно, что решение о походе принималось в 1235 году на съезде — курултае — всех членов дома чингизидов и высшей степной аристократии Монголии. Главнокомандующим был утвержден внук Чингисхана Бату, и в помощь ему придано одиннадцать принцев с собственными военными силами, а также лучший монгольский полководец Субедей. Армия готовилась целый год: ковали оружие, изготавливали доспехи, копили продовольствие, то есть дело затевалось серьезное, и говорить о молниеносном набеге не приходится.

Численность же вражеской армии можно определить лишь приблизительно. Материалы последних исследований позволяют утверждать, что под знаменами хана Бату собралось около 65 тысяч человек.

Какую же дань платила Русь? В некоторых документах говорится о сумме в пять тысяч рублей, собираемых с северо-восточных княжеств. В весовом значении эта цифра превышала тонну серебра (в масштабе цен XIV века — огромная сумма). В Золотой Орде в середине XIV века насчитывалось 110 городов, а на северо-восточной Руси было 50 городов. Значительная их часть была выстроена на русское серебро руками пленных мастеров.

Традиционная историография делает упор лишь на «борьбу народных масс против ига»... Теперь в общественном сознании активно формируется иной стереотип: «тесный союз между Русью и Ордой». Существовал ли он в действительности?

В. Назаров. Уже после сказанного Егоровым говорить об ордынско-русских отношениях как о «союзе» немного странно. Почему для оформления такого «единства» понадобилась почти непрерывная пятилетняя война на землях Древней Руси? Если речь идет о союзнике, то для чего регулярные опустошительные походы? Разве крепость «союза» зависит напрямую от того, насколько сильно удалось разорить и поработить другую сторону? Разве с союзников требовали постоянную и тяжелую дань? Единственный факт, приводимый в пользу наличия такого союза, относится к новгородско-ордынским отношениям в 70-е годы XIII в. Но это, во-первых, единичный случай. Не мало ли для двухвекового соглашения «союзников»? И, во-вторых,— договоренность после Раковорской битвы, исход которой надолго определил ситуацию в этом районе. Так что говорить можно только о «союзе» наподобие «договора» всадника и лошади — кто едет, а кто и везет.

В. Егоров. Монгольское иго привело не только к фактическому разделению Северо-Восточной и Юго-Западной Руси, но и к резкому упадку объективной роли и политического авторитета Руси на европейской арене. Нет сомнений, что нападения шведов (1240) и немцев (1242) были прямым следствием монгольского погрома. Европейцы прекрасно знали, что Новгороду и Пскову никто не сможет помочь. Для этого просто не было сил, все было голо, босо, безоружно.

В связи с этим совершенно необоснованно звучат утверждения о якобы существовавшем тесном союзе между Русью и Ордой и полной взаимной поддержке. Почему китайцы, персы, арабы, афганцы, аланы, разноплеменное население Дагестана — все боролись против завоевателей? А русскому народу и его князьям, выходит, настолько нравилась политическая зависимость от монголов, настолько пришлось по душе экономическое угнетение, что Русь охотно стала союзницей Золотой Орды? За такими утверждениями нет никаких фактов и сколько-нибудь серьезных доказательств. Стоит лишь вспомнить, сколько надежды вложено в короткую фразу всех завещаний русских князей: «А переменит бог Орду...» И только Куликовская битва показала, что Орду может переменить лишь объединение всей Руси в единое мощное целое...

В традиционную схему ига как перманентной борьбы с «погаными татарами» плохо укладываются факты проникновения различных ордынских традиций на Русь. Мы мало что знаем о подробностях влияния азиатской культуры на русские земли. Между тем среди знатных российских родов значительным почетом и уважением пользовались те, кто вел свою родословную от «татарских мурз».

М. Горелик. Существование Золотой Орды традиционно расценивается как отрицательный фвкт истории Восточной Европы: не сложилось за двести лет ни единого этноса, ни самобытной культуры. Городскую же культуру Золотой Орды, ее шедевры: изумительный художественный металл (вспомним шапку Мономаха — ордынскую сканую шапку), многоцветную узорную керамику, богатую орнаментами резную кость, архитектурную майолику — называют не иначе, как «вычурными». Исторические же процессы в Орде некоторые современные исследователи представляют либо отрицательными, либо никуда не ведущими. Находятся и аргументы — разные истоки происхождения, мозаичность этноса, культуры. Но ведь и Киевская Русь складывалась поначалу из славянских, скандинавских, финских, балтских, иранских и тюркских элементов. И за сто лет образовался единый этнос. То же самое произошло и с культурой.

Так почему же Золотая Орда должна отличаться от всех других этно-культурных «комплексов», которые при нормальных условиях формируются в нечто целостное и самобытное за жизнь 2—3 поколений (50—75 лет)? Ведь в первой трети XIV века сложились относительно единый имперский этнос, литературный язык («поволжский тюрк») и единая культура.

Все специалисты в один голос говорят о восточных чертах русского искусства после XV века. При этом стыдливо умалчивается их источник. Ведь не прямо же из Самарканда, Пекина или Исфагана, Бухары, Тебриза

или Стамбула приходили в Москву в конце XV—XVI веке орнаментальные формы, мотивы, термины. Нет, Восток (Ориент) на Руси был почти свой, «домашний». Теснейшее взаимодействие — политическое, военное, культурное — с Золотой Ордой, каким бы вынужденным оно ни было, обогатило культуру Руси.

Г. Бочаров. Я не могу согласиться с Михаилом Викторовичем. Вплоть до Куликовской битвы ни о каком позитивном воздействии ордынской культуры на Русь не может быть и речи. Нашествие орд Батыя привело к тотальному разгрому многих русских городов. Вторая половина XIII века отмечена важными подвижками, которые в первую очередь затронули сферу отношений завоевателей с православной церковью. Обе стороны идут на компромисс; русская церковь стремится сохранить себя в качестве своеобразного духовного центра и умножить свои богатства. В то же время церковь поддерживает духовное противостояние завоевателям (активная канонизация русских святых, прославление воинов, вставших на защиту Отечества). Так что до XIV века влияние ордынской культуры на Русь было нулевым.

Положение не изменилось и в следующем столетии. Специалист по прикладному искусству Т. В. Николаева доказала, что русские произведения первой половины XIV века (даже сделанные для великих князей) — кресты-мощевики и др.— исполнены на невысоком художественном и техническом уровне. Иго сыграло тут свою роль — были нарушены традиции домонгольского художественного ремесла Древней Руси. Но ни в формах этих изделий, ни в их декоративной системе невозможно заметить какие-либо восточные, тем более золотоордынские заимствования.

Лишь в середине XIV века появляются изделия и памятники, в которых есть ордынские сюжеты. Но число их ничтожно, и все они не выбиваются из общей канвы восточных (в широком смысле этого слова) узоров и орнаментальных мотивов. Самый яркий пример тому — нашивные серебряные бляшки-дробницы на саккосе митрополита Алексия. Узорочье этих дробниц восходит к так называемым китайским «облачным» узорам.

Теперь выясним вопрос о знаменитой шапке Мономаха, которую М. Крамаровский и М. Горелик относят к работам золотоордынских мастеров конца XIV века. Я пришел к выводу, что она создавалась греками в московских митрополичьих мастерских одновременно со сканым окладом на икону Владимирской богоматери (1415—1420). Да и трудно представить ситуацию, чтобы Великий князь Московский, венчаясь на царство, согласился бы, чтобы на него возлагали «татарскую» шапку, сотворенную заклятыми врагами Руси. С конца XIV века орнаментальные формы, мотивы, узоры проникали на Русь именно напрямую — из Средней Азии и Ближнего Востока, а не через Золотую Орду. И в XV—XVI веках влияние ордынских традиций почти никак не отразилось на «сущностных признаках российской государственной культуры».

В XIV веке, особенно после тотального разгрома Золотой Орды войсками Тимура (1395), тысячи мастеров, ремесленников, воинов хлынули на Русь, крестясь и оседая в городах. При этом стоит учесть, что искони монголо-татарские государства не были мусульманскими, да и исламизация их (и то не всех) началась только в XIV веке и не успела за 100—150 лет пропитать собой духовную и материальную жизнь общества. С конца XV века уже после ликвидации «ига», Московия стала более открыта для ордынской культуры, поскольку та уже не воспринималась «вражеской».

Спор же идет не о силе влияния Золотой Орды, а в конечном счете о том, насколько Орда повлияла на российскую государственную культуру.

М. Бычкова. В строительстве городов, архитектуре Россия обладала собственными традициями. Если же говорить о внешних влияниях, то это прежде всего Византия, а затем Европа. Не забывайте, что здесь большую роль играл религиозный вопрос: христианский и мусульманский мир имели разные традиции. Правда, как свидетельствует русская генеалогическая традиция, иметь родоначальником боярина-католика и мусульманина-мурзу было одинаково престижно. Переход на московскую службу родовитого «татарина» из Орды — характерная черта ряда родословных легенд для семей, чьи корни были на Рязанщине или в Поволжье. Для фамилий со Смоленщины, Черниговщины, Твери родоначальниками нередко показаны выходцы из Литвы. Показателен пример с Глинскими. Князья Глинские происходили из одного из многих «татарских» родов, приглашенных великим князем Витовтом в Литву. При женитьбе московского великого князя Василия III на Елене Глинской (1526) такое происхождение, видимо, не удовлетворило. И первый князь Глинский, приехавший в Литву, стал, в угоду политическим амбициям московского двора, считаться потомком Мамая, а через него Чингисхана.

Ш. Мухамедьяров. Позвольте с вами не согласиться. Действительно, Елена Глинская была правнучкой Мансура Кията — сына Мамая. Но Мамай не был чингизидом и никак не мог быть ханом. Соответственно и первый князь Глинский не может считаться потомком Чингисхана. А в системе, в которую в течение двух с лишним столетий было встроено Московское государство, единственными обладателями права на престол были исключительно представители династии Темучина. Даже Тамерлан, не будучи чингизидом, не мог быть носителем ханского титула, поэтому он содержал чингизидов-марионеток. Когда московские великие князья предстали перед лицом «изумленной Европы» (вторая половина XV века), их статус оказался в известной мере неопределенным. Во всяком случае, их претензии на родство с первым Римом (по сомнительной генеалогической траектории, выходящей на племянника Августа — Пруса) и с Византией — «вторым Римом» (по легенде о шапке Мономаха) не принимались всерьез. Один из исследователей резонно заметил: нельзя отрицать отсутствие чувства юмора у московитов, когда они называют шапку Узбека шапкой Мономаха.

Напомню, что под 1574 годом в летописях зафиксировано, что Иван IV посадил на трон чингизида Симеона Бекбулатовича, а митрополит короновал его царской короной. Историки до сих пор представляют это событие как «маскарад». Как известно, Иван IV был самым сильным из правителей стран — преемниц Золотой Орды. Полагаю, что возведение на трон Симеона укрепило авторитет Ивана IV в традиционной системе ценностей средневековой Руси.

М. Бычкова. Мы с вами говорим о разных вещах. Я — о политических идеях, которые вырабатывало русское общество, так сказать, для внутреннего пользования, а вы — о политических традициях Золотой Орды. Но тут важно, что права русских князей на восточные земли генеалогически никогда не оправдывались, но непременно подтверждались права на земли. входящие в состав Киевской Руси.

Существует точка зрения, будто ордынское иго было сброшено на рубеже XIV—XV веков, после Куликовской битвы и распада Золотой Орды как единого государственного образования. Особенно широко она представлена в популярной литературе, появившейся после 600-летнего юбилея Куликовской битвы. Так ли это?

В. Назаров. Неверно. Изменились только формы зависимости. Вслед за воодушевляющей победой на поле Куликовом последовал прекрасно подготовленный и молниеносно проведенный поход главных сил хана

Тохтамыша (1382). Его итоги оказались печальными для недавних победителей. Была взята Москва, сожжено и разорено около десятка городов.

Именно после похода Тохтамыша на Русь была наложена тяжелейшая дань — по полтине золотом с деревни.

Конечно, полностью перечеркнуть все успехи политики Дмитрия Донского нельзя. Он передал старшему сыну Василию I Великое княжение Владимирское в качестве наследственного, чего ранее не было. Но ведь Василий I был все-таки отправлен в Орду для утверждения самим отцом. Позднее перед ордынским ханом судятся о великом княжении Василий II и его дядя Юрий Дмитриевич. По решению хана ярлык получил Василий.

Только в 1498 году фиксируется факт первого самостоятельного венчания на великое княжение — внука Ивана III, князя Дмитрия. Сам же великий государь получил ярлык на великое княжение от ордынского хана. В Орду он, правда, не ездил и документ получил, надо думать, от одного из ордынских послов. И все же основное занятие посольств в 30—70-е годы XV века состояло в получении «выхода» — совокупности разного рода платежей, центральное место в которых занимала дань.

Размеры «выхода», олицетворявшего экономическое подчинение Руси, определяются приблизительно. Низший предел его чуть больше 100 000 рублей. Это огромная сумма. Крупное село с крестьянами и налаженным барским хозяйством стоило всего несколько десятков рублей. Следует учесть и «расходы по обслуживанию». Если «выход» брал ордынский посол, а он приезжал с многочисленной свитой, то речь шла не просто о полном обеспечении всех ордынцев. Они имели право на особые платежи и корма. Если «выход» отвозился в Орду, то и там его уплата сопровождалась уплатой многих пошлин ханским придворным и чиновникам. Бывали и экстраординарные поборы. Скажем, набег Едигея (1408) обошелся Московскому княжеству в 3000 рублей, а поражение Василия II под Суздалем (1445) по крайней мере в 20 тысяч рублей плюс точно не известные выплаты Казанскому ханству вплоть до конца 60-х годов XV века. Большие суммы с собой обычно не брали: одалживали у ордынских купцов. А вот проценты потом уплачивали порой десятилетиями.

В XV веке продолжали существовать особые группы зависимого населения, специально обслуживавшие ордынских послов.

Не позднее второй четверти XV века исчезает воинская повинность — участие русских воинов во вспомогательных отрядах при дальних походах ордынцев. Главная причина объективна — окончательный распад Золотой Орды в 30—40-е годы XV века на отдельные части — Большую Орду, Казанское, Крымское, позднее Астраханское ханства и т. д. Между осколками Золотой Орды произошло известное перераспределение функций: главные русские княжества контролировались Большой Ордой, что-то временно прихватили правители Казанского ханства. В Крым шел «выход» с тех земель Великого княжества Литовского, которые еще с XIII века считались ордынскими владениями (территории по Верхней Оке (Северщина), по Среднему Приднепровью и т. д.).

Противодействие московских государей ордынскому господству принято рассматривать обычно только как успешное. Но разве можно было рассчитывать на победу в условиях кровавой борьбы за власть внутри московской правящей партии в годы феодальной войны?

В. Назаров. Конечно, нет. Ее окончание в начале 50-х годов XV века привело к ликвидации большинства московских уделов и существенно укрепило позиции московского государя. Решительному шагу в борьбе с Большой Ордой предшествовала ликвидация независимости Новгородской республики. Это заняло двадцать с лишним лет и потребовало трех больших военных кампаний. В ином случае политическое первенство Москвы в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси было бы нереальным.

Именно из-за Новгорода резко обострились русско-литовские, а позднее и русско-ордынские отношения. После присоединения Новгорода Иван III пошел на риск, отказавшись платить «выход» в Орду. Ответ не заставил себя ждать.

Вообще в политике Ахмада ясно просматривается стремление к реставрации единого государства в границах Золотой Орды с имперской системой управления. Это относится к его действиям в Крыму, в Средней Азии. Завоевательный поход на Русь стал центральным пунктом его действий в конце 70-х годов XV столетия. Особую опасность этот план представлял из-за союза Орды с Литвой. Этим и объясняется странный маршрут продвижения основных сил Ахмада к реке Угре (притоку Оки), где он долго дожидался союзников.

Осенью 1480 года на берегах Угры решался не просто вопрос о возобновлении уплаты «выхода» и реставрации каких-то форм политической зависимости. На карту было поставлено самостоятельное развитие страны и народа. Русским воинам удалось отразить все попытки ордынской рати на Оке и Угре.

Отступление ордынских сил, начавшееся 11 ноября, знаменовало окончательное свержение почти 250-летнего ордынского господства над Русью.

Ш. Мухамедьяров. Я не согласен. После 1480 года с уплатой «выхода» Орде не было покончено. Из договора между Иваном III и князем Юрием Ивановичем (16 июня 1504 года) следует, что и в это время Московское великое княжество посылало дани в Орду в четыре места: в Крым, Казань, Астрахань и Касимов. Вчитайтесь в документы тех лет (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.—Л., 1959, с. 365).

В. Назаров. Не могу принять такой трактовки. Подобное толкование сокращенных текстов завещания Ивана III используется в научной и популярной литературе для доказательства зависимости России от Крымского ханства в XVI—XVII веках. В обобщенном виде эта формула присутствует во многих договорах 80—90-х годов XV века. Но разве речь идет о регулярной ежегодной уплате «выхода» в его классическом виде или же в порядке выплат при неблагоприятном стечении обстоятельств? Давно доказано, что правильно второе предположение.

И потом. К началу XVI века касимовский хан давно уже был вассалом московского государя. Что же, Иван III платил дань своему вассалу? Казань в 1487 году была взята московской армией, на престол посажен московский ставленник. И это сделано для того, чтобы платить ему «выход»?

Вероятно, есть резон в ваших словах. Но прочно укрепилась мысль о том, что борьба с ордынским игом ускорила процесс централизации Русского государства. Насколько оправданны такие суждения?

В. Назаров. Карамзин, кстати, первым оценил господство ордынских «царей» в целом положительно. А наиболее догматично сформулировал это Сталин: во внешней опасности со стороны «турок, монгол» он увидел ускоряющий распад фактор.

Воздействие ига на самые различные стороны русской жизни оказалось куда продолжительнее самого факта юридической зависимости от монголов. С каки-

ми результатами пришли русские к концу XV века?

В. Назаров. Нашествие Батыя и последующие набеги повлекли за собой неблагоприятные демографические последствия. Произошло массовое перемещение земледельческой культуры из регионов с относительно благоприятным климатом и плодородной почвой (северная лесостепь, ополья, долины крупных рек и т. п.) на куда менее удобные территории.

Городская жизнь в Северо-Восточной Руси во многом начиналась заново. Политическая и социальная роль города резко упала. Именно тогда закрепился вариант, который был ориентирован на опережающее развитие государственных (еще не централизованных) и корпоративных структур над индивидуальными. Иго в значительной мере подтолкнуло русское общество к нарастанию установки на изоляционизм и «особость» — в противовес открытости. И это пронизывало все этажи и уровни русского общества.

Внешние связи русских земель были в значительной степени переориентированы на Восток.

Подведем итог в самом общем виде. Держава, развившаяся до уровня европейского феодализма XIII—XIV веков, в конце XV—XVII веков противостоит абсолютистским государствам, на пороге нового времени. Здесь истоки того особого типа эволюции, который с оговорками можно определить как модель «догоняющего развития». На наш взгляд, ее отдельные характеристики проявились именно в последней трети XV века.

В. Егоров. Согласен, что монгольское иго резко изменило направление развития Руси. Об этом тут было сказано достаточно. Но ведь мы обычно задаемся вопросом, была ли ему альтернатива. Можно предположить следующие коллизии:

Если бы не было монгольского ига, то

1. столицей России стал бы Владимир, а не Москва;
2. не было бы Украины и Белоруссии;
3. объединение русских княжеств произошло бы на рубеже XIII и XIV веков;
4. уже в XIV веке Россия начала бы проявлять заметную активность в западном направлении.

В. Назаров. Не могу с этим согласиться. Предугадать, в каких конкретных формах и в какие именно сроки протекал бы процесс централизации древнерусских княжеств — при отсутствии ордынского ига,— просто невозможно. И, кстати, следовало бы назвать гораздо больше вероятных центров объединения. В самом деле, почему Владимир, а не Полоцк, Смоленск, Чернигов или Львов? Так ли уж неизбежным было появление одного объединенного государства, а не двух или трех?

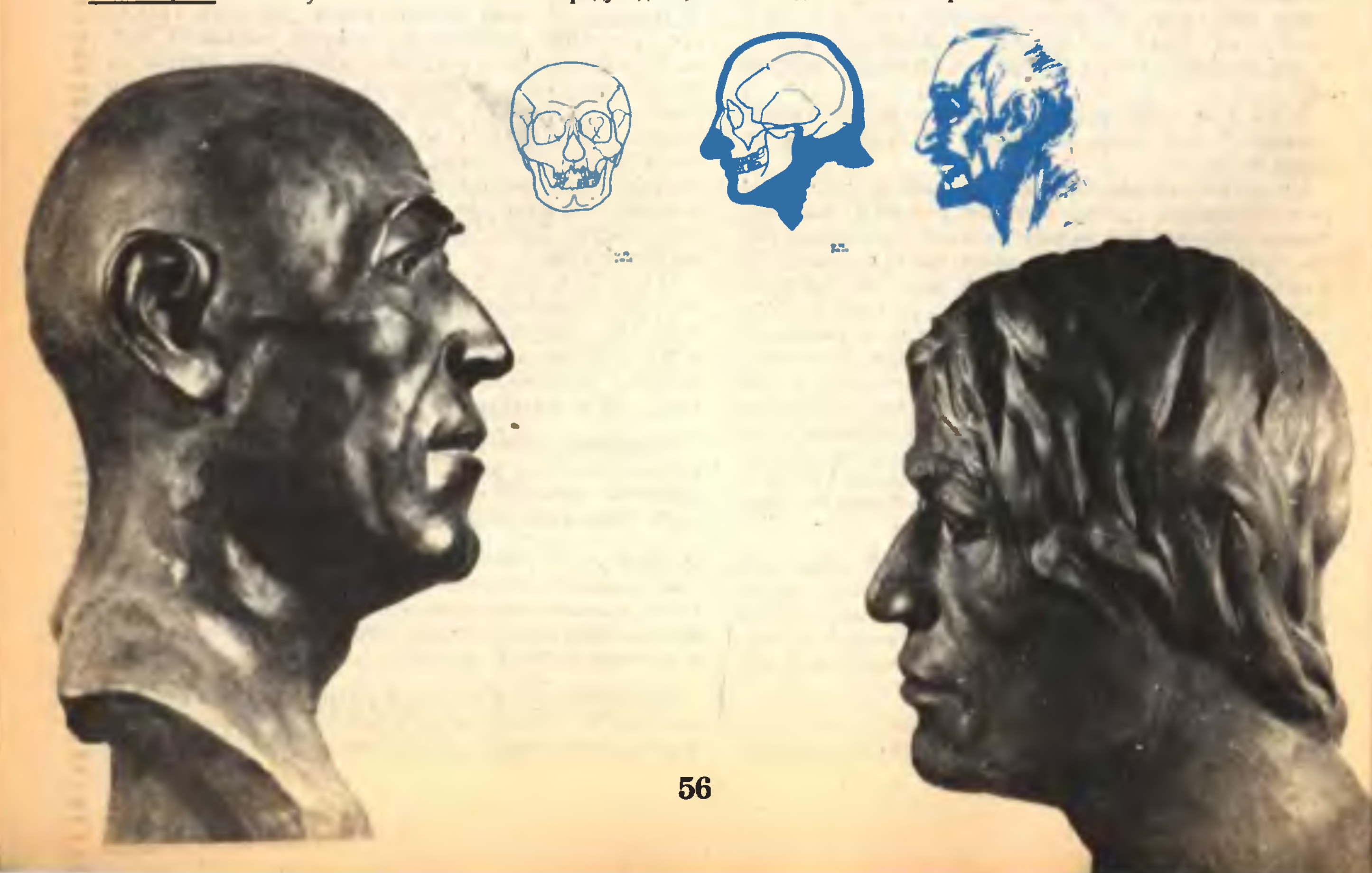
Этническая дифференциация с заметными языковыми различиями вполне проявилась еще до Батыева нашествия. Не будь зависимости от Орды и захвата многих древнерусских территорий Великим княжеством Литовским (а это взаимосвязанные явления), политические формы этногенеза восточнославянских народностей были бы во многом иными. Но делать отсюда вывод, что в таком случае не было бы Украины и Белоруссии, неверно. Ни известные факты, ни этнические концепции не дают для этого оснований.

В фольклоре, былинах и исторических песнях образ врага и насильника устойчиво связан с татарским царем. Но история не знает одномерности, однозначности. Интенсивные, многообразные связи Руси с Востоком в эпоху ордынского господства имели и несомненные позитивные следствия для русской истории и культуры.

И уже только поэтому нельзя переносить в современность злобу дня ушедших времен. Исторически объяснимы враждебность русских к тюркскому и монгольскому населению Орды. Да и казанские жители не могли видеть в русских воинах в 1552 году своих освободителей. Но правильно ли, когда современные исследователи безоговорочно принимают одну из позиций XIII или XVI веков? Конечно, нет. Не тогда началось противостояние христианства и ислама. Апеллировать к истории для разжигания страстей безнравственно.

В. Егоров. На наш взгляд, самое краткое, емкое и точное определение монгольского ига на Руси принадлежит именно Марксу: «Оно не только подавляло, но оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой».

Иногда кажется, что душа этого народа до сих пор не освободилась от потрясений семисотлетней давности.

Снимаю Татарстан

Фото Бориса Давыдова

КУРТ ВИДМАЙЕР

«Помогите нам остаться в России!»

НАЙДУТ ЛИ СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ ЖЕЛАННУЮ СРЕДУ ОБИТАНИЯ?

Мой впечатлительный приятель — он поэт и слегка не от мира сего — сунулся как-то за визой в германское консульство. Массовость действа потрясла поэта. «Слушай,— звонит мне,— что ж творится-то? Они же так все и уедут!» «Не-а,— пытаюсь ерничать,— не все. Часть здесь растворится». Долго мы так. Он все про неповторимый этнос, бесследно исчезающий, про близорукость *этих*, что вытесняют. «Я эту диаспору,— говорит,— эти села разбросанные вижу как милые веснушки на лице России. Жаль, что исчезнут».

Другой знакомый, из Омска, пишет в том же миноре: «Люди уезжают, бросая дома и утварь. Три соседних села, по 150—180 дворов в каждом, практически опустели. Какие-то бомжи стекаются, поживут сколько-то в одном доме, загадят, перебираются в другой... Надо признать наконец: двухвековая попытка привить немецкую веточку к русскому дереву закончилась с отрицательным результатом. Один организм отторгает другой».

В прошлом году уехало за 150 тысяч. Цифра могла быть и втрое, и вчетверо больше, если бы лавина гэдээровцев не опередила наших. В кельнском компьютере — под миллион заявлений. А посольство в Москве осаждают новые толпы желающих вырваться. В самом деле, похоже на то, что попытка прижиться здесь заканчивается на наших глазах — обоюдным разорительным крахом.

Велик ли крах в материальном исчислении? И стоит ли сокрушаться о крохах, падающих со стола, когда рушится сам стол?

1764 год

Первые немецкие колонисты прибыли в Россию по пригласительным манифестам Екатерины II и поселились в степях под Саратовом. По мере того как империя присоединяла новые регионы (Новороссию, Крым, Кавказ, Закавказье), здесь тоже вплоть до конца XIX века поселялись выходцы из Германии, Швейцарии, Австрии, Франции.

1918 год

Декретом СНК от 19 октября была образована Трудовая коммуна немцев Поволжья (с 1924 года автономная Республика). В то же время по возвращении южных окраин в состав СССР проживавшие здесь немцы получали культурно-национальную автономию.

1941 год

28 августа немцы Поволжья были объявлены шпионами и диверсантами, а затем выселены в Сибирь и Казахстан. Причерноморские, кавказские и другие в указе не поминались, однако последовали туда же. Взрослых обоего пола от 15 до 60 лет мобилизовали в трудармию — на лесоповал, стройки и шахты. В 1948-м высылка объявлена вечной.

Как неожиданно ни прозвучит, урон вполне сопоставим. Года полтора назад в Институте немецких исследований (Франкфурт-на-Майне) прикинули: если ФРГ примет 2 миллиона переселенцев, ее валовой национальный продукт к концу столетия возрастет на 84 миллиарда марок. По оценке Госплана (бывшего), потери СССР при отъезде немцев составят 80 миллиардов рублей (доапрельских). Я уже говорил об этом не раз и снова повторю: методика счета и все слагаемые мне неизвестны. Однако исходную величину следует, на мой взгляд, увеличить этак в два-три раза. Расхожей цифры — два миллиона — в природе нет, она присутствует лишь в данных последней переписи. Правда, называли ее уже за десятилетия до переписи, назовут и завтра. Хотя с той поры (январь 1989-го) больше 350 тысяч немцев эмигрировало.

Реально же так: проблема советских немцев (выезд, республика, культурная автономия и т. п.) напрямую затрагивает 5—6 миллионов человек. Эту цифру столь же трудно подтвердить, как и опровергнуть. Можно лишь пояснить. Перед войной в Союзе насчитывалось около 1600 тысяч немцев. Чуть больше половины погибли в ссылке, трудармии, лагерях. К переписи 1959-го довоенная численность была восстановлена (1623 тысячи), но потом на два десятилетия забуксовала — при всей многодетности, присущей нашим патриархальным и религиозным немцам, при практически нулевой эмиграции. Понять аномалию довольно легко посредством «еврейского парадокса». Статистика Германии с конца прошлого и до 30-х годов нынешнего века отчетливо фиксировала прирост евреев (по вероисповеданию, конечно) в антисемитские годы и полную стагнацию или даже снижение их численности в годы толерантные — увеличивалось число выкрестов. Разумеется, в таком важном для системы пункте, как национальность контингента, советские нормативы не могли полагаться на психологические закономерности. Вплоть до отмены спецкомендатуры в конце 1955-го немцу грозило 20 лет каторги за сокрытие своей национальности. Предписание распространялось и на детей от смешанных браков. Что не было пустой угрозой: я лично знал трех человек, схлопотавших за «сокрытие национальности» сполна. Сегодня 69 процентов советских немцев моложе 45 лет состоят в смешанном браке, и дети их, как правило, записываются в другую, конституированную нацию. Правда, теперь, ввиду приоткрытой калитки с видом на Запад, многие, наоборот, занялись поиском немецкого следа в родословной. И что еще характерно — в смешанных семьях инициатором выезда чаще выступает ее русская половина, особенно если она женская.

Почему-то эти цифры — 5—6 миллионов — смущают радикалов из общества «Возрождение». «Тсс! — говорят мне.— Ты напугаешь и Коля, и Горбачева». Могу добавить: и местные власти тоже. А именно тех начальников, что барствуют в местах эвентуальной республики,— из-за притока. И тех, кто княжит в местах нынешнего поселения,— из-за оттока.

«Говорить сейчас о пяти миллионах пропагандистски и тактически неверно»,— вторит оттуда же благонамеренный. Но, судари мои, рано или поздно дойдет до выезда или переезда. Куда повелите вы немцу упрятать свою русскую жену — под какой халат? А русскому мужику куда скрыться? Ведь при отъезде, насколько мне известно, никто не намерен разводиться или делить детей...

Судить-рядить об эмиграции можно столь же бесконечно, сколь бессмысленно. Правда, один совет все же предложу: не слушайте того, кто зовет уезжать. А также того, кто призывает остаться.

Российским немцам хоть в одном повезло больше других — им есть куда ехать. Там они автоматически становятся гражда-

нами благополучнейшей страны с вытекающими отсюда приятными последствиями: правом на жилье, работу, пенсию, на всевозможные кредиты и пособия. Бывший механизатор строит себе дом или квартиру, рядом с которой так называемые хоромы наших начальников выглядят приютом убогого чухонца. Он незамедлительно обзаводится машиной, какую советский бонза может получить лишь в виде картинки из проспекта. Вчерашний обитатель села Бабяково или аула Дрюч-Кудук одним махом становится свободным жителем Европы. Ему открыт для путешествий весь остальной мир. И он в этом мире изобилия желанный гость — как обладатель самой твердокаменной, бронебойной валюты. Но еще главнее то обстоятельство, что он попадет к своим — и родственникам, и соплеменникам. И никто там не будет угрожать ему поджогом, а детей обзывать фашистами.

Однако сказанное — лишь одна грань проблемы. Одна из многих. Выехавший, если ему за 16—18 лет, уже не может убежать от предыдущей жизни. Здесь он был немцем, там становится русским. Взрослые, словно щитом, прикрываются жертвенным оправданием: «Зато хоть дети заживут нормально». Довод с виду искренний, но таится в нем и доля лукавства, и душевное смятение.

Даже сегодня, когда предельно возросла опасность сгореть в огне межнациональных распрей или сгинуть от вполне реального, как в 40-е, голода и холода, когда, казалось бы, уже нет больше места сомнениям и надо чесать отсюда во все лопатки: все равно тут проку не будет,— даже сегодня многие немцы, может еще большинство, уезжают, желая остаться. В том есть одна наивная подробность. Немцы бегут не от трудностей, а от несправедливости. Рефреном в моей почте последних двух лет звучит недоумение и обреченность: «Мы можем уехать, но не хотим. Обстоятельства выталкивают нас. Помогите нам остаться в России!»

До недавних пор еще можно было с уверенностью утверждать, что единственным способом сдержать эмиграцию немцев является воссоздание их территориальной государственности. Оно и сегодня так. Только по мере того как решение проблемы бесконечно откладывается, в стране остается все меньше «республиканцев». Через два-три года республику создавать будет не для кого и не с кем. Похоже, нынешние власти к этому и ведут.

По доброй воле, как известно, коммунисты не отдают ни пяди, ни принципов, а коли расщедрятся, так за чужой счет. Пропись эту подтвердил пассаж из программных установок последнего съезда КПСС (июнь 1990), где партия считает «необходимым... утвердить право депортированных народов на историческую родину или традиционные места проживания».

Можно бы всячески рукоплескать благим устремлениям партии, мешает одна закавыка: щедрость сия декларативна. Гуманных принципов КПСС хватилась лишь после того, как, пожеманившись, с возгласом «не надо, я сама!», скинула обузу 6-й статьи, а с нею как бы и ответственность за все содеянное. В незабвенные времена, когда она была еще «руководящей и направляющей силой», простенькая мысль о праве не смогла пробиться в ее эпохальный ум. Хотя ей не раз напоминали. Теперь, когда республики осуществляют суверенитет, а сама она лишилась там дел и позиций, партия приглашала вдруг на неподведомственные ей территории ходоков из ссылки: «Селитесь, сирые, в Галиции и в Молдове, в Крыму и на Одесщине. А в Азербайджане и Грузии — так за ради Бога!»

Лукавят!

Существует целый ряд российских регионов, где немцы жили раньше и хотели бы поселиться вновь (например, Поволжье, Калининград, Краснодар) и где КПСС, их нечаянный радетель, как стояла у власти, так и стоит, даже в окопы не думала прятаться. Но именно здесь партийцы без утайки объявили: советским немцам с их автономией сюда ходу нет и не будет. В Саратовской области шовинистическую кампанию организовали и возглавили парткомы всех уровней. Они составляли график митингов и собраний трудовых коллективов, снаряжали многосотенные депутации в Москву, в парткабинетах сочинялись и лозунги типа «Лучше СПИД, чем немцы», «Отстояли в 43-м, отстоим в 90-м!».

Анатомия этого партийно-минводхозовского заговора известна в деталях. Но вся его подоплека — лишь частное, волжское проявление общесоюзного синдрома. В других местах — будь то Васюганские болота или оконечность Таймыра — реакция окажется той же: «Автономия? Да! Но не у нас».

Немцам следует как можно скорей проститься с иллюзиями и принять отрезвляющую истину: никакой республики в этой стране мы при этом режиме не получим. (А при другом она и не понадобится.) В наших попытках создать свою территориальную государственность у нас нет и не может быть союзников. Ни среди республиканских или местных властей, ни со стороны других наций — скажем, казахов или русских. Никому нет дела до наших обид и болячек. Мы обречены на одиночество — как, впрочем, любое национальное движение. Ни на кого не надо возлагать пустых надежд — иначе не избежать разочарований и апатии.

Оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что «идейная борьба» — не наш удел. Даже сейчас, когда выросло новое, непоротое поколение. Если нам и не навяжут игру по чужим правилам, мы скатимся к ней сами. Иллюстрацией тому — сектантский догматизм наших автономистов («только на Волге, там, где была»), отсутствие единства, взаимное подсиживание, неумение слушать друг друга.

Отчасти это свойство родовое. Ибо известно: где два немца, там три партии. Но сверх того разброд коренится и в нашей истории с географией. Российские немцы никогда не были ни однородны, ни монолитны. Они не только прибыли из разных княжеств и стран, но и поселились в разных местах — от Дуная до Заволжья, от Волыни до Куры. Они говорили на разных диалектах, исповедовали различные конфессии. В то время как соплеменники в Германии стирали грани, суверенитеты и межи, эти, наши, сохраняли, словно в консервной банке, свои обычаи и язык, нравы и нравственность. От региона к региону отличались их дома, быт, уровень жизни.

Различия остались ровно в той мере, в какой вообще сохранилась национальная идентичность. Различную привязку сохранила и ностальгия по довоенной родине. Так что требование восстановить немреспублику в Поволжье — само по себе справедливое и обоснованное — является при взгляде изнутри идеей групповой, эгоистической. Она оставляет за бортом остальные группы, для которых Поволжье родственно не более, чем, скажем, казанский Татарстан для крымских татар.

Перед высылкой на Волге жила лишь одна четверть всех немцев СССР. Однако *подменный* этноним «немцы Поволжья» прилипчивой ошибкой застрял в чиновном и бытовом лексиконе, сбивая с толку и доброжелателей.

1964 год

Указ от 29 августа снял обвинения в шпионстве, но запретил возвращаться на довоенную родину. С 1972 года разрешено и это, но действуют — возможно, по сей день — негласные запреты на прописку в определенных регионах.

1965 год

В июле делегацию немцев принял Председатель Президиума ВС СССР: в реабилитации и автономии отказано.

1989 год

В марте советскими немцами создано общество «Возрождение». Его цель — восстановить республику на Волге.

1991 год

В марте, за пять дней до начала, долгожданный съезд немцев СССР вновь перенесен. В мае Президент СССР заверил представителей оргкомитета съезда, что проблема остается в поле зрения властей. Намечено образовать Госкомитет по делам советских немцев в Кабинете министров.

Ключевой вопрос — о месте будущей республики — поднимался еще первой делегацией советских немцев в Верховный Совет СССР в июле 1965 года. Три или четыре делегата предлагали другие варианты или, во всяком случае, серьезно обсудить проблему, с учетом преддепортационного этнического и географического многообразия. Однако волжане, составлявшие 80—85 процентов всех участников, легко и быстро одержали верх, а потерпевших подпиской обязали впредь говорить только о Волге.

С той поры и повелось. Уставный пункт «только там, где была» не подлежит на сборах «возрожденцев» ни обсуждению, ни сомнениям, а ритуальная верность ему по трафаретной назойливости сродни «социалистическому выбору» в устах Горбачева — Полозкова — Андреевой.

Проще всего объяснять это тем, что в движении за автономию изначально и доселе доминируют волжане. Но тут же возникает вопрос: почему столь инертны и податливы представители других групп, коих суммарно в три раза больше? Ведь Волга для них звук пустой, чужой, абстрактный символ: годится в лозунги, но не для поселения. Но что они порознь могут противопоставить зычному напору волжан? Или на какой *географической платформе* прийти к единству? То-то и оно...

Дело еще в особом складе волжан. Определенная отчужденность между ними и остальными группами возникла или, во всяком случае, усилилась при Советской власти.

Поволжские активисты трепетно гордятся тем фактом, что первой национальной автономией в Советской России оказалась их Трудовая коммуна, и вставляют его опорным пунктом во все прошения к властям, от раннего Брежнева до позднего Горбачева. Но, во-первых, не первая — существовала уже Туркестанская АССР. А во-вторых, нелишне пояснить, что Поволжская коммуна планировалась большевиками как приют для блуждающих коминтерновцев из немецкоязычных стран и в значительной степени стала их креатурой. В апелляцию вплетаются и другие «революционные заслуги предков»: участвовали в пугачевском восстании, сражались в рядах Василь-Иваныча, снарядили два рейтарских полка Семен-Михалычу. Не в том беда, что воевали, участвовали,— хотя и в этом тоже! — а в том, чем похваляются. Вдруг завтра признают, что правда истории была на стороне барона Врангеля,— куда тогда с «заслугами»?

К завоеваниям советского периода они относят и тот факт, что «в русле ленинской национальной политики помимо АССР немцев Поволжья в районах компактного проживания было создано 114 немецких национальных районов и 553 сельсовета». Однако сами немцы вовсе не просили о подобном благодеянии. Более того, противились ему. Все, что надо для нормальной жизни, у них наличествовало и без новоявленных доброхотов: национальное самоуправление, свобода вероисповедания, школы и печать, развитая экономика.

Псевдоавтономизация понадобилась совдепам для проникновения в сложившиеся общности с целью взять их под тотальный надзор и насадить свои порядки. В границы районов проживания немцев искусственно включались русские или украинские поселения. В расчете на распри? На взаимодоносительский контроль?

Большевизацией немецких районов в Сибири и на Украине, в частности в меннонитских колониях, занялись наряду с коминтерновцами и комиссары из АССР НП — поскольку «среди меннонитов в те времена коммунистов совсем не было». (Цитирую по скандальной книжке «Меннониты», изданной Политиздатом в 1967 году.) В ответ меннониты, сославшись на основателя своей конфессии голландца Менно Симонса, прибегли к маленькой уловке. «Мы голландцы, а не немцы,— обратились они к властям.— Если вы последовательно выполняете политику Коммунистической партии, то дайте нам голландских партийно-советских работников, а не «из среды Коминтерна и руссифицированных немцев».

Видимо, не все шло по замыслу с интернационализацией немецких районов, поэтому их — вместе со школами, прессой и прочим — ликвидировали задолго до разгрома АССР НП. И без всяких ссылок на «шпионов и диверсантов». Сегодняшние волжане связывают ликвидацию с приходом к власти в Германии нацистов. Спрашивается только: к чему было Сталину заодно разгонять и национальные районы других народов? Причина, думается, в другом: в курсе сталинского национал-большевизма на всестороннюю унитаризацию государства, на создание советской империи. Слабейший барьер, не заслоненный конституцией, и пал первым.

Недосуг сейчас выяснять, где, как и когда волжане приобрели свой иммунодефицит на красную заразу, почему они — подобно евреям, латышским стрелкам или китайским хóди — бросились в объятия большевиков, а позднее столь прилежно, стремясь перещеголять наставников, копировали их дьявольские ужимки. По склонности немца угождать властям, исполнять приказы? По его стремлению отыскивать высший смысл во всем, включая абсурд? Наверное, в основе лежит коренной социальный порок, заимствованный ими от окружающего населения,— общинное землепользование.

Главные направления немецкой иммиграции в Российскую империю в XVIII—XIX веках

Переселение немцев из Гессена → Западной Пруссии → Польши → Юго-Западной Германии, а также дальнейшее переселение из Юго-Восточной Европы

У волжан, то есть немцев Поволжья, фундаментальное преимущество перед остальными. Желание вернуться на свою малую родину они могут отстаивать под республиканским лозунгом. Для них общие национальные устремления счастливо совпали с личными территориальными. На их стороне и такой весомый довод, что у нас, дескать, была республика, и мы требуем не создания, а восстановления. Тем паче что юридически ее никто не упразднял.

Простые лозунги, доступная аргументация в сочетании с тем, что поволжские немцы, повторюсь, были более идеологизированы и политизированы, что и после трудлагерей сохранили кадры совпартхозаппарата,— всем этим и объясняется, что с момента зарождения и по сей день самыми активными автономистами были и остались волжане.

В том не было б особой беды, кабы функционеры «Возрождения» не претендовали на единопредставительство, на выражение «сокровенных чаяний всего советско-немецкого народа». Кабы столь азартно не насаждали непримиримо-нетерпимое одномыслие: «Даешь Волгу — и баста! Кто против, пшел вон!»

Те три четверти за бортом не меньше волжан жаждут вернуться из ссылки, выехать хотя бы из Средней Азии, где временами не просто тепло, а жарко. Волга для них не пункт сбора. О довоенном статусе и мечтать наивно. Есть ли объединяющий подход? Мне он, как и четверть века назад, видится в следующем. Мы вместе проходим отрезок пути, где наши цели совпадают: отмена всех репрессивных и дискриминационных актов, восстановление в гражданских правах; провозглашение верховной властью нашего права на территориальную государственность; определение в согласии с властями двух-трех взаимоприемлемых конкретных мест для будущей республики с последующим вынесением этих регионов на референдум немцев.

И вот уж тут, во время всеобщего обсуждения, славословь на предельных тонах свою Волгу. Напирай на де-юре и на попранное де-факто.

Я знаю: 70 процентов тех, кто не проголосует ногами в Германию, выберут Калининград. Процентов 15 выскажутся за Поволжье. Несколько тысяч желающих может собрать треугольник Алтай — Павлодар — Омск. Волжане-возрожденцы это тоже знают. И потому опасаются опросов, пусть даже предварительных. («Мы решительно и принципиально отвергаем любые попытки навязать нашему народу разного рода опросы, имеющие целью оттянуть решение давно назревшего вопроса».)

Честно говоря, я тоже иногда боюсь: а вдруг у них и выгорит? Надоест начальству слушать заунывные волжские напевы (а глядишь, и канцлер пообещает раскошелиться), вот и порешит оно — быть по сему. Проблема национального возрождения так и останется нерешенной, зато на ней поставят жирную бюрократическую галочку, она же крест. Дело закончится тем, что на карте пролягут новые границы, на местах воссядут новые начальники, а в центр полетит совнемский вариант известной телеграммы: колхозы созданы, присылайте колхозников.

Полновесных причин, по которым республика в Поволжье так и осталась бы без «народа, давшего название», было ровно полдюжины еще до того, как местные в Поволжье столь боевито ощетинились. (Им и сейчас хочу посоветовать: расслабьтесь, немец в бузу не полезет!) Но одной этой причины хватает с лихвой, чтобы отринуть пагубный выбор, излишне повторять остальные. Назову лишь несколько цифр. Итак. «Литгазета» (№ 41, октябрь 1989), полоса «Немецкая автономия: где? когда? как?». Было в том выпуске и мое выступление. Примерно 6000 откликов. 78 процентов немцев — за Калининград, 13 — за Волгу. Два существенных нюанса: а) ответы писались до саратовских выступлений против республики немцев в Поволжье; б) с Волги в пользу Калининграда пришло больше писем, чем со всего Союза — в пользу Волги. В то время в Волгоградской и Саратовской областях насчитывалось 46—48 тысяч немцев, сейчас — едва ли половина. Большинство из них тоже сидит на чемоданах. И самое пикантное: на мартовском (1991 г.) «полусъезде» *, при всем его категорическом волжском единодушии, только треть делегатов выразила намерение переехать в Поволжскую республику в случае ее воссоздания.

За что же боремся, граждане волжане?

Вовсе не желая лишний раз подразнить «друзей народа», рискну спросить: а нужна ли нам автономия? Или так: много ли здравого смысла во всей нынешней кутерьме вокруг суверенитетов, приоритетов и перепрофилирования округов в республики? Право, нельзя же принимать всерьез, как панацею от национальной и социальной обездоленности, автономию в ее советском исполнении! Глянь-ка, все вокруг ее имеют, а много ли — пардон! — с нее имеют? Свой окрас на карте?

Реальные блага от автономий существующего образца вкушает этнократия — те же аппаратчики, только коренной масти. И когда мои друзья-волжане твердят, что главное — принцип и не важно, мол, сколько людей переедет, была б республика провозглашена, то я не могу избавиться от подозрения, что под словом «принцип» они подразумевают квоту. (Как известно, чины и «поголовье» штатных «слуг народа» — министров, депутатов, председателей и пр.— регламентируются рангом национального образования, а не численностью населения или экономической полноценностью.) Автономистские фантики, билет без места беды не поправят.

Хотелось бы только предостеречь наших немцев, особенно «движенцев за равноправие», отвести их подальше от соблазна рассматривать свое задрюченное положение как уникальное, из ряда вон. Нет, все тут равны в бесправии. Русскому крестьянину, вопреки всем принятым законам и указам, получить желаемую землю ничуть не легче, чем нашему бауэру. В одиночку, автономной колонной, нам ни на шаг не опередить тех перемен в стране, от которых единственно зависит благополучное решение нашей собственной судьбы. Не удалось бы при нынешних порядках создать островок благополучия в недружелюбном и традиционно голодном Поволжье. Ибо нельзя насадить образец нравственности в отдельном номере борделя.

Я вовсе не призываю к пассивному выживанию. Я только против *имитации движения к ложным целям*. Для этнического возрождения нужна не запоздалая реабилитация, а свой дом, реальная территория, не декоративная автономия, а простое, пусть и безымянное самоуправление, экономический суверенитет. Если и в завтрашнем устройстве страны такое образование будет именоваться республикой — ни звука против. Вопрос о ее месте намного существенней «дозволения на автономию». Чтобы республика полнокровно жила, работала и говорила, нужно ее населить. Обратным этапом немцев в нее не зашлешь. Она сама должна притягивать и привлекать — географическим положением, климатом, экономической перспективностью. Остальное приложится.

Неоднократно уже писал: места́ ссылки не предлагать! Любителям кивать на «места нынешнего компактного проживания» с неясным намерением «образовать там нечто такое» поясню: три года назад данная «компактность» была представлена 30—40 селами на пространстве от Оренбурга до Алтая. Хорошо если сегодня от них — сел и жителей — осталась половина. Компактней всего российские немцы сегодня живут в окрестностях Штутгарта, в ФРГ. Любое место за Уралом лишь повторило бы участь биробиджанской бутафории — оно так и осталось бы без новоселов.

Любое, кроме Поволжья, место довоенного расселения — Причерноморье, Приазовье, Крым, Кавказ — по своим объективным параметрам краше того, которое я предлагаю. Но все эти прелестные варианты несбыточны.

* После официальной отмены (переноса) съезда немцев СССР половина избранных делегатов, числом около 520, приехавших в Москву, провели-таки съезд, объявленный ими чрезвычайным, а властями — недействительным. — Прим. авт.

Калининградская область, сегодня как и прежде, представляется мне самым приемлемым, всех объединяющим, единственно реальным и перспективным местом для жизненно полнокровной республики.

Область — последний пятачок, на котором еще можно сдержать эмиграцию. Более того — повернуть ее вспять. По опросам, которые проводит в лагерях для переселенцев Землячество российских немцев в ФРГ, 35—38 процентов вновь прибывших из Союза утверждают, что вместо Германии охотней поехали бы в Калининград, если бы возникли надежды на республику. Я говорил с десятками земляков, давно в Германии осевших и весьма благополучных, которые готовы были бы вернуться — кто насовсем, кто лет на пять-шесть, «а там посмотрел бы».

Область — единственное место в Союзе, где нет коренного населения, что практически исключает поводы к межнациональным конфликтам, претензии на исконность и первородство. (Если их не разжигать сверху.)

В необъятной стране это самая ничейная земля. Она — общесоюзное достояние, которым центр — сейчас и впредь — мог бы распоряжаться, не ущемляя республиканских суверенитетов и национальных амбиций. Земля эта не одесситская, не волжанская. Не русская, не германская. И в то же время культурно-исторически — немецкая, административно-политически — советская. Одним словом, советско-немецкая. Как и разбираемая нами проблема.

Но тут возникают нюансы. Во время своей февральской поездки в Калининград Ельцин рефреном заверял военных, рабочих и партхозаппарат, что земля эта есть и остается российской и никакой «автономии немцев Поволжья» тут, мол, не будет. (Похоже, эти «немцы Поволжья» неискоренимы!) Вообще-то речь я всегда вел не о «Немповолжье», а о Балтийской республике. Причем русско-немецкой; если угодно, германо-славянской. Иной по нацсоставу она и не может быть — учитывая нынешнее население области плюс смешанность самих въезжающих.

Препирательства насчет «будет — не будет» следует, видимо, отложить до тех времен, когда чуть расширится круг людей, понимающих, что стране невыгодно — по соображениям экономическим, нравственным, престижным — терять лояльных и прилежных граждан. Но одно возражение напрашивается уже сейчас. Утверждать, будто Калининградская область есть неотъемлемая собственность России, значит, отождествлять себя с центром, а саму Россию объявлять единственной правопреемницей сталинско-молотовской империи. Ведь «кровь за Кенигсберг проливали» не одни россияне, а также узбеки, и белорусы, и казахи... Не так ли? И область — на сей раз в буквальном смысле — их общее завоевание. А если бы Сталин уступил просьбе Литвы включить советский кусок Восточной Пруссии в ее состав — она что, так и ушла бы с общей добычей? Хотел бы я посмотреть!..

Понимаю, эти выкладки, как, впрочем, и предыдущие, сторонников мне не прибавят. Однако ж, не ради похвальбы скажу: если здесь у немцев есть какое-либо будущее, то оно в России.

Приведу написанное мною два года назад: «...Если не прятать судьбу за злопамятством, то взору откроется не просто *возможность* взаимообогащающего сотрудничества России и Германии, а его желанная *неизбежность*. Советские немцы, этот малый, но счастливый дар истории, могут и должны стать связными в благотворном сближении. Русско-немецкая Балтийская республика явилась бы платформой примирения и единения. Тамбуром в общеевропейский дом. Визитной карточкой Советской Федерации».

Благодатный край на исходе 46-го мирного года все еще покоится в руинах, словно прифронтовая полоса. С полдюжины городков исчезло, заросло кустарником; уцелевшие дряхлеют; хуторские усадьбы разбираются на кирпичи; реки превратились в ядовитые помойки.

Карта бывшей Восточной Пруссии

P1 — Калининградская область РСФСР;

P2 — территория Восточной Пруссии, отошедшая после второй мировой войны к Польше.

Старые и новые названия городов: Кенигсберг — Калининград; Инстербург — Черняховск; Гумбиннен — Гусев; Тильзит — Советск; Мемель — Клайпеда.

Рецепт возрождения края прост и реален: привлечь немецких работников с востока и германский капитал с запада. Вклад «советской стороны» минимален — благожелательный кивок. Горбачева ли, Ельцина или даже местных властей. Трудармейскому знаку российские немцы предпочли бы другой, но тоже совершенно беззатратный знак внимания: *иммиграционные преференции* при заселении области. Чтобы не входить туда партизанскими тропами и прижавши уши, как сейчас.

Область вместит десяток тысяч ферм, тысячи три мелких и средних предприятий, не считая торговли и серванса, и не лишится природного шарма. Достанет еще места для парков, санаториев и курортных гостиниц, для просторного жилья, делового Сити, автосборочного завода. И множества других полезных заведений, из коих первоочередные — предприятия стройиндустрии.

В нормальных условиях вопрос об эмиграции перед немцами не вставал. Да и чего ради? Ведь они уже один раз эмигрировали — в Россию.

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

ВИСИМ, ВИСИМ – НЕ ПАДАЕМ

Поговорка эта родилась в большом уральском селе Висим, что возле Нижнего Тагила. Село основано в 1741 году, в пору становления горного дела на Урале. Ученые говорят: потому Висим, что село провисает меж лесистых гор. А мне слышится тут роковое «на волоске» — ощущение, что вот-вот все обрушится, но держится пока чудом.

Еще держится?..

Былое

Приехала я в Висим — и первым делом через пруд, по старинной плотине к Григорию Сергеевичу Федулову. И — помнишь. Девяносто деду Грише, а все бодрился, не лежал ни дня, так и умер на ходу — песенник, балагур, сочинитель. Как он певал: *«Вот на пути село большое, над клубом красный флаг шумит»* — на мотив известной старинной песни...

Так и пошло в этот приезд — помнишь.

...Разумеется, в центре села памятник вандализму и самоедству нашему: белокаменная — без куполов, ободранная и опозоренная. В этой церкви служил священником Наркис Мамин, отец знаменитого писателя Мамина-Сибиряка, прославившего Урал, и родной Висим, и гору Шихан. Вот она, зеленеет широкой вершиной, а взойдешь — далеко внизу, как в чаще, кубики домов, вьется тускло-серебряной лентой Висимка, уходит за могучий окоем гор. За рекой старообрядческая часовня из красного кирпича— в Висиме «три конца»: туляцкий, хохляцкий, кержацкий, и все жили дружно. (Роман Мамина-Сибиряка о родном селе так и называется «Три конца».) Часовня, построенная на пожертвования богатого купца Селиванова, стоит ровно новехонькая, да только уж, понятно, без главок.

Рядом чернеют останками домны завода Акинфия Демидова, легендарного уральского промышленника. 123 фабрики, 85 медных и железных рудников, три пристани... Его *«железо в деле так призрядно, что отнюдь лутче того добротою и мягкостью быть невозможно»*. А происходит он от тульских кузнецов, отец его Никита Демидов стал действительным статским советником и возведен был Екатериной во дворянство. До сих пор на бывших его заводах можно услышать: *«Демидов нужен!»* Стал он для старателей образцом энергии и воли, ума и предприимчивости, таланта и удачи. А в Висиме знали цену этим качествам, там все старались на собственных земельных наделах, мыли золото и платину.

Вот Евсей Пименович Метелёв нашел в логу платину и за полгода выстроил двухэтажный дом, завел магазин. А пришел в село в лаптях. Труженик был, работяга, ну его, понятно, в 30-е годы стали щекотать. Многих крепких хозяев раскулачили и сослали, все село, считай, разворошили. А было оно работящее, богатое.

...Историю Висима рассказывает 88-летний Гавриил Федорович Горбунов. Он складывал дрова во дворе, но вот присел отдохнуть на лавочку перед резным своим домом, и мы разговорились.

На этой улице, бывшей Тагильской, ныне Советской, дома высокие, под тремя скатами: дом, да сарай, да крытый двор, скобленный до белизны и крытый половиками. Резные наличники, резные подзоры, ворота — настоящие терема под железными крышами. Все это, правда, рушится, осыпается уникальное деревянное кружево... Есть и оштукатуренные под камень двухэтажные особняки. В этом, приютившем ныне добрый десяток семей, жил купец 1-й гильдии Водовозов, держал одну из многочисленных лавок. *«А в ней только живой воды не было»*, — вспоминает Гавриил Федорович.

Он помог мысленно увидеть на родной Тагильской улице нарядных женщин в поплиновых платьях «в пол», в черных кружевных файшонках (старинный головной убор) на высоких прическах, в ботинках «со скрипом», мужчин в лаковых сапогах до колен (их здесь называли ботфортами), в костюмах-тройках, в рубахах «из чесучи» с серебряным пояском, при часах с цепочкой. На голове — поярковая шляпа с низкой тульей.

В каждом доме сохранились, впрочем, семейные фотографии отличного качества местных мастеров братьев Ткачевых. Ткачевы, Комаров, Журавлев делали и узорную легкую мебель. Венские же стулья, шкафы для посуды, трюмо, зеркала в тяжелых резных рамах, часы с боем в стиле ампир были привозные. Потолки в мужицких домах лепные, на полу суконные и тканые половики, много кружева. И сегодня сохраняется старинная обстановка *(«не мною заведено, не мне и рушить»)* у соседки Гавриила Федоровича Анны Александровны Петровой. Покойный муж ее, как и все здесь, крестьянин и старатель, страстно любил гармонь, сам и делал гармони, балалайки, мандолины. Все это звучало в Висиме по праздникам.

Праздновали весело, истово. Перед Масленкой объезжал село мужик на худой кобыленке задом наперед, на телеге рядом печь чадила. Вспомните Емелю-дурака: сказка-то, оказывается, уходит корнями в народный быт, в карнавал. Мужик держал огромную редьку и тер ее у всех на виду... Так начиналась масляная неделя — с шутками, смехом, блинами и каравайцами, катанием на вороных в разрисованных кошевах. В сельских лавках и наливки собственные, и вина заморские, а пьяных нет. А уж про женщин и говорить нечего, едва рюмочку сладкой наливки пригубят за столом среди близких. *«Раньше с бутылочкой-то компания весь вечер просидит. И — песни поют»*.

«Рак-сатана, отшатись от меня!»

Песен в Висиме знают великое множество, как и бывальщинок, пословиц, сказок, легенд.

Баба Маня Рагисова подарила мне такой заговор: *«Рак-сатана, отшипись от меня, на мне знак святого, печать христова, отныне и довеку, вовеки веков, аминь»*. («От тятеньки слыхала махонькая. Он велел на нощь читать».) Вместо безличного отцепись — отшипись, где слышатся и клешня с шипами, и слово «щипать». В другой же раз она говорит уже отшатись — тоже слово-образ. Отшатнись — бытовое, обычное, отшатись — древнее, драматичное.

Деда Гриша — земля ему пухом — мастером был народной этимологии (переосмысленного значения слова). Ямщик лихой у него, бывало, *«во хмылу сидит»*.

— Во хмелю? — переспрашивала я.

— Во хмылу.

Тут и хмель, и пьяная ухмылка.

Пел баллады, романсы, частушки:

Был у тещи в гостях,
теща плавала во щах.
Я на лодочке подъехал,
Тещу вытащил — поехал.

Виртуозная игра звуком «щ», что так и цепляет занозою в пресловутом слове «теща». Гениальный слух у народа!

У каждого сельского песенника свой образный ряд, настроение, своя звукопись и манера исполнения. Но все меньше сочиняют и поют, уходят самородки, народные таланты... Все меньше вокруг людей той, ушедшей культуры, замешенной на высокой нравственности и самоотречении.

Вот прощеное воскресенье — ведь отсюда можно всего Достоевского вывести. Ездили даже в соседнее село «прощаться». Праздник встречали обновленные душой и телом, с новым чувством любви к ближнему и извечной собственной вины перед ним, перед всеми. *«Каждый пред всеми за всех виноват»* — великая русская христианская идея, обогатившая мир...

А вот стала что-то заворачивать в местную газету «За победу!» (кого? над кем?!) и наткнулась на заголовок: «Как вступать в межличностные контакты». Нарочно не придумаешь! Ведь это в деревне — с ее хороводами, посиделками, «помочью», умением «гоститься» и «родниться» *(«вот уже и далёка родня, а все роднятся»)*. Не понимают разве, что по золоту ходят?..

Да, новая жизнь преподносит на каждом шагу подобные детали. Приехала к соседке сестра: Интерна Константиновна — в честь интернационала. А в деревне Шайдурихе Харитинья, что бойко загоняла людей в колхоз, назвала сына Коммунаром (после он переделался в Костю). Сама же Хритька заделалась Раей — намек на несбывшийся коммунистический рай.

Так ведь верили в мировую революцию, в град Китеж для всего мира! Хотя идея та чисто художественная и ни из какой логики и ни из какой экономики не вытекает.

...Тревожное лето. Непорядки в хозяйстве — как по всей России. А тут еще в довершение всех бед и напастей свалился колорадский жук.

— И откуль он взялся?

— Друзья в карман гадят!

Все у нас объясняется очень просто: происками врагов, злых сил, все трактуется своеобразно. Нет, например, чтобы сказать: спился народ, одурел, вот и умирают люди то и дело неестественной смертью — тонут, вешаются, разбиваются на тракторах и мотоциклах. А говорят так: *«Судьба!»* И еще: *«Смерть причину найдет»*. Да какая же тут судьба — в сорок лет пьяному разбиться на тракторе, оставив дома троих ребятишек?! Это при мне и случилось, убило трактором Сашу Малкова. Хоронили буднично, привычно.

Структура народного сознания — прочнейшая в мире вещь. Моя новая знакомая, дочь местных партизан (партизанами здесь зовут тех, кто дрался с колчаковцами), верит самым диким вещам.

— Слыхали про фашистов, что заставляли людей кричать «хай Гитлер»? (Следуют подробности с убийствами.) Это подростки были, их духовенство организовало.

— Да Бог с вами, зачем духовенству фашизм?

— Как это зачем? Нам так на лекции говорили.

Замечательна эта рабская вера в то, что те, кто читает лекции и говорит по радио, могут за вас думать и поучать и что им нужно безоговорочно верить.

Мужики возле магазина в очереди за хлебом (только в ритуальности очередей за хлебом еще и сохраняется прежнее к нему уважение). Один в кепке, с желтым одутловатым лицом, с палкой, лет шестидесяти, то есть уже весь, от рождения,— советский. Другой в шляпе.

В кепке: — Пока не будет умного жестокого правителя (вот так, без запятой, как синонимы) — будет в стране бардак. Еще Сталина обвиняют. Правильно Сталин делал!

В шляпе (с сомнением): — Он крестьян шибко зажимал...

В кепке: — Вредители все это. Вредителей у нас мало было? За всем не уследишь.

«Шляпа» согласно кивает.

Мифологическая структура сознания, невозможность представить, что жизнь развивается по объективным законам, а не только по чьей-то воле... Как будто какой-то заговор мог организовать тот хаос и озверение, что овладели Висимом, как и всею Россией, в годы революции. Послушать — волосы дыбом, что творили друг над другом. В списках расстрелянных и тех, кто расстреливал, одни и те же фамилии. «Каин, где брат твой Авель?..» — вот бы о чем помнить. А у нас — средневековые поиски ведьм, да еще страсть к мелодраме. Попытка трактовать историю исключительно через интригу.

Умягчение злых сердец

Острые сюжеты встречались в той, старинной жизни не реже, чем в революцию. Сегодняшние «патриоты» лишь верхний слой снимают, умилительный и розовый, как пасхальное яйцо. Но все куда сложнее.

Из свежеуслышанной истории одной висимской семьи: у девушки отвергнутый ее родителями парень с горя утопился накануне ее свадьбы. И та в брачную ночь, в самую полночь, упоив молодого, бегала выть на могилу милого друга. А ее муж убил вскоре из ревности свою бывшую невесту... Насильственные смерти, самоубийства, темные истории найдутся в каждом роду.

Ничего не придумывал не только Островский — у него-то что, мелодрама, но и Достоевский. Он увидел в темных страстях трагедию духа, борьбу дьявола с Богом в сердцах людей. И как же оказалось губительно для наций отбросить тысячелетние путы морали. Дать выйти наверх *(«все дозволено»!)* подспудным темным страстям. Ведь, отринув запреты, что делали? — вот и висимская хроника колчаковской войны о том же — насиловали, жгли, выкалывали глаза, выжигали звезды. Вчерашние соседи, братья...

Омут с чертями... Не зря на Руси родилась икона Умягчение злых сердец. И никто в мире так истово не цеплялся за спасительную идею смирения, терпения и терпимости, самоотречения.

На иконе кроткий и тихий взгляд Богородицы, а в плечи, одетые в пурпур, воткнулись семь тонких стрел — семь смертных грехов человеческих. На себя приняла удары Милостивица... (Икону эту я встретила в одном висимском доме.)

Светлейшая мечта о Беловодье, граде Китеже обернулась злобой и озверением люмпена. Он и диктовал законы.

Да надо дивиться, что остались еще у нас люди, не иссякла человечность. А ведь не иссякла.

— Плохо тебе в гостинице?

— Плохо. Шум, теснота.

— Ну так иди ко мне жить.

Это Соня, милая, тихая. Кроткая. Если правда, что имя — судьба, то Соне сам Бог велел быть такой (Соня Мармеладова из «Преступления и наказания»). Моя Соня успокаивала бабу Тоню из соседней избушки. Теперь допокоивает девяностолетнюю мать, кротко снося все ее больные капризы. И еще старикам Горбуновым помогает как может. Теплоту, беспримерный такт испытывала я всю неделю, что жила у Сони.

А в Шайдурихе того интересней: прямо на автостанции позвали к себе жить. Утром не знала, где буду ночевать, а вечером — уют, хлебаю грибницу и слушаю рассказ о многотрудной жизни новой моей знакомой. Мария Николаевна Суслопарова недавно страшно, трагически потеряла сына, а не озлобилась, не замкнулась. Она нашла один способ выжить — делать добро людям. *«Я подумала: что толку, если я умру или сойду с ума? Я еще нужна внукам. Вот делаю что-нибудь, воткнусь в свое шитье — и легче»*. Это она шелками шьет полотно — пейзаж родной деревни для местного музея. *(«Не хочу продавать, только дарить».)* Сочиняет стихи, надписывая общие тетради крупным старательным почерком: «Стихи моим внукам и правнукам», «Стихи добрым людям»...

Но вернусь к рассказу о Висиме. В том же большом, коммунальном доме, где меня приютила Соня, есть еще одна Соня, пухленькая и хорошенькая. Ей два года. Каждый норовит ей сунуть конфетку или пряник, она заходит в любую дверь как к себе и смело садится на стул. Эту Соню «в подоле принес» отец — бабушке, но бабушка вскоре умерла. (Перевертыш: мать, «не списанная» с отцом ребенка, от новорожденного отказалась еще в роддоме.) Отец женился, и вот родители новой жены, чужие, в сущности, Сонечке люди, взяли ее к себе и лелеют как свою.

...Только это одно у нас и осталось: народная душа.

ЖУРНАЛ «РОДИНА» НАЧИНАЕТ ПУБЛИКАЦИЮ ЛЕКЦИЙ АЛЕКСАНДРА КОРНИЛОВА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XIX ВЕКА

Они адресуются всем, кто заинтересованно относится к событиям давней старины. «Курс истории России XIX века» профессора Корнилова, прочитанный в 1909—1910 академическом году студентам Политехнического института Петра Великого, не переиздавался с 1918 года, хотя вполне мог бы стать своеобразным продолжением лекций Ключевского, где изложение доведено до конца XVIII века. Курс посвящен той самой гражданской истории, что зачастую ускользает от исследователя, подменяющего ушедшую от нас жизнь России биографиями ее императоров, характеристикой классовой борьбы и этапами закрепощения крестьянства.

ОБ АВТОРЕ.

А. А. Корнилов (1862—1925) происходил из традиционно флотского рода (дальний родственник героя Севастополя В. А. Корнилова). Учась в Петербургском университете, сблизился с В. И. Вернадским, братьями Ольденбургскими, князем Д. И. Шаховским, которые организовали в то время научно-литературное общество-«братство». Их объединило стремление принести как можно больше пользы Отечеству.

На формирование научных взглядов Корнилова заметное воздействие оказали и позитивизм, и народнический анархо-социализм, а отчасти и экономическая сторона учения Маркса. Сам же Александр Александрович, получив юридическое образование, мечтал всю жизнь о журналистской деятельности. Но после ссылки в 1901 году в Саратов — за протест против разгона демонстрации — основательно взялся за изучение российской истории. Его лекции пользовались огромным успехом, и еще не так давно студенты исторического факультета одного российского университета, бастуя против плохого преподавания, призывали вернуться к изучению истории по Корнилову.

АЛЕКСАНДР КОРНИЛОВ

Лекция I

Царствование Павла I.— Его место в истории.— Биографические данные.— Общий характер правительственной деятельности Павла.— Крестьянский вопрос при Павле.— Отношение Павла к другим сословиям.— Отношение общества к Павлу.— Положение финансов в царствование Павла и его внешняя политика.— Итоги царствования.

Павел I

На рубеже XVIII и XIX столетий лежит четырехлетнее царствование Павла.

Этот короткий период, находившийся до недавнего времени во многих отношениях под цензурным запретом, издавна подстрекал любопытство публики, как все таинственное и запретное. С другой стороны, историков, психологов, биографов, драматургов и романистов, естественно, привлекала к себе оригинальная личность венчанного психопата и та исключительная обстановка, в которой совершалась его драма, окончившаяся так трагически.

С той точки зрения, с которой мы рассматриваем исторические события, это царствование имеет, однако ж, второстепенное значение. Хотя оно лежит на рубеже XVIII и XIX веков и отделяет собой «век Екатерины» от «века Александра», оно ни в каком случае не может быть рассматриваемо как переходное. Наоборот, в том историческом процессе развития русского народа, который нас интересует, оно является каким-то внезапным вторжением, каким-то неожиданным шквалом, который налетел извне, все спутал, все переворотил временно вверх дном, но не мог надолго прервать или глубоко изменить естественный ход совершающегося процесса. Ввиду такого значения царствования Павла и Александру, как только он вступил на престол, не оставалось ничего другого, как зачеркнуть почти все сделанное его отцом и, залечив поскорее неглубокие, но болезненные поранения, нанесенные им государственному организму, повести дело с того места, на котором остановилась ослабевшая и заколебавшаяся под старость рука Екатерины.

Такой взгляд на это царствование отнюдь не мешает нам, разумеется, отдавать себе полный отчет в том глубоком влиянии, какое имели его ужасы лично на императора Александра и на окончательное сформирование его характера. Но об этом речь впереди. Мы не отрицаем также значения некоторых отдельных правительственных актов Павла и не отрицаем прискорбного влияния на Александра, а потом и на Николая, той придворно-военной плац-парадной системы, которая с тех пор установилась при русском дворе. Но эти обстоятельства не сообщают, конечно, правлению Павла значения переходной, соединительной между двумя смежными царствованиями эпохи...

Во всяком случае само царствование Павла интересно для нас не своими трагикомическими явлениями, а теми изменениями, которые в это время произошли все же в положении населения, и тем движением в умах, которое вызвал в обществе террор правительственной власти. Еще важнее для нас международные отношения, которые были обусловлены, с одной стороны, особенностями характера Павла, с другой — великими событиями, происходившими на западе.

Мы не будем поэтому заниматься здесь подробным изложением биографии Павла и отсылаем всех, интересующихся ею, к известному труду Шильдера, который занимался именно личной биографией Павла, и к другой, более краткой биографии, составленной в значительной мере по Шильдеру же г. Шумигорским. Собственно для наших целей достаточно будет следующих кратких биографических сведений.

Павел родился в 1754 году, за 8 лет до восшествия на престол Екатерины. Его детство протекало в совершенно ненормальных условиях: императрица Елизавета отобрала его у родителей, как только он родился, и занялась сама его воспитанием. В детстве он был окружен разными мамками и няньками, и все воспитание его носило тепличный, нездоровый характер. Вскоре к нему был приставлен, однако, человек, который сам по себе был выдающейся личностью,— именно граф Никита Иванович Панин. Панин был государственным человеком, с весьма широким умом, но он не был вдумчивым педагогом и недостаточно внимательно относился к этому своему делу.

Екатерина относилась к Панину недоверчиво, и ей было ясно, что он плохой педагог, но она боялась его устранить, так как, заняв престол не по праву, она опасалась тех слухов, которые ходили в известных кругах относительно того, что она хочет Павла устранить совершенно. Боясь дать повод к разрастанию этих слухов и зная, что общественное мнение таково, что Павел цел, пока он на попечении Панина, Екатерина не решалась устранить Панина, и он оставался воспитателем Павла и при ней. Павел вырос, но Екатерина не чувствовала к нему никакой близости, она была невысокого мнения о его умственных и душевных свойствах. К участию в государственных делах она его не допускала; она его отстраняла даже от дел военного управления, к которым он имел большую склонность.

Первый брак Павла был кратковременный и неудачный, причем жена его, умершая от родов, успела еще больше испортить и без того плохие отношения между Павлом и Екатериною. Когда Павел женился во второй раз на вюртембергской принцессе, получившей при переходе в православие имя Марии Феодоровны, Екатерина отдала молодой чете Гатчину и предоставила им вести в ней жизнь частных людей; но когда у них появились дети, она поступила по отношению к Павлу и его жене так же, как раньше поступила с ней самой Елизавета, то есть отбирала детей с самого появления их на свет и воспитывала их сама. Устранение Павла от государственных дел и непочтительное обращение с ним фаворитов императрицы, особенно Потемкина, постоянно подливало масла в огонь и возбуждало в Павле ненависть ко всему Екатерининому двору. Он тридцать лет нетерпеливо ждал, когда же наконец ему самому придется царствовать и распоряжаться по-своему.

Надо добавить, что в конце царствования Екатерины Павел стал даже опасаться, что Екатерина устранит его от престола; теперь известно, что такой план действительно был намечен и не осуществился, по-видимому, только потому, что Александр не желал или не решался вступить на престол помимо отца, и это обстоятельство затрудняло осуществление вполне уже созревших намерений Екатерины.

Когда Павел вступил на престол, тогда стала реализовываться накопившаяся в его душе ненависть ко всему тому, что делала его мать. Не имея ясного представления о действительных нуждах государства, Павел стал без разбора отменять все то, что сделала его мать, и с лихорадочной быстротой осуществлять свои полуфантастические планы, выработанные им в гатчинском уединении. По внешности в некоторых отношениях он возвращался к старому. Так, он восстановил почти все старые хозяйственные коллегии, но не дал им правильно разграниченной компетенции, а между тем старая их компетенция была совершенно разрушена учреждением казенных палат и других местных установлений. Он давно придумал особый план реорганизации всего центрального управления; но план этот сводился в сущности к упразднению всех государственных учреждений и к сосредоточению всей администрации непосредственно в руках самого государя и едва ли мог быть осуществлен на деле. Записка Павла об этом, найденная в 1826 г. в бумагах имп. Александра, напечатана в т. 90 Сбор. Рус. Ист. Общ., стр. 1—4.

В начале царствования Павла были, впрочем, приняты две серьезные правительственные меры, значение которых сохранилось и на будущее время. Первая из этих мер была закон о престолонаследии, который Павел выработал еще в бытность свою наследником и который был им опубликован 5 апреля 1797 года. Закон этот имел в виду устранить тот произвол в назначении наследника престола, который господствовал в России со времени Петра и благодаря которому произошло в XVIII веке столько дворцовых переворотов. Закон, изданный Павлом, действовавший с небольшими дополнениями до последнего времени, внес действительно строгий порядок в наследование императорского престола в России преимущественно по мужской линии. В связи с этим было издано подробное положение об императорской фамилии, причем в видах материального обеспечения ее членов образовано было особое хозяйственное учреждение под названием «уделов», в ведение которого перечислены были те дворцовые крестьяне, которые и ранее эксплуатировались для нужд императорского двора и к которым причислены были теперь и отдельные имения, принадлежащие членам царской фамилии. Все эти крестьяне получили наименование «удельных», и для управления ими созданы были особые учреждения и особые правила, благодаря которым впоследствии положение их оказалось более удовлетворительным, нежели положение обыкновенных крепостных и даже казенных крестьян, которыми заведовала бессовестно эксплуатировавшая их земская полиция.

Особенно настойчиво стремился Павел уничтожить все те права и привилегии, которые были дарованы Екатериной отдельным сословиям. Так, он отменил жалованные грамоты городам и дворянству и не только уничтожил право дворянских обществ подавать петиции о своих нуждах, но даже отменил освобождение дворян от телесного наказания по суду*.

Существует взгляд, что Павел, относясь совершенно отрицательно к привилегиям высших сословий, относился сочувственно к народу и даже будто бы стремился освободить народ от произвола помещиков и угнетателей.

Может быть, кое-какие добрые намерения у него и были, но едва ли можно приписать ему в этом отношении какую-нибудь серьезно продуманную систему. Обычно, в виде доказательства правильности такого взгляда на Павла, указывают на манифест 5 апреля 1797 года, установивший воскресный отдых и трехдневную барщину, но при этом манифест этот не совсем точно передается. Категорически им запрещалась лишь праздничная работа на помещика, а затем, уже в виде сентенции, говорилось, что достаточно и трех дней барщины для поддержания помещичьего хозяйства. Самая форма выражения этого пожелания, при отсутствии всякой санкции, указывает на то, что это в сущности не был определенный закон, устанавливающий трехдневную барщину, хотя впоследствии он так толковался. С другой стороны, надо сказать, что, например, в Малороссии трехдневная барщина не была бы и выгодна для крестьян, так как там по обычаю практиковалась двухдневная барщина. Другой закон, изданный Павлом по инициативе канцлера Безбородка в пользу крестьян, о запрещении продажи крепостных без земли, распространялся только на Малороссию.

Крайне характерно то положение, которое занял Павел по отношению к крестьянским волнениям и жалобам крепостных крестьян на притеснения помещиков. В начале царствования Павла волнения крестьян вспыхнули в 32 губерниях. Павел посылал для их усмирения целые большие отряды с генерал-фельдмаршалом кн. Репниным во главе. Репнин очень быстро усмирил крестьян, приняв чрезвычайно крутые меры. При усмирении в Орловской губернии 12 тыс. крестьян помещиков Апраксина и кн. Голицына произошло целое сражение, причем из крестьян было 20 человек убитых и до 70 раненых. Репнин велел зарыть убитых крестьян за оградой кладбища, а на коле, поставленном над их общей могилой, написать: «Тут лежат преступники перед Богом, государем и помещиком, справедливо наказанные по закону Божию». Дома этих крестьян были разрушены и сравнены с землей. Павел не только одобрил все эти действия, но и издал особый манифест 29 янв. 1797 года, которым под угрозой подобных мер предписывалось безропотное повиновение крепостных крестьян помещикам.

В другом случае Павлу попробовали пожаловаться дворовые люди некоторых проживавших в Петербурге помещиков на претерпеваемые от них жестокости и притеснения. Павел, не расследуя дела, велел отправить жалобщиков на площадь и наказать их кнутом «столько, сколько похотят сами их помещики».

Вообще Павел едва ли повинен в стремлении серьезно улучшить положение помещичьих крестьян. На помещиков он смотрел как на даровых полицмейстеров — он считал, что пока в России есть 100 тысяч этих полицмейстеров, спокойствие государства гарантировано, и не прочь был даже посильно увеличить это число.

* Здесь следует, впрочем, упомянуть, что в числе отмен принятых Екатериною мер были и добрые дела. Сюда относятся: освобождение Новикова из Шлиссельбурга, возвращение Радищева из ссылки в Илимск и торжественное освобождение из плена с особыми почестями Костюшки и других содержащихся в Петербурге пленных поляков.

широкою рукою раздавая частным лнцам казенных крестьян: за 4 года он успел такнм образом раздать 530 тысяч душ обоего пола казенных крестьян различным помещикам и чиновникам, серьезно утверждая, что он оказывает этим крестьянам благодеяние, так как положение крестьяи прн казенном управленни, по его мненню, было хуже, чем прн помещичьем, с чем, конечно, нельзя было согласиться. О значении прнведеиной цифры розданных в частные руки казениых крестьян можно суднть по тем данным, которые выше приведены о численностн крестьян разных категорий; но еще сильнее поражает эта цифра, если мы вспомним, что Екатерина, которая охотно награждала своих фаворитов и других лнц крестьянамн, все же за все 34 года своего царствования успела раздать ие более 800.000 душ обоего пола, а Павел за 4 года роздал 530.000*.

К этому следует прибавнть, что в самом начале царствования Павла был издаи еще один акт, направленный против свободы крестьян: указом 12 декабря 1796 года был окончательно прекращеи переход крестьяи, поселившихся иа частных землях среди казачьих земель в Донской области в губерниях: екатеринославскон, вознесенской, кавказской и таврической.

Из остальных сословий более других нмело основание быть довольным Павлом духовенство, к которому Павел благоволил нли по крайней мере хотел благоволить. Будучи человеком релнгиозным н счнтая себя к тому же главой православнон церкви, Павел заботился о положении духовенства, но н тут результаты получались иногда странные. Эти его заботы носили подчас двусмысленный характер, так что один из его прежних наставников, его законоучитель — а в это время уже московский митрополнт — Платон, к которому Павел в юности, да н потом, после своего вступлення на престол, относился с большим уважением, оказался в чнсле протестующих против некоторых мер, которые Павел предпринял. Протест, с которым Платону пришлось выступать, касался между прочим странного нововведения — награждення духовных лиц орденами. Платону основательно казалось, что с каноннческой точки зрення совершенно недопустнмо, чтобы гражданские власти награждали служителей церкви, не говоря уже о том, что вообще ношенне орденов вовсе не соответствует значению священнического, а тем более священномонашеского сана. Мнтрополнт на коленях просил, чтобы Павел не награждал его орденом Андрея Первозванного, но в конце концов должен был его принять. Само по себе это обстоятельство как будто бы не особенно важно, но оно характерно именно для отношения Павла к тому сословию, которое ои наиболее чтил.

Гораздо важнее в положительном смысле отношение Павла к духовным учебным заведениям. Он сделая для них довольно много — ассигновал на них значительную сумму денег нз доходов от именин, прннадлежавших прежде архиерейскнм домам и монастырям и конфискованных Екатериной.

Прн нем были виовь открыты две духовные академии — в Петербурге и Казани — и 8 семинарни, причем как вновь открытые, так н прежние учебные заведения были обеспечены штатными суммами: академии стали получать от 10 до 12 тысяч рублей в год, а семинарии в среднем от 3 до 4 тысяч, то есть почти вдвое более против того, что отпускалось на них при Екатерине.

Здесь следует еще отметить благоприятное отношение Павла к духовенству инославному, двже не христианскому, в особенности же его благосклонное отношение к духовенству католическому. Это объясняется, может быть, его нскренней религиозностью вообще н высоким понятием о пастырских обязанностях; что же касается собственно католнческого духовенства, то тут нмело еще большое значение его отношенне к Мальтийскому духовному рыцарскому ордену. Павел ие только принял на себя верховное покровительство этому ордену, но даже разрешил в Петербурге образовать особое его приорство. Это обстоятельство, объясиявшееся страннымн фантазиями Павла, привело потом, как увидим, к весьма важным последствиям в области международных отношений.

Другим важным фактом в сфере церковной жизнн прн Павле было его довольно миролюбивое отношенне к раскольннкам. В этом одном отношенни Павел продолжал полнтику Екатерины, следы царствоваиия которой с такой энергией старался уничтожить всеми остальиымн своими мероприятиями. По ходатайству митрополита Платона, он согласился принять довольно важную меру — именно разрешил старообрядцам публичное отправление богослужения в так называемых единоверческих церквах, благодаря чему открылась впервые серьезная возможность примирення наиболее мирных групп старообрядчества с православною церковью.

Что касается отношения Павла к светскому просвещению, то деятельность его в этом направлении была ярко реакционной и, можно сказать, прямо разрушительною. Еще в коице царствования Екатерины были закрыты частные типографии, и тогда уже нздание книг чрезвычайно сократилось. При Павле же число нздаваемых книг свелось, особенно в последние два года его царствования, к совершенно ничтожному колнчеству, причем н самый характер книг тоже сильно изменнлся — стали издаваться почти исключительно учебиики н книги практического содержания. Ввоз книг, изданных за границей, был в конце царствования запрещен совершенно; с 1800 года все печатавшееся за границей, иезависнмо от содержания, даже музыкальные ноты, в Россию доступа не нмело. Еще раньше, в самом начале царствования, был запрещен свободный въезд иностранцев в Россию.

Еще важнее была другая мера — именно вызов в Россию всех учившихся за границей молодых людей, которых оказалось в Вене 65 человек, в Лейпциге — 36, н запрещение молодежи выезжать с образовательными целями в чужие края, взамен чего предложено было открыть университет в Дерпте.

Из ненавнсти к революцнонным идеям и к лнберализму вообще Павел с настойчивостью маньяка преследовал всякие внешние проявления лнберализма. Отсюда война против круглых шляп и сапогов с отворотамн, которые иоснлись во Франции, против фраков н трехцветиых лент. Вполне мирные лица подвергалнсь самым серьезиым взысканиям, чиновннки прогонялнсь со службы, частные лица подвергались аресту, многие — высылке нз столицы н даже иногда в места более или менее отдаленные. Такие же взыскаиия налагалнсь за нарушение того странного этикета, соблюдение которого было обязательно прн встречах с нмператором. Благодаря этому этикету встреча с государем считалась несчастьем, которого всячески старались избежать: завидя государя, подданные спешили укрыться за ворота, заборы н т. п.

Прн таких обстоятельствах сосланные, заключенные н тюрьму н крепости и вообще потерпевшие прн Павле за совершенные пустяки счнтались тысячами, так что, когда Александр, по вступлении на престол, реабилитировал таких лиц, их оказалось по одиим сведениям 15 тысяч, по другим — более 12 тысяч человек.

Особенно тяжело гнет павловского царствования отразился на армин, начиная с солдат и кончая офицерами н генералами. Бесконечная муштра, суровые наказания за малейшие погрешностн во фронте, бессмысленные прнемы обучения, самая неудобная одежда, крайне стеснительная для простого человека, особенно при маршировке, которая должна была тогда доводиться чуть ли не до балетного искусства; наконец, обязательное ношение буклей н кос, смазывавшихся салом и посыпавшихся мукой или кирпичным порошком,— все это усложняло трудность н без того тяжелой солдатской службы, продолжавшейся тогда 25 лет.

Офнцерам и генералам приходилось ежечасно дрожать за свою судьбу, так как малейшая ненсправность кого-лнбо из подчиненных могла повлечь за собою самые жестокие последствия и для них, еслн император был не в духе.

Таковы были проявления правительственного гнетв, который развился при Павле до высших пределов. Интересен отзыв о Павле, сделанный спустя 10 лет после его смерти строгим консерватором н убежденным сторонником самодержавня Н. М. Карамзиным в его «Записке о древней и новой Россин», представленной Александру I в 1811 году в виде возражения на те либеральные реформы, которые Александр тогда замыслил. Являясь антагонистом либерального императора, Карамзин одиако так охарактернзовал царствование его предшественника: *«Павел вошел на престол в то благоприятное для самодержавия время, когда ужасы французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства; но что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления онаго. По жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных претерпенных им неудовольствий он хотел быть Иоанном IV; но россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен выполнять свои святые обязанности, коих нарушение уничтожает древние заветы власти с повиновением и низвергает народ с степени гражданственности в хаос частного естественного права. Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества; к неизъяснимому удивлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуги, отнял стыд у казни, у награды — прелесть, унизил чины и ленты расточительностью в оных; лекомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери; умертвил в полках наших благородный дух воинский, воспитанный Екатериной, и заменил его духом капральства. Героев, приученных к победам, учил маршировать, отвратил дворян от воинской службы; презирая душу, уважал шляпы и воротники; имея, как человек, природную склонность к благотворению, питался желчью зла: ежедневно вымышлял способы устрашать людей и сам всех более страшился; думал соорудить себе неприступный дворец — и соорудил гробницу... Заметим —* прибавляет Карамзин — *черту, любопытную для наблюдателя: в сие царствование ужаса, по мнению иноземцев, россияне даже боялись и мыслить; нет! говорили и смело, умолкали единственно от скуки и частого повторения, верили друг другу и не обманывались. Какой-то дух искреннего братства господствовал в столицах; общее бедствие сближало сердца и великодушное остервенение против злоупотребления власти заглушало голос личной осторожности»*. Аналогичные отзывы имеются в записках Вигеля и Греча, тоже людей консервативного лагеря...

Следует, однако же, сказать, что это «великодушное остервенение» отнюдь не переходнло в действие. Общество даже не пыталось выразнть свое отношение к Павлу квким-либо общественным протестом. Оно ненавндело молча, но, коиечно, именно это настроение дало немиогочисленным деятелям переворота 11 марта 1801 года смелость внезапно устраннть Павла.

Хозяйственное положение страны ие могло слишком сильно изменнться прн Павле, ввиду краткости его царствования; финансовое же положение России при нем иаходилось в сильнон зависимости от его внешней политикн н тех причудливых изменений, которые в ней пронсходили. Павел нвчал с того, что заключил мир с Персией и отменил рекрутский набор, назначенный при Екатерине; отказался от посылки 40 т. армин против французской республикн, на что Екатерина согласилась в 1795 году благодаря настояниям английского посла Витворта, и вытребовал назад русскне кораблн, посланные на помощь англнйскому флоту. Затем было положено нвчало погашению ассигнационного долга. Правительство решилось на изъятие частн выпущенных на рынок асснгнаций; состоялось торжественное сожжение в присутствии самого Павла ассигнаций на сумму 6 млн. руб. Такнм образом, общее количество выпущенных ассигнаций умеиьшилось с 157 млн. руб. до 151 млн. руб., т. е. менее чем на 4%, но в этой областн, конечно, всякое, даже небольшое, уменьшение имеет значение, нбо свидетельствует о намереннн правительства рвсплачнваться с долгами, а не увеличнвать их. В то же время приняты были меры к установленню прочного курса серебряной монеты; был уствновлен постоянный вес серебряного рубля, который был прнзнан равным весу четырех серебряных франков. Затем важное значение нмело восстановленне сравнительно свободного таможенного тарифа 1782 года. При этом Павел руководствовался, одиако же, не сочувствием к свободной торговле, а поступал так из желания уничтожнть изданный Екатериной тарнф 1793 года.

Введение иового тарифа должно было послужить к развитию торговых сношеиий. Для крупной промышленности имело большее значение открытие каменного угля в донецком бассейне. Это открытие, сделанное на юге России, в стране, бедной лесом, немедленно отразнлось на состоянни промышленности в новороссииском крае. Важное значение для развития внутренних торговых сношений и для подвоза иекоторых продуктов к портам нмело прорытие прн Павле новых каиалов, отчастн начатых при Екатернне. В 1797 году начат и еще при Павле окончен Огинский квнал, соединивший бассейн Днестра с Неманом; прорыт Сиверсом канал, для обходв острова Ильменя; нвчат один из приладожских Сясский каиал и продолжались работы по сооруженню Мариинского канала.

Но улучшенне экономического положения страны продолжалось не долго, и государственным финансам скоро пришлось испытывать новые колебания. В 1798 году мирное течение дел неожидаино прекратилось. Как раз в это время Наполеои Бонапарт отправился в свой поход в Египет и мимоходом захватил в Среднземном море остров Мальту. Мальта, принадлежавшая Мальтийскому ордену, имела неприступиую крепость, ио гроссмейстер ордена по неизвестным побуждениям (подозревалась нзмеиа) сдал крепость без боя, забрал архив ордена и драгоценностн н удалился в Венецию. Петербургское прнорство, состоявшее под покровительством Павла, объявило гроссмейстера низложенным, а через некоторое время, ко всеобщему удивлению, Павел, считавшни себя глввой православной церкви, принял лично на себя гроссмейстерство в этом католическом ордене, подчиненном папе. Сохранилось предаиие, что этот странный шаг в уме Павла соединялся с фантастнческим предпрнятием — с повсеместным уннчтожением революции в корне путем объединения всех дворяи всех стран света в Мальтийском ордене. Так ли это было — трудно решить; но, конечно, идея эта осуществления не получила.

Объявив войну Франции и не желая выступать единоличию, Павел помог английскому министру Питу со-

* Положение квзенных крестьян Павел действительно стремился урегулировать и улучшить, ио все относящиеся к этому предположения оставались, в сущности, лишь на бумаге вплоть до образования при имп. Николае министерства государственных имуществ с гр. Киселевым во глвве.

здать довольно сильную коалицию против Франции. Он вступил в союз с Австрией и Англией, которые находились тогда с Францией во враждебных или натянутых отношениях, затем привлечены были к коалиции королевство Сардинское и даже Турция, потерпевшая от вторжения Наполеона в Египет и Сирию. Союз с Турцией был заключен на очень выгодных для России условиях и при последовательной политике мог бы иметь большое значение. Ввиду того что французскими войсками заняты были разные турецкие земли (между прочим Ионические острова), решено было изгнать французов оттуда соединенными силами, и для этого Порта согласилась пропустить и на будущее время пропускать через Константинопольский и Дарданельский проливы не только русские торговые суда, но и военные корабли, беря на себя в то же время обязательство не пропускать иностранных военных судов в Черное море. Сила этого договора должна была продолжаться 8 лет, после чего он мог быть возобновлен по взаимному соглашению договаривающихся сторон. Русский флот тотчас же воспользовался этим правом и, проведя через проливы значительный десант на военных судах, занял Ионические острова, которые после того находились под властью русских до Тильзитского мира (то есть до 1807 г.).

На континенте Европы предстояло действовать против французских армий в союзе с австрийцами и англичанами. Павел, следуя совету австрийского императора, назначил Суворова начальствовать над соединенными армиями России и Австрии. Суворов в это время был в опале и жил в своем имении, под надзором полиции; он относился отрицательно к военным нововведениям Павла и умел дать ему это почувствовать под маской шуток и дурачеств, за что и поплатился опалой и ссылкой.

Теперь Павел обратился к Суворову от своего имени и от имени австрийского императора. Суворов с радостью принял начальствование над армией. Этот поход его ознаменовался блестящими победами в северной Италии над французскими войсками и знаменитым переходом через Альпы.

Но когда северная Италия была очищена от французов, Австрия решила, что с нее этого довольно, и отказалась оказывать поддержку Суворову в дальнейших его планах. Таким образом, Суворов не мог осуществить своего намерения вторгнуться во Францию и идти на Париж. Эта «австрийская измена» привела к поражению русского отряда генерала Римского-Корсакова французами. Павел пришел в крайнее негодование, отозвал армию, и, таким образом, война России с Францией фактически здесь прекратилась. Русский корпус, посланный против французов в Голландию, не был достаточно подкреплен англичанами, которые не выплачивали своевременно и денежных субсидий, к чему обязаны были договором, что также вызывало негодование Павла, который отозвал свои войска и с этого пункта.

Между тем Наполеон Бонапарт возвратился из Египта, чтобы совершить свой первый государственный переворот: 18 брюмера он сверг законное правительство директории и сделался первым консулом, в сущности фактическим государем во Франции. Павел, видя, что дело идет, таким образом, к восстановлению монархической власти, хотя и со стороны «узурпатора», переменил свое отношение к Франции, ожидая, что Наполеон разделается с остатками революции. Наполеон же, с своей стороны, ловко ему угодил, отправив без размена всех русских пленных на родину на французский счет и снабдив их подарками. Это тронуло рыцарское сердце Павла, и, надеясь на то, что Наполеон окажется его единомышленником и во всех прочих вопросах, Павел вступил с ним в переговоры о мире и о союзе против Англии, которой Павел приписывал неудачу своих войск в Голландии. Наполеону было тем легче восстановить его против Англии, что в это время англичане отобрали Мальту у французов, но не вернули ее ордену.

Немедленно, игнорируя всякие международные трактаты, Павел наложил эмбарго (арест) на все английские торговые суда, ввел резкие изменения в таможенном тарифе и в конце концов совершенно запретил вывоз и ввоз товаров в Россию не только из Англии, но и из Пруссии, так как Пруссия находилась в сношениях с Англией. Этими мерами, направленными против англичан, Павел произвел потрясение во всей русской торговле. Он не ограничился при этом таможенными стеснениями, но приказал даже в лавках арестовывать все английские товары, чего никогда не делалось в подобных обстоятельствах. Подзадориваемый Наполеоном и не довольствуясь этим рядом враждебных действий против Англии, Павел решил, наконец, уязвить ее в самое больное место: он решил завоевать Индию, полагая, что сделает это легко, отправив туда одних казаков.

И вот по его приказу 40 полков донских казаков внезапно отправляются на завоевание Индии, взяв с собой двойной комплект лошадей, но без фуража, зимой, без верных карт, через непроходимые степи. Разумеется, это войско было обречено на погибель. Бессмыслие этого акта настолько было очевидно для современников Павла, что княгиня Ливень, жена приближенного генерал-адъютанта Павла, в своих мемуарах утверждает даже, что эта затея была предпринята Павлом с целью намеренного уничтожения казачьего войска, в котором он заподозрил вольнолюбивый дух. Это предположение, конечно, неверно, но оно показывает, какие мысли могли приписываться Павлу его приближенными. К счастью, этот поход начался за два месяца до устранения Павла, и Александр, едва вступив на престол, уже в самую ночь переворота поспешил послать фельдъегеря, чтобы вернуть злополучных казаков; оказалось, что казаки не успели еще дойти до русской границы, но успели уже потерять значительную часть своих лошадей...

Факт этот особенно ярко рисует безумие Павла и те страшные последствия, какие могли иметь те меры, которые он предпринимал. На состоянии финансов все эти походы и войны последних двух лет царствования Павла, разумеется, отразились самым пагубным образом. В начале своего царствования Павел сжег, как мы видели, на 6 миллионов ассигнаций, но война потребовала экстренных расходов. И Павлу пришлось опять прибегнуть к выпуску ассигнаций, так как иных средств для ведения войны не было. Таким образом, к концу его царствования общая сумма выпущенных ассигнаций с 151 млн. поднялась до 212 млн. руб., что окончательно уронило курс бумажного рубля.

Подводя теперь итоги правлению Павла, мы видим, что границы государственной территории остались при нем в прежнем виде. Правда, грузинский царь, теснимый Персией, в январе 1801 года заявил о своем желании перейти в подданство России, но окончательное присоединение Грузии состоялось уже при Александре.

Что касается положения населения, то, как ни вредны были многие из предпринятых Павлом мер, за 4 года глубоких изменений они произвести не могли. Самым печальным изменением в положении крестьян было, конечно, перечисление из состава казенных крестьян в состав крепостных тех 530 тысяч душ, которых Павел успел раздать частным лицам.

Что же касается торговли и промышленности, то, несмотря на целый ряд благоприятных условий в начале царствования, к концу его заграничная торговля была совершенно погублена, внутренняя же находилась в самом хаотическом состоянии. Еще больший хаос получился в состоянии высшего и губернского управления.

В таком положении было государство, когда Павел перестал существовать.

ВЕЗДЕ ЧУЖОЙ...

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Автор публикуемых писем родился в Царском Селе, жил в Петербурге на Екатерингофском проспекте и Широкой улице, учился в Николаевском кадетском корпусе на Офицерской и в Константиновском артиллерийском училище на Забалканском проспекте. А окончил он свою жизнь в далеком Нью-Йорке.

Двухмиллионная русская эмиграция первой волны... Когда я слышу о толпах советских туристов, с гиком штурмующих дешевые магазинчики европейских столиц, о диких нравах на Брайтон-Бич — в этой нью-йоркской Одессе, о разного пошиба «интердевочках» и «интермальчиках», пуще всего мечтающих о роскошной жизни за кордоном,— не могу не вспомнить о тех, кто волею судеб, в результате братоубийственной рубки революции и гражданской войны, был вынужден расстаться с Отчизной. Я думаю о тех, кто навсегда сохранил Россию в сердце, не изменил себе и утверждал повсеместно доброе имя нашего соотечественника.

Судьба Эраста Николаевича Гиацинтова (1894—1975) во многом типична для людей его поколения и круга. Кадетский корпус, военное училище, производство в офицеры в 1914 году, фронт первой мировой, шесть боевых орденов, два досрочных повышения в чине за отличие. «В бою инициативен, прекрасно ориентируется, не уклоняется от опасности... Безукоризненно честен и правдив, хорошо воспитан, хороший товарищ»,— отмечалось в служебной аттестации. Затем — гражданская война, служба в Добровольческой армии, крымская эвакуация, двухлетнее пребывание во Французском иностранном легионе на Ближнем Востоке. Позднее Гиацинтов с отличием окончил Русский университет в Праге, долго работал во Франции, в годы второй мировой чудом избежал гитлеровского концлагеря за активное противодействие воинствующему русофобству нацистов. После войны поселился в Америке. Оттуда и отправлены в Россию искренние и горькие письма, обращенные к самому близкому человеку на Родине — Софье Владимировне Гиацинтовой (1895—1982), народной артистке СССР. Она приходилась Эрасту Николаевичу двоюродной сестрой. В сентябре 1917 года они обвенчались. Брак не был ни долгим, ни счастливым, но оба до конца дней испытывали друг к другу самые добрые и нежные чувства.

Письма сохранились в личном архиве племянника Гиацинтовой И. М. Родионова, с согласия которого публикуются в отрывках.

8 января 1964 года

...Ты пишешь, что нас разделяют океаны. Я думаю, что мы живем в разных мирах. Ты не ближе от меня, чем если бы жила на Венере или на Марсе. Все это сделала человеческая подлость. Я хочу сказать Тебе, что я ни в чем не изменился. Мои убеждения остались теми же. И если бы даже я знал, что все окончится крахом, я бы все-таки пошел туда, куда меня звала моя совесть и слово, которое я дал Тому, Кого и сейчас почитаю больше всех людей...

13 апреля 1964 года

Я очень часто представляю себе, что Ты делаешь в данное время, с поправкой на часы. Ложился спать в 12 ночи, значит, у Тебя 8 часов утра, т. е. время, когда просыпается город. Вспомнился Петербург, весна. Уже нет вторых рам, и через окно слышен грохот колес. Едут ломовые извозчики. Это ведь тоже ушло навсегда в прошлое. Теперь их нет: их заменили вонючие trucki. Я очень жалею, что родился во время «эпохи». Было бы много лучше родиться в обыкновенное время. Правда, всегда в истории человечества происходили какие-то события, но не слишком ли много их выпало на нашу долю?..

22 сентября 1964 года

...Я знаю, что жизнь поставила перед нами такие альтернативы, которые не снились нашим предкам. Я сейчас большую часть дня провожу дома и занялся перечитыванием русских писателей. Боже мой, как странно читать о прежней жизни. Во-первых, они не ели, а жрали. Страшно представить себе, куда это все лезло. Во-вторых, они все были необычайно чувствительны и слезливы. Чуть что, молодой человек или даже средних лет мужчина разражается «глухими рыданиями», а женский пол непрерывно падает в обморок и лежит без чувств. «Несчастные» ссыльные ходят на охоту и держат прислугу за 8 рублей в месяц. Читаешь и не веришь, возможно ли все это было на яву. А ведь если сравнить их «страсти-мордасти» с тем, что выпало на нашу долю, то все это не стоит выеденного яйца...

От Твоих писем веет Русью, которую мы никогда не забываем и, вероятно, более ценим, чем Вы, живущие в ней. Но повторяю еще раз, что то, что я сделал много лет тому назад, я бы повторил, даже зная печальные последствия... Мои внуки прекрасно говорят по-русски, и вообще в нашем доме никогда не было никакого другого языка кроме русского. Старшие сыновья прекрасно владеют русским, французским, немецким и английским языками...

23 сентября 1964 года

...Ты вспомнила о голубой ленточке, которую мы носили на наших кушаках. Глупо, бессмысленно, но так молодо и хорошо. Мне все время вспоминается сегодня одна бессмысленная кадетская песня, которую я Тебе никогда не пел ввиду ее скабрезности. Сейчас, принимая во внимание наш возраст и то, что Ты была моей женой, привожу ее текст.

В «курилке», т. е. уборной, какой-нибудь семиклассник, «корнет», вдруг взывал: «Кто виноват?» И мы, «звери», отвечали: «Паулина! Дзым бум!». Потом пели: «Паулина вер эйн дамэ, эйн двмэ, эйн дамэ, эйн зэр пиканте дамэ, эйн дамэ цум плезир. Да как эйн эскадронэ (от слова

эскадрон, т. е. юнкер), скадронэ, скадронэ и снял сй пантолоны, пантолоны цум плэзир. Дзым бум».

Можно ли найти в этой бессмыслице какой-нибудь смысл? Конечно, нет, также и искать смысл в голубой подкладке кушака. Но это было, и мне это мило. Из всей этой ерунды вышли люди, которые за свои идеалы сложили головы. Не забудь, что 50% моих товарищей погибли в первые месяцы войны, а о судьбе остальных Ты тоже хорошо знаешь. Все это было и, конечно, никогда не вернется и вернуться не может. Читая книги, вижу так много фальши как с одной, так и с другой стороны. Нас или изображают как каких-то извергов, или как святых. Все это чушь. Мы никогда не были ни теми, ни другими...

28 ноября 1964 года

...Как жалко, что мы переживаем эпохи. Лучше было бы жить в условиях нормальной жизни. Это, конечно, никак от нас не зависит... Во Франции я работал химиком и в 1935 году, перед рождением Коли, потерял глаз. Мне попала в глаз едкая жидкость, едкий натрий, под давлением в 5 атмосфер. Лопнула трубка, и меня буквально залило этой жидкостью. Весь я был обожжен, но больше всего пострадал глаз, куда попала эта струя. Я очень мучился, и через 12 дней мне вырезали уже ослепший глаз. Только через два месяца я оправился от ожогов и снова начал работать. Потом началась война, и я поехал в Германию. Там мы встретились с людьми «оттуда», и я и моя жена делали все, что было в наших силах, чтобы облегчить их участь. Из-за этого и из-за нашей непримиримости к тогдашней точке зрения немцев к нашим соотечественникам нам пришлось очень плохо. Но, как видишь, все окончилось сравнительно благополучно, и мы в конце концов добрались сюда. У нас было очень много друзей из нашей страны, и они после окончания войны спасли нас от голода. Никогда этих людей я не забуду. Что с ними случилось после увоза из Европы, я не знаю, вспоминаю их с нежностью и любовью. Во Франции, до войны, мы жили вполне хорошо. Я, как иностранец, т. к. никакого подданства я не принимал, работал и числился на вторых ролях; очевидно, мне не доверяли. То же самое было и в Германии, где моя репутация в связи с близостью с соотечественниками была на очень низком уровне. Сейчас все то же самое. Я везде чужой, их не понимаю и не могу к ним приспособиться. Я изгой, и с этим ничего не поделаешь...

9 марта 1965 года

По-ученому мое состояние называется тоска. Тоска обо всем... О бесцельно проведенной жизни, которой, конечно, скоро придет конец и тогда, наверное, наступит полное облегчение...

12 июня 1965 года

...Очень рад, что ничего не случилось и я могу снова написать Тебе. Ты сама знаешь, что мы живем в «эпохе», где все человеческие отношения считаются ни во что. От этого и мои страхи, чтобы не повредить Тебе своими письмами. Всякие приходят мысли. Ведь я хуже прокаженного, и поэтому даже и письменная связь со мной, может быть, будет объяснена как связь предосудительная и может навлечь на Тебя неприятные последствия. Рад, что это не так, и вот опять пишу Тебе. Рад тому, что Ты меня не забыла и что Вы с Люсей (родная сестра С. В. Гиацинтовой.— **В. Б.**) вспоминаете меня. Это правда, что нас судьба безжалостно раскидала в разные стороны... Отвечаю на вопрос. Моя жена преподает американцам

в университете русский язык и по возможности говорит им правду о Русской истории, которая здесь, и вообще на Западе, искажена до невероятия. Мне в Германии только благодаря очень хорошему влиятельному человеку за это самое чудом удалось избежать концентрационного лагеря, т. е. верной гибели. Никогда в своей жизни ни во Франции, ни в Германии, ни здесь я не уронил своего Русского достоинства и поэтому очень мало преуспел материально. В этом я чист...

8 октября 1965 года

Говорят, что долголетие — это благословение. Мы с Тобой прожили уже довольно долго, и я думаю, что долголетие несет с собой много тяжелого. Приходится провожать в другой мир близких и дорогих людей. Мы с Тобой остались вдвоем, почти, от всей нашей веселой и когда-то беззаботной семьи. И мы с Тобой разделены навеки множеством непреодолимых преград и препятствий. И никакая сила не может их устранить. Вчера же исполнилось ровно 51 год, как я принял в первый раз участие в первом для меня значительном бою. И сколько их последовало за этим — не сосчитаешь. Странно представить себе, что были мужчины, приблизительно моего возраста, которые, что называется, не нюхали пороху. Скольких друзей и знакомых я пережил на много-много лет. А ведь чего только не было. Но как-то всегда выносило. А для чего? Не знаю...

6 декабря 1970 года

...Зоя Сергеевна (жена Э. Н. Гиацинтова.— **В. Б.**) умерла 12 октября, 14-го мы ее похоронили на монастырском кладбище, где и я купил себе место... Я держался до 40-го дня, а в конце концов в конце ноября заболел сам. Очевидно, нервы все-таки не стальные, и напали на самое слабое место... Еще в полном сознании она мне сказала: «Знаешь, мы жили вместе 44 года, и за все это время ты ни разу даже голоса на меня не возвысил»...

8 января 1974 года

...Вот у меня новое несчастье, что-то случилось с правой рукой — не могу писать нормально. Как хорошо, что Ты меня не видишь. Пусть я в Твоей памяти останусь, каким я был в Праге,— сильным, здоровым и бодрым, а сейчас я полутруп. Хорошо, что у меня такие сыновья... Прости, что так мало пишу. Не могу, рука не слушается...

2 августа 1974 года

...Я последнее письмо писал Тебе, будучи в очень мрачном настроении. У меня уже давно плохо действует левая рука, и вдруг я почувствовал, что что-то случилось с правой, перестали слушаться пальцы правой. А тут еще заболел мой единственный (глаз.— **В. Б.**). Я могу читать совершенно свободно и могу сказать, что это мое единственное занятие. Милая Софочка, я принужден окончить письмо, т. к. устала рука. Она еще не совсем моя... Пишу Тебе только, чтобы подать о себе весть...

1975 годи

Дорогая София Владимировна!

Я должен Вам сообщить печальную новость: Наш Папа умер в 1:30 утра 18-го января в больнице, после продолжительной болезни... Похоронили мы его около Мамы на Русском кладбище в ardanvill в штате Нью-Йорк...

Ваш Николай Эрастович Г.[иацинтов]

Публикация и предисловие
ВИКТОРА БОРТНЕВСКОГО
(Ленинград)

КИРИЛЛ ХЕНКИН

АРЕСТ В ИЮНЬСКУЮ НОЧЬ

СОВЕТСКОГО РАЗВЕДЧИКА, КОТОРОГО АРЕСТОВАЛИ И ОСУДИЛИ В 1957 ГОДУ В США ПОД ИМЕНЕМ АБЕЛЯ, ЗВАЛИ ВИЛЬЯМ ФИШЕР

Кирилл Хенкин родился 24 февраля 1916 года в Петрограде. В семье актера и певца Виктора Яковлевича Хенкина и дочери генерал-лейтенанта царской армии Елизаветы Алексеевны Нелидовой. Знаменитый комик Владимир Хенкин — его родной дядя. В 1923 году семья выехала на Запад. К. Хенкин окончил Парижский университет по специальности «сравнительное литературоведение». В 1937—1938 годах воевал в Испании на стороне республиканцев. После возвращения семьи в СССР (1941) он служил в Отдельной мотострелковой бригаде НКВД СССР. В 1945—1965 годах работал во французской редакции Всесоюзного радио, а затем — в редакции журнала «Проблемы мира и социализма». Эмигрант с 1973 года. С середины 70-х годов работает политическим обозревателем радио «Свобода».

Дорогой Кирилл!
Поздравляю вас и вашу жену с Новым Годом, желаю счастья, здоровья, успехов, благополучия и исполнения всех желаний.
Фишер

Новогодняя открытка с рисунком Р. Абеля (В. Фишера)

«ОХОТНИК ВВЕРХ НОГАМИ»

Около десяти часов вечера 20 июня 1957 года в окне студии номер 505 на верхнем этаже дома номер 252 по Фултон-стрит в Бруклине зажегся свет. Под свисающей с потолка единственной лампой стоял человек средних лет в очках с обрамленной седыми волосами большой лысиной.

Дежуривший на двенадцатом этаже дома напротив агент наружного наблюдения ФБР Нейль Хейнер, не отрывая глаз от окуляров бинокля, следил за каждым движением незнакомца.

А когда незнакомец надел шляпу, темную соломенную шляпу с белой лентой, и погасил свет, агент Хейнер сообщил по радио своим коллегам на улице, что «объект» сейчас выйдет из подъезда. И указал примету: черная соломенная шляпа с белой лентой.

За вышедшим на улицу пенсионером, фотографом Эмилем Гольдфусом, пошли двое. Шляпа, темная соломенная шляпа с белой лентой, служила отличным ориентиром, не давала Эмилю Гольдфусу затеряться в толпе.

Было жарко. Гольдфус скинул пиджак и нес его в руке. Но шляпу он не снял. За ней и топали агенты «наружки».

В подъезд гостиницы Лэтэм на 28-й улице вошел Эмиль Гольдфус — и перестал существовать. На старом астматическом лифте на восьмой этаж поднялся постоянный жилец отеля Мартин Коллинз. Он прошел в комнату 839.

По имевшимся у него документам, Мартин Коллинз был старше Эмиля Гольдфуса. Он родился 15 июля 1897 года. Не имея определенных занятий, Мартин Коллинз аккуратно платил за комнату и был идеальным, незаметным жильцом.

Кроме возраста, Мартин Коллинз отличался от Эмиля Гольдфуса еще и тем, что если свидетельство о рождении пенсионера-фотографа принадлежало появи-

вшемуся когда-то на свет, но умершему во младенчестве сыну немецких эмигрантов, то Мартина Коллинза вообще никогда не существовало. Свидетельство о его рождении было фальшивым.

Эмиль Гольдфус — Мартин Коллинз!

Было жарко. В те годы кондиционеры были редкостью. Мартин Коллинз спал голый, не прикрывшись даже простыней, когда в семь утра в дверь комнаты 839 постучали.

«К этому моменту разведчик готовился всю свою жизнь!»

...В комнату Мартина Коллинза вошли дежурившие в соседней комнате агенты ФБР. Он встретил их, завернувшись в простыню.

«Они меня застали без порток!» — скажет он потом своему адвокату Доновану.

— Полковник,— сказал сотрудник ФБР Гамбер,— нам известно о вашей шпионской деятельности.

«Раз назвали полковником,— говорил мне потом Вилли,— значит, сведения у них были от Хейханнена».

Человека, которого арестовали и осудили в 1957 году в Соединенных Штатах под именем Рудольфа Ивановича Абеля, звали Вильям Генрихович Фишер.

Настоящий Рудольф Иванович Абель, тоже офицер КГБ, умер в 1957 году в Москве и похоронен на Немецком кладбище.

Друзья и близкие называли моего друга Вилли. Так буду называть его и я.

Мы подружились с ним в годы войны, потом долгое время не виделись, а затем снова дружили — до самой его смерти в 1971 году. Вилли мало говорил о своей работе, и выводы, к которым я пришел относительно его миссии в Соединенных Штатах,— это результаты моих наблюдений, внимательного прочтения опубликованных материалов, умозаключений, подкрепленных отдельными его замечаниями. Или молчанием.

Любивший похвастать своими литературными способностями, Вилли дал мне однажды почитать рассказик, сочиненный им для какого-то закрытого издания, чего-то вроде стенгазеты, бюллетеня или учебника Главного Первого управления. Пояснил, что все у него описано точно.

В Нью-Йорке накануне 7 ноября он заехал в определенный гастрономический магазинчик и купил там жареную курицу. Не помню уже, кто ему ее продал: хозяин или продавец. Привезя курицу домой, он вынул из ножки кость, развинтил, достал оттуда микрофильм, расправил его и изображение спроецировал на стену. Колонки цифр Вилли списал на бумажку и расшифровал. Это было поздравление от начальства по случаю годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Какой именно, Вилли не указывал из соображений секретности.

Рассказик заканчивался тем, что, прочитав шифровку и уничтожив бумажку и микрофильм, Вилли, согретый вниманием чуткого начальства, никогда не забывающего верных сынов Родины, умиленный и просветленный, садится за скромный праздничный стол. Он поднимает бокал за мировую революцию, чокается с бутылкой «Либфрауенмильх» и закусывает конспиративной курицей, в то время как стоящий на столе приемник доносит до него голос московского диктора и грохот танков на Красной площади. В далекой столице начинается праздничный парад. А в логове врага, где народ еще спит, бдит доблестный советский разведчик.

Я спросил Вилли, не кажется ли ему, что у молодых сотрудников, в назидание которым писался этот рассказ, может зародиться мысль, что служебные мозги и деньги тратятся на ерунду? Это во-первых. А во-вторых, не слишком ли подчеркнут контраст: в логове врага, который, как известно, без устали грозит нам атомной войной и порабощением, народ мирно спит, а в Москве грохочут танки?

Вилли немного обиделся и принялся доказывать, что поздравление начальства очень важно в условиях нелегальной работы, греет душу. А о боевой готовности нашей страны молодежи надо напоминать постоянно.

Допускаю, что не всех работающих за границей агентов Москва поздравляет так же хитроумно. Не Вилли выдумал такую систему связи. Но поездка через весь город в определенную лавочку, обработка курицы, микрофильм, расшифровка... Ради праздничного поздравления! Даже смахивает на «липу». Но Вилли говорил, что все было именно так... Тогда-то и возникла и стала крепнуть у меня мысль: а что если в Соединенных Штатах мой друг либо занимался ерундой, либо вообще не делал ничего? Возможно, с самого начала, а возможно, лишь ко времени ареста...

Все, кто писал о полковнике Абеле, подчеркивали, что он провалился из-за одной-единственной тактической ошибки. В студию на Фультон-стрит в Бруклине Вилли один-единственный раз привел своего помощника Рейно Хейханнена, человека, которому не доверял, который был ему глубоко антипатичен, с которым у него не было ничего общего.

Отправляясь на выполнение задания, майор государственной безопасности Рейно Хейханнен оставил в Советском Союзе жену и сына. В Финляндии, где он жил некоторое время, выправляя себе американский паспорт на имя Юджина Маки, он незадолго до своего отъезда в США женился на местной девушке по имени Ханна. Вилли утверждал, что он это сделал вопреки категорическому запрету начальства.

Майора Хейханнена вызвали в Москву. Не для того, однако, чтобы отчитать, а лишь для последней проверки его познаний в радиоделе, тайнописи и прочей шпионской премудрости. После чего дали ему кличку Вик, и корреспондент ТАСС в Хельсинки перевез его в багажнике своей машины через границу обратно в Финляндию.

Вместе со своей новой женой Юджин Маки отплыл в Америку, куда и прибыл 20 октября 1952 года.

Началась шпионская карьера Юджина Маки, по кличке Вик. В ней мы обнаруживаем много удивительного.

Первые одиннадцать месяцев по приезде в США он ничего не делает. Осматривается. Наконец, наклеив белую бумажку на дорожный знак в городском парке, дает знать, что прибыл, слежки за собой не заметил и готов встретиться с начальством. При первом же свидании с Марком (Вилли) Вик (Хейханнен) просит у него денег сверх положенного (нашел у кого просить!) и получает, естественно, отказ. Первый легкий конфликт.

Затем в течение двух с половиной лет Марк и Вик периодически встречаются. Начальник передает своему заместителю то деньги, то фото- и радиоаппаратуру, то фальшивые документы. Дважды посылает его в командировки, один раз предпринимает с ним совместную поездку. Немного. Все попытки Марка заставить Вика приступить к работе ни к чему не приводят. Так наступает 1955 год.

Марк требует, чтобы Вик серьезно занялся изучением английского языка. Напрасные усилия! Вик учится языку кое-как, с американцами почти не общается, живет замкнуто, пьет. Марк велит ему открыть магазин фотопринадлежностей. Вик снимает помещение, замазывает витрину белой краской, сваливает в углу коекакую аппаратуру, и на этом дело кончается. В своем будущем магазине Вик беспробудно пьет. Напившись, он скандалит, публично бьет жену. Дома происходят побоища. Окровавленного, с ножевой раной в бедре (он сам себя ранил), Вика однажды увозит вызванная соседями «скорая помощь». В другой раз на шум скандала в дом является полиция.

Вик покупает автомобиль, садится пьяный за руль, вызывает аварию, попадает в больницу. У него отбирают права.

Вилли просит Москву избавить его от такого помощника.

Уже после своего обмена на Пауэрса, вскоре по приезде в Москву, Вилли сказал мне, что не обнаружил в своем деле собственной депеши, в которой он указывал начальству на непригодность Хейханнена. Впоследствии он к этой теме не возвращался.

Вика не отозвали, а разрешили выехать в отпуск, одновременно поздравив с присвоением очередного звания — подполковника!

Принято считать, что, испугавшись наказания по возвращении в Москву, Хейханнен сбежал со страху. В поздравлении с присвоением звания он, мол, усмотрел попытку усыпить его бдительность, заманить.

Каковы бы ни были намерения Москвы в отношении Вика, в продолжении истории много непонятного.

24 апреля 1957 года новоиспеченный подполковник Рейно Хейханнен отплывает из Нью-Йорка в Европу на французском трансатлантическом лайнере «Либерте».

После всех усилий, которые он приложил, чтобы спровадить в Россию своего нерадивого заместителя, пунктуальный и педантичный Вилли наверняка доложил о радостном событии либо прямо в Москву, либо местной резидентуре.

Вику он перед отъездом терпеливо втолковал инструкции. По приезде в Париж позвонить по телефону Клебер 33-41 и сказать сотруднику советского консульства, который возьмет трубку: «Могу ли я отправить через вас две посылки в СССР, не прибегая к услугам компании Мори?» Это — сигнал, просьба о встрече. 1 мая Хейханнен в Париже, звонит. На следующий день происходит встреча.

Допустим, что Вилли не сразу сообщил в Москву об отъезде Вика. Допустим, что он уведомил об этом лишь кого-то из местных «товарищей под крышей», то есть работающих под прикрытием дипломатической неприкосновенности, а дальше сообщение, как не срочное, пошло диппочтой. Допустим, что для местного начальства отъезд заместителя негласного нью-йоркского резидента — событие незначительное. Но если того отзывают по требованию непосредственного начальника, то это все же событие!

Трудно допустить, что для парижской резидентуры приезд, пребывание и отъезд Вика — эпизод совсем уж ничтожный и не оставил никаких следов. Кто-то из сотрудников ответил на звонок, доложил начальству, пошел на встречу, дал Вику деньги и взял расписку. Эта незначительная сумма, обманом полученная в Париже, сыграет позже свою роль на суде — как дополнительная отрицательная характеристика Хейханнена.

Вернемся к Парижу. На следующий день после личной встречи и получения денег у Вика происходит «визуальная встреча» с сотрудником консульства. Своим появлением в условленном месте Вик сообщает, что он завтра отправляется в Западную Германию, оттуда в Западный Берлин, Восточный Берлин и Москву.

Допустим, что из Парижа не предупредили советскую резидентуру в ФРГ и что до Западного Берлина Вик был бы предоставлен самому себе. Но допустить, что в Восточном Берлине его никто не ждал и не хватились, когда он так и не появился,— уже трудно.

А Вик на следующий день после «визуальной встречи» является в американское посольство в Париже, просит политического убежища, говорит о своей шпионской работе, показывает в доказательство полую монетку — контейнер для микрофильмов.

Появление Вика в посольстве США вполне мотивировано. Даже чуть-чуть чрезмерно, пожалуй. Вспоминаю рассуждения моего бывшего доброго приятеля и шефа в Четвертом управлении Михаила Маклярского, много занимавшегося в начале войны засылкой агентуры в тыл к немцам. Их особенно много якобы добровольно оставалось при отступлении Красной Армии. Вспоминаются отдельные его рекомендации: «Будут допрашивать — не старайтесь казаться умнее собеседника. Умников никто не любит, никто им не верит! Говорить надо то, что от вас хотят слышать. И поменьше идеологии!» А начальник Четвертого управления Павел Анатольевич Судоплатов, напутствуя сотрудников, поучал их, кого им следует вербовать: «Ищите людей ущербных, неудачников, озлобленных, совершивших какиенибудь преступления».

А Хейханнен — случай простой и ясный: его побуждения низменны. Это облегчает контакт. Ведь идейные мотивы индивидуальны, расплывчаты и не всегда понятны, а с проворовавшимся пьяницей и развратником психологических проблем не возникает.

Представьте себе: к сотруднику посольства США в Париже, человеку, прошедшему специальную подготовку, возможно, выпускнику Гарвардского университета, знающему, вероятно, кроме родного английского, два-три языка, тренированному, аккуратно стриженному под бобрик, сыгравшему утром в теннис, принявшему душ, чисто выбритому, приходит неопрятный, безвкусно одетый, потный, с грязными ногтями, плохо выбритый, с утра воняющий водкой субъект. Субъект показывает развинчивающуюся монету, утверждает, что он советский подполковник, служит в «красной» разведке и, явно умирая от страха, несет какую-то ахинею.

Вся нехитрая психология этого неандертальца — как на ладони перед внимательно слушающими его (их, вероятно, двое) американцами. В примитивном мозгу о двух извилинах этого пьяницы и патологического бабника (о нем скажет позже адвокат Донован: «В армии США такой человек не стал бы даже капралом») все понятно с первого взгляда. Один из решающих аргументов: «Неужели они там, в Кремле, считают нас такими идиотами, чтобы подослать такого недоумка?»

Ну что вы, что вы! Разумеется, не считают!

Правда, кроме полой монетки и рассказов о тайниках: дупло старого дерева в парке, трещина в бетонной лестнице,— этот алкоголик ничего толком сообщить не может. Но чего же от него ждать? Если разговор затягивается, то память изменяет предателю, он впадает в пьяное оцепенение. Ну что же поделаешь, это естественно. Зато в нем нет притворства — разве что элементарная хитрость скотины...

Можно ли это использовать для серьезной разработки? Увы, нельзя! Ведь Марк считает, что Вик уехал в Москву, и в Нью-Йорке он уже полезным быть не может. Что же, проверим хотя бы, существует ли на самом деле этот Марк.

После своего появления в посольстве США Вик находится в Париже еще три недели. Затем его отправляют самолетом в Америку — ловить Марка, о котором теперь известно, что он самый главный советский шпион.

Между тем через четыре дня после отъезда Вика в Европу Марк уезжает из Нью-Йорка во Флориду. Остановившись там в гостинице Плаза в Дейтон-Бич под именем Мартина Коллинза, он пишет большой морской пейзаж и 17 мая возвращается в Нью-Йорк.

К этому времени прошло уже двадцать дней с момента исчезновения Вика! Почему не предупрежден об этом Марк? Или местное начальство Абеля об этом ничего не знает, или оно не имеет с ним связи, или оно не считает нужным его предупредить.

Или все происходящее давно предусмотрено? И все играют назначенные им роли?

Я уже не говорю о том, что для Марка было бы нормальным на время отсутствия своего заместителя Вика оставаться самому в Нью-Йорке. А он уезжает. Это может, конечно, означать, что Вилли вообще делать больше нечего.

Марк в Нью-Йорке. Он вернулся в гостиницу Лэтэм, в которой жил и раньше под именем Мартина Коллинза. Пожилой, спокойный, незаметный жилец, аккуратно платящий за комнату. Примелькавшаяся фигура. Здесь он может жить годами. Предатель Хейханнен никогда в этой гостинице не был и не знает имени, под которым Вилли в ней живет. Хейханнен знает только Марка и (случайно?) студию в Бруклине. Оставаясь Мартином Коллинзом и на худой конец сменив гостиницу, Вилли может раствориться в гигантском Нью-Йорке. Нельзя только появляться в студии на Фультон-стрит.

Через несколько дней после возвращения из Флориды Вилли с наступлением темноты отправляется в Бруклин в свою студию на Фультон-стрит.

Допустим, он не предупрежден. Тогда почему он не пришел открыто? Или он предупрежден. Тогда зачем он вообще пришел?

Но если абсолютно надо — пошли кого-нибудь (ему было кого послать) или приди днем, в сутолоке. Лето, соседи разъехались, он никого не встретит. Но он приходит вечером, зажигает в комнате свет, и агент наружного наблюдения, который через улицу следит за окном в бинокль, сразу видит его. Тогда Вилли надевает черную соломенную шляпу с белой лентой...

— Если вы заметили, что за вами следят,— поучал меня Вилли в 1942 году,— наденьте что-нибудь броское. Или возьмите в руки что-нибудь приметное. Наденьте клетчатую кепку, например, или шляпу, возьмите сверток. Затем — выбросив или спрятав шляпу, кепку, предмет — вы сбиваете хвост...

Однако в первый раз Марк уходит от наблюдения. Поскольку Вилли рассказывал мне, как он это сделал, то нельзя полагать, что он хвоста не заметил и оторвался от него случайно. Не мог он считать случайным и наблюдение. В Соединенных Штатах «просто так» не установят слежку за ничем не примечательным пенсионером-фотографом.

Так что даже если допустить, что Москва не сообщила об исчезновении Вика в пути, что местная резидентура не успела или не сумела предупредить Марка об опасности, то он, заметив слежку и уйдя от нее (ведь в первый раз, по показаниям агента Хейнера, он от слежки ушел), мог и должен был либо бежать, либо затаиться. Только не возвращаться на Фультон-стрит.

Он туда возвращается. Допустим, что ему надо было уничтожить компрометирующие материалы. Почему он этого не сделал в первый приход? Он этого не делает и сейчас. Агенты ФБР найдут в студии аппаратуру, пленки, шифры, полые карандаши и запонки. А он возвращается снова и снова, пока не приведет хвост на 28-ю улицу в гостиницу Лэтэм.

— Когда я шел к себе, заметил, что дверь соседней комнаты чуть приоткрыта. Почувствовал, что оттуда за мной наблюдают.

Так он мне говорил после возвращения. Он видел, что комната оцеплена. Он заперся у себя в номере. У него было время, чтобы уничтожить весь компрометирующий материал.

И тогда старый шпион Вилли Фишер, работающий в разведке с 1927 года, раздевается и ложится спать среди разбросанных по комнате записей, копий депеш, тайничков с шифрами, микрофильмов с письмами из дому...

Жарко, и он спит голый поверх одеяла, не закрывшись даже простыней.

Утром в дверь стучат:

«Полковник, нам известно о вашей шпионской деятельности!»

Вилли со все большим смаком и умножающимися подробностями рассказывал потом, как, попросив разрешения самому уложить чемодан, он под носом у сотрудников ФБР уничтожил компрометирующие материалы. Но это потом, а пока оказывается, что трясущийся от страха Вик сказал правду: Марк существует. Доказательства его шпионской деятельности разбросаны по комнате в гостинице Лэтэм. Позже их обнаружат и в его студии в Бруклине. Улик и следов сколько угодно. Правда, они никуда не ведут. Но это потому, что Марк, умный и хитрый, сумел спрятать концы.

Есть лишь одна ниточка, которая, потяни за нее как следует, могла бы навести на интересный след. Среди захваченных в гостинице Лэтэм вещей — две фотографии каких-то людей. На обороте одной из них написано: «Ширли и Морис».

Неужели мог опытный шпион Вилли Фишер так легкомысленно держать у себя, особенно в ночь, когда он, по его же словам, подозревал, что комната оцеплена и что его придут брать, фотографии этих людей? Ведь это его старые друзья «Питер и Лона», то есть Лона и Морис Коэн. Я однажды застал их у Вилли на даче, где они были частными гостями, после того как их обменяли на Джеральда Брука и они вернулись из Англии, отбыв там несколько лет тюрьмы за шпионаж под именем супругов Крогер.

Такая находка должна бы начисто опровергнуть всякую мысль о том, что Вилли ждал ареста, не стремился его избежать и сознательно оставил у себя в комнате достаточно инкриминирующие, но никуда не ведущие доказательства своей шпионской деятельности.

На первый взгляд такое возражение справедливо. Но к моменту ареста Вилли знал только, что Коэны, с которыми он встречался и, очевидно, работал сразу после приезда в Нью-Йорк, давно уехали в Советский Союз, потому что в США им грозило разоблачение и арест (так он мне говорил). Так что он вполне спокойно оставить фотографию своих друзей на поживу ФБР. Их розыск никуда не привел бы, укрепив статус «полковника Абеля» как важного советского резидента.

И это было бы справедливо, находись Лона в Морис Коэн на покое в Москве. Но они уже выполняли новое задание в Англии, куда их отправили вскоре после их бегства из США. Вилли утверждал, что ему и в голову не приходило, что после провала в Америке его друзей снова послали куда-нибудь за границу.

Успокоимся, однако: хотя Центр и совершил грубую, с точки зрения Вилли, ошибку, послав Коэнов на нелегальную работу в Англии, хотя сам Вилли и допустил просчет, держа у себя фотографии людей, как-никак державших в свое время связь с супругами Розенберг, его друзьям это не повредило. Найденная в гостинице Лэтэм фотография никуда никого не привела, а «супругов Крогер», приехавших в Англию в 1954 году, английская контрразведка арестовала лишь потому (в 1961 году), что один из агентов их «патрона» Гордона Лонсдейля (Конона Молодого), некий Харри Хаутон, пропивал в кабаках больше, чем зарабатывал, и тем привлек к себе внимание.

Арестованного Вилли увезли в Техас. А когда через несколько дней его спросили, кто же он и откуда, он ответил, что он — гражданин СССР, полковник и зовут его Рудольф Иванович Абель. И потребовал, чтобы его выслали в Советский Союз.

Так, пройдя через переходный шлюз Мартина Коллинза, Эмиль Гольдфус стал Рудольфом Абелем. Исторической фигурой. Человеком, которого будут судить на глазах всего мира, приговорят к 30 годам заключения и обменяют на Гарри Пауэрса.

Некоторые американские газеты писали, что, признавшись в том, что он разведчик, назвавшись полковником Абелем, человек, известный многим как Эмиль Гольдфус, пенсионер-фотограф, «сбросил маску».

По-моему, он именно тогда ее надел!

«НЕ ЗАБЫВАЙ, ЧТО МЫ НЕМЦЫ...»

Вилли умер 15 ноября 1971 года в онкологическом институте на Каширском шоссе в Москве. Умер от рака легких, давшего метастазы в позвоночник, в страшных мучениях, в полном сознании, мужественно и достойно.

В двадцатые годы в Москве вышли воспоминания отца Вилли, Генриха Фишера.

«Родился я,— писал Генрих Фишер,— в 1871 году в имении князей Куракиных Ярославской губернии, Мологского уезда. Родители мои были немцы, выписанные князем из Германии. Отец был скотовод и, по тогдашнему времени, ветеринар-практик. Были они вывезены из Германии еще до освобождения крестьян. Все время служили у Куракиных: отец — скотоводом, мельником, лесничим, пользуясь среди крестьян большим авторитетом как ветеринар, мать — как большая специалистка по куроводству. К ним за советом крестьяне приезжали за 20—30 верст. Мать за свои труды получала натурой, отец также натурой, но только в другом виде: когда он ездил на базар, крестьяне считали своей обязанностью угостить его за то, что он помог отелиться Буренушке или Пеструшке, помог чалой кобыле ожеребиться, или за какие-либо другие услуги. Угощение обычно кончалось тем, что отца, мертвецки пьяного, укладывали в сани и направляли с лошадью домой. Они знали, что лошадь обязательно привезет его домой. Лошадь привозила его целым и невредимым».

Судя по воспоминаниям, не зарекался пить и Генрих.

Мальчика сразу стали пристраивать к делу. Он помогал варить обед, мыл посуду, чистил самовары и медную посуду, чинил белье, штопал чулки, колол дрова. Посещая школу, за плату давал уроки отстающим. На время каникул мальчика устраивали работать в контору за 13 рублей в месяц.

— Для того чтобы хорошо выучиться работать,— говорил крестный маленькому Генриху,— надо быть вором.

— Не пойму, крестный, зачем быть вором?

— Учись воровать глазами. Если кто делает что-то, тебе неизвестное, смотри в оба и учись делать сам.

Этому искусству маленький Генрих научился и обучил потом своего сына Вилли. Я никогда не встречал человека, так легко перенимавшего все, что умел делать кто-нибудь другой.

А папа Генрих, научившись обрабатывать металл и полюбив это дело, сразу, как только кончил городское училище, пошел учеником на завод и стал рабочим-металлистом.

В воспоминаниях Генриха Фишера постоянно встречаешь напоминания о его немецком происхождении. В детстве, школьником, он — как лютеранин — освобожден от посещения уроков Закона Божия; в воскресенье с семьей крестного он ходит в лютеранскую церковь.

В шестнадцать лет он, окончив городское училище, первую «взрослую» работу на заводе Гольдберга получает по объявлению в немецкой газете, которую крестный выписывал из Петербурга. И дальше сплошь да рядом читаешь замечания: «встретив знакомого-немца», «управляющий был немец, и меня тотчас же приняли на работу».

Так от немца к немцу переходил Генрих Фишер с завода на завод, не задерживаясь на плохих, подольше работая на хороших.

Описание некоторых заводов, например завода Сименса и Гальске или завода Адмиралтейства, мало похожи на стандартные представления о закопченных бараках и перемазанных рабочих. Там в просторных, хорошо проветриваемых помещениях царили порядок и чистота.

Будь, однако, завод хорош или плох, будь заработок высок или низок, Генрих Фишер повсюду занимался одним и тем же: организовывал и просвещал рабочих, вел кружки, вдохновлял на забастовки.

Был он профессиональный революционер. Или, вернее, полупрофессиональный. Отдавая революции силы и время, он жил не за счет партии, а на свой рабочий заработок.

Откроем старое издание Большой Советской Энциклопедии. Страница 675:

«ФИШЕР, Генрих Матвеевич (1871—1935), один из первых русских рабочих-демократов, с.-д., металлист. С начала 90-х гг. входил в рабочие кружки Петербурга; знал В. И. Ленина. Руководил рабочими пропагандистскими кружками. В 1889 году арестован и привлечен к дознанию по делу группы народовольцев. Отбыл 3 года гласного надзора в Архангельской губ. и выехал в Саратов, где входил в «рабочий комитет» из ссыльных рабочих и участвовал в 1900 в издании печатавшейся на гектографе «Рабочей газеты». В 1891 уехал за границу и поселился надолго в Англии, где принимал участие в рабочем движении. Участвовал в организации склада оружия для отправки его в Россию. С образованием английской компартии вошел в ее ряды. В 1921 вернулся в СССР, вступил в ВКП(б). Работал на хозяйственных должностях».*

Ленина Фишер действительно знал. Не слишком близко, но знал. В 1893 году в Петербурге встречался с ним по поводу только что вышедшей книги «Очерки пореформенного хозяйства», автор которой занимал неправильные, с точки зрения Ленина, позиции. Второй раз он его встретил в Лондоне. Это было 14 лет спустя, на V съезде партии.

«По сравнению с тем, как я знал Владимира Ильича раньше, в Питере, он мало изменился. Немножко более возмужал. Да за 14 лет мы все возмужали немного. Стал более солидным, и взгляд его стал более проницательным. Вел он себя очень просто, со всеми разговаривал, кто к нему обращался, и никакого высокомерия по отношению к другим не проявлял. Одним словом, по наружности никак не походит на вождя. В нем ничего не было напускного, высокомерного, всего того, что сразу бросалось в глаза в некоторых других, например Макдональде, Гайндмане, Троцком».

Знал ли Генрих Фишер уже в 1907 году, кто — вождь, причем «самый человечный из людей», а кто — далекий от народа, от пролетариата, высокомерный лжереволюционер? Или это понимание пришло к нему позже, когда, вернувшись в 1921 году в Россию, он с семьей поселился в Кремле?

Вернемся, однако, немного назад:

В 1900 году, после ссылки, во избежание новых неприятностей Фишер решил покинуть Россию, где ему, как неблагонадежному, отказали в подданстве. Якобы репатриируясь в Германию, он поехал, однако, не на родину отца, а в Англию.

Почему? Прежде всего, в Германии пришлось бы служить в армии. Почему не в Америку? Далеко. Да Фишер за океан и не стремился. Он покинул Россию не в поисках счастья и богатства, а лишь для того, чтобы издалека заниматься свержением царя и совершением революции. В Англии, кроме того, были друзья.

В России с завода на завод он кочевал чаще всего по рекомендациям друзей и родственников немцев, а в Ан-

* На самом деле в 1900 г.

глию он приехал устраиваться уже по «партийной линии».

Вскоре по приезде Генрих Фишер нанимается строительным рабочим, получает двадцать пять шиллингов за пятидесятичасовую рабочую неделю. А вскоре с помощью партийных товарищей переходит на завод Армстронга. Платят ему 36 шиллингов за пятьдесят три часа в неделю.

Фишеры зажили «лучше, чем ожидали, будучи в России». Вскоре заработок стал уже два фунта в неделю.

В воспоминаниях Фишера эти бытовые подробности и личные моменты еле всплывают в потоке слов «явка», «переправка», «шифр», «Искра».

А крошка Вилли рос, ходил в школу, играл в футбол, тайком курил в уборной. Уборная, разумеется, находилась во дворе. Вилли потрошил окурки отцовских сигарет, покупал папиросную бумагу и, запершись в сортире, курил самокрутки, уверенный, что никто ни о чем не догадывается.

Вилли было лет четырнадцать, когда, запустив однажды руку в тайник с курительными сокровищами, он вместо мешочка с окурками, бумаг и спичек обнаружил там пачку сигарет. Тех самых, которые курил отец.

В тот день Вилли внимательно следил за выражением лица Генриха Матвеевича. Но лицо оставалось непроницаемым. И лишь когда мать вышла на кухню, отец украдкой подмигнул сыну.

Четверть века спустя Вилли несколько раз рассказывал мне эту историю:

— Отец мне тогда преподал урок выдержки!

Выдержка! И заговор отца с сыном!

Для Вилли отец навсегда остался образцом собранности, универсального умения, энергии и безоглядной преданности партии.

Это наследство он и принял полностью.

К способностям отца, умевшего делать все своими руками, даже готовить, Вилли добавил живопись и игру на гитаре. Отец умел играть только на гармони. Его охотно приглашали на свадьбы и вечеринки.

Как великую честь воспринял юный Вилли возможность помогать отцу в его заговорщицкой революционной работе. Мальчишкой он уже раздавал листовки, бегал на «явки», «обеспечивая связь» как полноправный участник движения «Руки прочь от России». Вел пропаганду среди солдат и населения. Обо всем этом мне Вилли подробно рассказывал. А Генрих Фишер в своих воспоминаниях ни словом не упоминает о помощи сына.

Надо полагать, что уже когда началась первая мировая война, история со складами оружия была забыта. *Папа Фишер пишет о тех днях: «Началась шовинистическая вакханалия. Меня рассчитали с завода, на котором я проработал 13 лет, просто потому, что я немецкой национальности. Поступил на другой завод — оттуда с полицейскими вывели. И все это несмотря на то, что я уже принял английское подданство»* (выделено мной.— *К. Х.*).

Замечу, что способность искренне возмущаться как вопиющей несправедливостью любым неприятным поступком «чужих» Вилли унаследовал от отца полностью. Как он клеймил американцев за то, что арестовали его! Да еще при исполнении правительственного задания!

Особую активность семья Фишеров развивает после Октябрьской революции. Но когда советская власть укрепилась и кампания «Руки прочь от России» сворачивается, папа Фишер подает заявление с просьбой выдать ему заграничный паспорт. Он хочет покинуть Англию.

А 21 июля 1920 года получает отдельный паспорт за номером 207393 подданный Короны Вильям Август Фишер, родившийся от принявших британское подданство родителей 11 июля 1903 года в городе Ньюкастле-на-Тайне.

Пройдет несколько лет, и сын профессионального революционера, обрусевшего немца и британского подданного Генри Фишера Вилли под своим именем и с подлинным паспортом вернется в страну, где он родился и вырос, чтобы начать именно там свой путь советского разведчика.

Его встретит во Франции, сопроводит через Ла-Манш и будет руководить какое-то время его работой старший товарищ по кличке Швед. Он же Никольский, он же Александр Орлов.

* * *

Лирическое отступление.

Когда в 1921 году Вилли покидал родную Англию, отправляясь в Москву, из России в Лондон выехал молодой физик Петр Капица.

Десять лет спустя Капица сделал блестящую карьеру, стал научной звездой мирового значения, жил и работал в Кембридже у Резерфорда и не собирался возвращаться в СССР.

Сталин, однако, решил, что Капицу следует вернуть домой.

Сначала действовали деликатно. Но письма коллег, официальные демарши советских представителей, уговоры посланцев из России не достигали цели. Капица в Москву не ехал.

Тогдашнему советскому резиденту в Англии Орлову-Шведу пришла в голову мысль.

На жизненном пути Капицы встретился недавно приехавший из Советской России молодой инженер, англичанин. Молодой Вилли Фишер, женатый на русской, толковый техник, работяга, не только очень прилично говорил по-русски, но и знал условия жизни в Союзе. Он ведь несколько лет работал там по контракту. О стране, где Капица родился и вырос, учился, где оставил стольких друзей, молодой англичанин говорил без устали и с восторгом. Из его рассказов рождалась старая, как советская власть, картина: условия в России изменились, они уже не те, что были раньше. Там живется лучше, главное — дышится свободнее. Да зачем рассказывать? Самое лучшее — поезжайте, посмотрите сами.

Это говорил человек, который не мог быть заинтересован лично в том, чтобы склонить Капицу к поездке. Это говорил англичанин Вилли Фишер.

Теперь уже Капица по-иному слушал аргументы своих московских друзей: ведь их аргументы совпадали с тем, что он слышал от совершенно объективного советчика.

Он поехал. Назад его не выпустили.

О контакте с Капицей Вилли говорил мне еще во время войны. После возвращения из США он так изменился, что я даже не решился напомнить ему об этом неблаговидном задании его молодости. Один только раз, издалека, завел я разговор на эту тему — и сразу замолк, поняв, что Вилли неприятно и больно об этом вспоминать.

Когда возник и предстал перед американским судом «полковник Абель», живший тогда в США организатор этой операции Швед-Орлов мог о ней рассказать.

Ну и что, скажете вы. В действиях Вилли в данном случае не было криминала. Да и времени прошло с тех пор немало.

Верно. Но произошел бы сдвиг перспективы. Оказалось бы, что для обаятельного и благородного, энциклопедически образованного «полковника Абеля» физика — не хобби, а часть подготовки к нравственно малопривлекательному заданию. Согласитесь: если человек научился играть на скрипке, потому что он меломан,— это одно, а если для того лишь, чтобы завоевать доверие своей жертвы, проникнуть в дом и зарубить топором,— это другое.

Кроме того, это было бы сильным ударом по системе защиты адвоката Донована, пытавшегося доказать, что его клиент не занимался атомным шпионажем.

ДОМОВОЙ НА РЮ БУАЛО

ВЛАДИМИР СОСИНСКИЙ

Владимир Сосинский (1900—1987) — писатель с удивительной литературной и человеческой судьбой. Едва окончив реальное училище, он оказался в кавалерии Врангелевской армии. Быстро разочаровавшись в Белом движении, он все же, как дворянин и офицер, давший присягу, честно прошел гражданскую до конца. И даже получил из рук барона Врангеля орден Николая Чудотворца за «взятие Перекопа с другой стороны», как он любил потом говаривать. После разгрома Белой Армии — обычный путь эмиграции: Крым, Константинополь, Болгария, Берлин, Париж. В Болгарии Вл. Сосинский познакомился с Вадимом Андреевым (сыном писателя Л. Н. Андреева) и Гайдо Газдановым, в Берлине он начал печататься (своим «литературным крестным отцом» он считал А. Н. Толстого, хотя на раннюю прозу Сосинского бóльшее влияние оказал Борис Пильняк), а оставшись в Париже, быстро оказался в центре эмигрантской литературной жизни.

В двадцатые годы русская зарубежная критика высоко ставила его рассказы. Вл. Сосинский считался наиболее талантливым из молодых прозаиков, наряду с Сириным (Набоковым) и Газдановым. Но бóльшую известность в эти годы он получил как критик и организатор литературных вечеров. Его восторженное принятие молодой советской литературы (Маяковского, Пастернака, Пильняка, Бабеля), дружба с Цветаевой, Поплавским, Ремизовым отнесли его к «левым». Консервативно настроенный Иван Бунин, подавая ему два пальца, язвительно говорил: «А, товарищ Сосинский, ну как стишки-с?» прекрасно зная, что кроме прозы тот ничего не писал. А Мережковский и Ходасевич даже написали на него донос во французское министерство иностранных дел за чрезмерно ретивую защиту Марины Цветаевой от оскорблений «правой» критики (Сосинский нанес общественную пощечину литератору Ю. Терапиано и вызвал его на дуэль).

Лишенная читателя, эмигрантская литература после расцвета двадцатых годов постепенно вымирала; на время перестал писать и Вл. Сосинский. Он женился (на дочке эсера В. М. Чернова), но спокойная парижская жизнь длилась недолго: вторая мировая война, Сосинский вновь доброволец (в этот раз в Иностранном Легионе французской армии), вновь подвиги на поле брани, вновь высшие боевые ордена, вновь поражение, а затем плен в Германии, французское Сопротивление, победа.

После войны благодаря поддержке А. М. Ремизова он получает работу редактора в Секретариате ООН и переезжает с семьей в Нью-Йорк. Выйдя на пенсию в 1960 году, Вл. Сосинский окончательно возвращается в Россию, в надежде наконец обрести своего читателя. Но этой надежде не суждено было сбыться при его жизни: ему не хватает необходимого лицемерия, чтобы стать советским писателем (даже в относительно либеральное хрущевское время). Однако последние годы жизни в Москве он считал самыми счастливыми: в ставшей знаменитой, открытой для всех квартире 13 на Ленинском, 144 он окружен литературной молодежью и обретает не столько читателей, сколько слушателей — его неподражаемые устные рассказы и блистательные неофициальные лекции об эмигрантской литературе, в частности о Цветаевой и Ремизове, пользуются неизменным успехом.

В сущности, предлагаемый материал возник из таких лекций. С А. М. Ремизовым В. Сосинского связывала многолетняя дружба, начавшаяся в двадцатые годы как преклонение начинающего писателя перед признанным мастером, а затем, в последние годы, сыгравшая роль в творчестве Ремизова. Вл. Сосинский сумел найти в США, как теперь говорят, «спонсора» для финансирования парижского издательства «Оплешник»; в нем и вышли все последние вещи Алексея Михайловича Ремизова. Предлагаемые журналу «Родина» мемуары публикуются впервые.

Я было уже представил, как стою у дверей Ремизова на рю Буало и, не найдя никакого объявления, собираюсь позвонить, и таким образом хотел начать рассказ о встречах с Алексеем Михайловичем, как вдруг получаю из Парижа изумительную книгу «Огненная память» Н. В. Резниковой с трогательной дарственной надписью:

Милому моему дорогому
единственному
Володеньке — Наташа —
осень 1980

Прочтя, я понял: лучше я никогда не напишу — ну, так хоть зачин возьму у Наташи Резниковой.

«До войны в квартире Ремизовых поражала *торжественность и особенная тишина* (подчеркнуто мною.— *В. С.*), ритм установленного быта, приема гостей. На полках стояли книги, обернутые цветной бумагой; стены украшены какими-то удивительными вещами, развешенными с большим декоративным чувством.

Снаружи, к входной двери был прикреплен кнопкой голубой или зеленый кусочек бумаги с надписью, тщательно выведенной рукою Алексея Михайловича: «Висит зеленое и поет», а на свитой зеленой шерстинке никелевая монетка с дырочкой. Бывало, что дети срывали монетку, Алексей Михайлович деловито и терпеливо подвешивал новую.

Гости приходили вечером. Иногда дверь открывала Серафима Павловна, величественная, нарядная, в цветном платье. Встречала с улыбкой и лаской. После долгих поцелуев и приветствий вводила по коридору в «кукушкину комнату», где за письменным столом занимался Алексей Михайлович. Продолжая возиться и перебирать бумаги, А. М. здоровался так, *точно он только что расстался с вами:*

— Ну, рассказывайте!

Или сам сообщал что-то о чем-то или о ком-то, как *будто бы вам все известно* и он продолжает прерванный разговор. А. М. смотрел на вошедшего через круглые очки, улыбался, с ласковой внимательностью вглядываясь в лицо посетителя и создавая впечатление, что именно этот гость ему *интересен и важен.* Усаживая гостя против себя, А. М. сидел в своем кресле за письменным столом из простого дерева, раскрашенным красной и черной тушью, и обыкновенно рисовал.

На столе в определенном порядке стояли нужные и привычные вещи — чернильница, календарь, коробка с папиросами, большой коробок спичек, ручки, перья, карандаш, пресс-папье. Под лампой — Фейерменхен, матерчатый человечек, гном, или клоун (очень старая дама скажет «паяс»), в черном колпачке, с грустным и ласковым взглядом. Фейерменхен — дух огня, от него свет и тепло.

На стене, над изголовьем узкого дивана, на котором спал А. М., тикали часы: деревянная кукушка выходила из домика и куковала, отсчитывая свое, кукушкино, время. Возле нее, на фоне золотой бумаги — Эспри. Это сухая веточка, напоминающая фигурку человека с привязанной на шнурке гладкой шишкой. Эспри был найден в ящике с дровами. По комнате, между столом и потолком, протянуты бечевки, идущие к углу. Когда-то, в Петербурге, в углу помещался паук, к нему шли игрушки, подвешенные на нитках, паук ел их*. Разные звери, пражские пестрые человечки, деревянное красное сердце из Германии, клешня, носатая птица, символическое и колдовское: рыбьи скелеты — при их помощи шаманы вызывали бурю, тибетское ожерелье — подарок Рериха, веточки, тонкие косточки.

После приветствий, короткой беседы и обмена новостями А. М. проходил на кухню, ставил чайник. Сам заваривал крепкий душистый чай и укутывал чайник красно-рыжим колпаком. Все делалось чинно, по правилам, не спеша. С царственной улыбкой С. П. приглашает к столу, уставленному чашками, печеньем, сластями. С. П. умела и любила угощать.

После чая «своих» гостей С. П. звала к себе, в «Серафима-Павловнину комнату»...

...Потом переходили в «кукушкину». А. М. продолжает заниматься, но следит за разговором, *выглядывает из-за бумаг и смотрит сквозь круглые очки, вставляет свое слово.*

А. М. маленького роста, сгорбленный, на вид слабый, но у него большая сила в руках и крепость голоса, как будто не громкого, но всегда отчетливого и твердого.

А. М. всегда чем-то занят: или клеет обложки и обрамления из цветной бумаги — данная ему для прочтения книга возвращается в разноцветной обложке — будущие «collades»** для них он сохраняет серебро от шоколада, яркие бумажки. Среди его общей одаренности (слово, музыка, рисование) поражает своей оригинальностью и мастерством его графический дар.

В те годы А. М. рисовал тончайшим пером, вплетая в узоры лица, фигурки, зверей. Впоследствии, с постепенным ослаблением зрения, у него появится другая манера рисовать: уверенным росчерком толстой черты и затем выполнение подробностей и надписи тонким пером.

Прежде чем начать писать, А. М. должен увидеть, т. е. нарисовать, персонажей своего повествования.

Ремизовы постоянно перечитывают русских писателей, одного за другим, часто в присутствии зашедших гостей. А. М. читает вслух, подчеркивая карандашом на страницах книги то, что останавливает его внимание. Затем он рисует, изображая лица и сцены.

Утро и начало дня были посвящены работе. А. М. писал, С. П. или ходила в Школу восточных языков, где она читала лекции по русской палеографии, или занималась подготовкой лекции.

Гости «допускались» только с пяти часов вечера. По вечерам А. М. выходил из дому очень редко. Иногда Дягилев, Прокофьев, Кусевицкий присылали билеты в оперу.

С. П. ходила ко всенощной, в гости или по делам. В ее отсутствие А. М. сам открывал дверь гостям, усаживал возле себя, разговаривал и шутил, внимательно о чем-нибудь расспрашивал»*.

Почти одновременно с книгой об А. Ремизове Натальи Резниковой пришла ко мне и книга Александра Бахраха «По памяти, по записям». В ней имеется прелестный очерк «Ремизову было бы сто лет».

«Все это было так неправдоподобно давно, что теперь я даже не могу припомнить, как я познакомился с Ремизовым и кто впервые привел меня в его берлинское обиталище. Помню только, что, *перейдя его порог* (подчеркнуто мною.— В. С.), я почувствовал себя примерно так, *как сказочная Алиса, вступившая в потусторонне пространство.* Скромная, по-мещански меблированная квартира была приведена Ремизовым в «надлежащий» вид и была пропитана воздухом «взвихренной Руси», как он прозвал первые послеоктябрьские годы. Ремизовские комнаты были разукрашены каки-ми-то яркими бумажными вырезками, от стены к стене была протянута веревка, на которой висели елочные мишки и какие-то амулеты, то и дело куковала невпопад какая-то заводная кукушка, а поверх всего обитала в этом житье супружеская чета, даже по внешнему облику ни с какой другой не схожая — то ли Филемон и Бавкида, то ли «старосветские интеллигенты».

Однако, несмотря на все эти колдовские декорации, очень скоро можно было почувствовать, что хозяин причудливой квартиры не столько чародей, сколько мудрец, который своими чудачествами и своими — иногда каверзными — «шуточками» только испытывает посетителей.

За долгие годы общения с Ремизовым я успел узнать его довольно близко, хотя едва ли сумел отгадать до конца. Что-то он всегда хранил в себе «за семью печатями», чего-то никогда не договаривал — ни в своих автобиографических писаниях, ни в самых задушевных разговорах.

* * *

Ему исполнилось бы теперь сто лет... Значит, он родился в дни, когда царствовал Александр II и доживали свои последние годы Достоевский и Тургенев. А на другом конце его жизни оказалась уже даже не «взвихренная Русь», а советская страна, в которой не осталось в живых ни одного из спутников его жизни, страна, которая была наглухо для него закрыта, к которой он, может быть, тянулся, но где он был бы меньше «ко двору», чем в любой из стран западного мира. Для уроженца Замоскворечья, где при его рождении еще свежа была память об Аксаковых и Киреевских, для него — последнего из «славянофилов» в том лучшем, что связывается с этим понятием,— это было трагично.

И сегодня, думая о нем, я еще раз невольно вспоминаю, как всякий раз, когда я покидал его жилище на рю Буало, он через довольно длинный коридор провожал меня до дверей и неизменно произносил: «Ну, идите с Богом». Это ремизовское «Идите с Богом», сказанное ласковым, чуть вкрадчивым голосом, до сих пор раздается в моих ушах»*.

После столь суровой отповеди А. Бахраха моей стране я не могу удержаться от того, чтоб не привести из книги К. Федина «Горький среди нас» следующих строк из его рассказов.

«В году восемнадцатом, когда вокруг, знаете ли, пенилось от событий, ночью зовут меня к телефону. Некий матрос, видите ли, непременно желает со мной разговаривать. Подхожу. Голос такой серьезный: «Это товарищ Горький?» «Я». «А какое можете доказательство привести, что это — вы?» «Если бы,— отвечаю,— вы к Шаляпину звонили, он, может, пропел бы что-нибудь в телефон, а мне что прикажете делать?» «Ну,— говорит,— теперь я вас узнал по разговору, я прежде вас на митинге слышал. Нам,— говорит,— вот тут понадобилась справочка. Мы сейчас в одном доме на Троицкой обыск делаем, так попали в комнату — ничего понять не можем: с потолка *чегонашки* (подчеркнуто мною.— *В. С.*) разные свешиваются, картонные, а то — шерстяные, на стенках — ведьмаки да лешие, письмена в закорючках, может, научные, не разберешь. И хозяин сам — не то колдун, не то домовой, а говорит — я, дескать, писатель. Застали его — он из раскрашенных бумажек бесенят клеит...» «Постойте,— говорю,— фамилия его не Ремизов ли?» Матрос даже повеселел: «Значит, он вам и правда знаком? А мы,— говорит,— не поверили, что вы его знаете. Неужели он — писатель?» «Да,— говорю,— и притом *писатель известный, выдающийся*». «А мои братаны,— говорит,— попятились, как его увидели, думали — он не в своем уме». «Именно,— говорю,— в своем, только у него чудак». «Как же с ним быть?» «Оставьте его в покое». «А с чертями что теперь делать? — спрашивает.— Неудобно как-то». «И чертей,— говорю,— оставьте в неприкосновенности». «Всех?» «Всех до одного». Вздохнул серьезный товарищ: «Ладно,— говорит,— поступим согласно вашей справке. Разрешите, если еще на какого писателя нарвемся, опять к вам обратиться?» «Что же,— говорю,— обращайтесь, такое, видно, мое дело. Но желаю вам не попадать в столь затруднительное положение»**.

Сказочные украшения Кукушкиной комнаты на улице Буало не провожали Алексея Михайловича в последний путь, не провожали они и Серафиму Павловну, которая так же, как мы все, любила эти сказки, сказания и сказы, воплощенные из цветной бумаги или ткани в «чегонашки» и «ведьмаки», как хорошо назвал их горьковский матрос.

Эта история, о которой я хочу рассказать, носила трагический характер. Надо сказать, что, присматриваясь в течение долгих лет (1923—1957 — нашей дружбе около 35 лет) к Алексею Михайловичу, я пришел к выводу, что это был человек с обнаженными нервами: все вокруг, да и из книг, он воспринимал острее и глубже, чем это принято у людей... Конечно, это был дар Божий для писателя (никто после Достоевского так не описывал людские страдания), но беда для человека.

В 20-х и 30-х годах я дружил в Париже с французским писателем Жозефом Кесселем, в 1962 году ставшим членом Французской академии «бессмертных». Родился он в Аргентине в семье врача, русского по происхождению, учился в Оренбурге — 1905—1913. Во Франции стал летчиком. Из всех его книг для меня наиболее дорог и памятен «Экипаж» — первый роман в мировой литературе об авиации. Во Французском Сопротивлении 1940—1944 гг. он создал очень популярную «Песню партизан» на русский мотив. Из многочисленных его книг есть две из русской жизни — из гражданской войны «Махно и его еврейка» и из жизни русских эмигрантов во Франции «Княжеские ночи».

И горький сказ мой начинается с «Княжеских ночей» — будь им пусто! (Кстати сказать — обе книги эти никакой литературной ценности не имеют.) Побывал как-то в гостях у Ремизова Кессель — это было для французского писателя как бы традиционным паломничеством — и любовно описал в этом романе большого писателя и его оригинальный рабочий кабинет. И вот, когда по этому роману ставили фильм, кинобандиты со всей своей страшной и ослепляющей аппаратурой шумно ворвались в тихую Кукушкину комнату и стали снимать писателя и всех его «ведьмаков» и «чегонашек»! И тут же ошеломленному Алексею Михайловичу предложили подписать выгодный контракт, если он согласится в «Княжеских ночах» сыграть самого себя. Но тут уже Серафима Павловна Довгелло — заиграла в ней запорожская кровь — не выдержала, взорвалась и бешено набросилась с криками и руганью на «синеастов» и выставила их из своей квартиры.

Так вот это событие произвело на Ремизовых такое сильное впечатление, что они тут же, вернувшись в Кукушкину, не сговариваясь, молча, полные негодования, стали снимать с потолка и со стен все свои сказки, сказания, сказы и уничтожать самое дорогое, что у них было в жизни...

Меня привела в восхищение только что вышедшая книга Натальи Резниковой «Огненная память». Передо мной под светом абажура лежит полученное из Парижа письмо:

«12 января 1981 г.— Милый, дорогой Володенька, вот мы и начали новый, 1981-й год. Какой-то он будет? Я в восторге от того, что моя книга понравилась тебе, и благодарю тебя за добрые теплые слова. Здесь тоже она всем понравилась, кто ее прочел. Но писать вообще некому. Наш здешний литературный мир оскудел, нету критиков. Остался один Бахрах».

Принял я в книге Резниковой все, подписываюсь под каждой ее строкой, жалею только о том, что у меня не хватило таланта написать такую дивную книгу о любимом нашем писателе. И вот только расхожусь и в этом одном расхожусь в корне, а именно — «Успех Ремизова во Франции, широкое признание со стороны русских за рубежом, интерес к нему советских ученых, исследователей древнерусской литературы, в последние годы его жизни радовали и ободряли его. Но это признание шло вразрез с тем образом, который Ремизов создавал о себе в течение всего своего писательского пути: *образ непризнанного, отталкиваемого, гонимого жизнью и людьми человека*». (Подчеркнуто мною.— В. С.)

Нет, дорогая Наташа, в этом я совершенно с тобой не согласен. У Алексея Михайловича это было не что иное, как игра — из числа многих других игр, забав, мистификаций. Он всегда жил в мире ирреального, в выдумках, в фантазии. Боже, как он любил разыгрывать и обманывать людей, даже самых близких и любимых.

Была такая особая тетрадь у Ремизова — куда она делась? В архиве Н. Резниковой я ее не обнаружил, нет

* См. ниже рассказ о матросе Горького.

** Ни в одном словаре я не нашел русский эквивалент этому слову: на картон наклеиваются разного размера и цвета клочки бумаги.

* Н. В. Резникова. Огненная память. Воспоминания об Алексее Ремизове, Париж, 1980 г.

* А. Бахрах. По памяти, по записям. Литературные портреты «La Presse Libre». Париж, 1980.

** К. Федин. Горький среди нас. Картины литературной жизни.— Советский писатель. М., 1968. С. 111, 112.

ее и у Кодрянских, а собрать этот материал сейчас наново невозможно — куда Алексей Михайлович вклеивал газетные и журнальные вырезки о событиях, никогда нигде не происходивших, о людях, как он говорит в одном из своих писем ко мне, «апокрифических из Цвофирзона» (увы, не мог расшифровать это имя!) и даже о людях «действительно живущих». Помню хорошо, как потом ему за эти заметки, которые он усердно рассылал по всем периодическим изданиям — больше всего пострадали на этом Рига, Таллинн, Харбин и Шанхай,— как ему влетало от редакторов и пострадавших, когда правда обнаруживалась, и сколько вредил он самому себе, когда те, рассердившись, переставали его печатать вообще. Но чудачества эти ему были дороги (это нельзя назвать чудачествами — это было что-то более глубокое), и не так легко ему было от них отказаться.

Образ непризнанного, гонимого жизнью и людьми писателя (человека) был ему особенно дорог, и, чтобы его сделать, он по крохам собрал у своих излюбленных героев («Повесть о Стратилатове», «Корявка», «Горе-злосчастное», «По карнизам») этого Алексея Ремизова, о котором вспоминает Наталья Резникова в своей «Огненной памяти». Этот образ гонимого был еще дорог Алексею Михайловичу потому, что он был с его стороны чистой выдумкой, а, как известно, Ремизову всегда была дороже выдумка, ирреальность, сказка — чем реальное и реализм! Сон — чем явь!

И успех у французов и все прочее вовсе его так не радовало, к славе он был равнодушен и ценил у всего этого только переписку с сотрудниками Пушкинского Дома, исследователями древнерусской литературы: Р. П. Дмитриевой*, Д. С. Лихачевым, В. П. Адриановой-Перетц, Я. Лурье и особенно интенсивно с В. И. Малышевым, которого я первым делом по возвращении на Родину после сорокалетней с ней разлуки посетил в Ленинграде в 1960 году. И у меня он не раз бывал в Москве. И ценил эту переписку Алексей Михайлович только по соображениям научного обмена по любимому предмету: древнерусская литература, древнее письмо, которым сам владел в совершенстве, особенно почерком протопопа Аввакума!

Шутливо и с издевкой рассказывал Ремизов о своих «торговых» успехах, т. е. о своей славе, на мировом литературном рынке. Будет к месту сказать, что авангардное искусство нашего века — проза, живопись, музыка, танец — приняло Ремизова как своего, как желанного и любимого соратника. В Англии — четыре раза в году — издавался роскошный альманах — каждый номер издавался по-разному: «Весна», «Лето», «Осень» и «Зима», составленные из лучших произведений современных поэтов и прозаиков — не в переводах, а в оригинальной версии: по-английски, французски, немецки, испански и по-русски. Почти в каждом номере неизменно появлялся Алексей Ремизов на русском языке с его рисунками. Если его в номере не было, то обязательно были либо «Житие» протопопа Аввакума, либо «Апокалипсис нашего времени» Розанова, «Полунощники» Леонова, «О том, как исцелен был инок Еразм» Замятина либо «Соль» Бабеля.

Нет, не ошибаюсь я: равнодушен был к похвалам, как ребенок радовался лишь хуле и носился с нею, и, если печатная, вклеивал в особую тетрадку. Знал, конечно, свое высокое призвание в искусстве, прекрасно знал бесспорную силу своего слова, но не подавал виду. Был скромен, сдержан в обнаружении своих достоинств в отличие от горделивого Бунина и хвастливого донельзя Шмелева.

Искусство Алексея Ремизова — одно из самых передовых нашего века, самое авангардное. Недаром учились у него Замятин, «Серапионовы братья» (так как давно уже забыто, кто входил в эту литературную группу, возникшую в Петрограде в начале 1921 г., напомню главных: Вс. Иванов, М. Зощенко, В. Каверин, К. Федин, Ник. Тихонов), как бы нынче ни открещивался Л. Леонов, и он учился у Ремизова, как и В. Шкловский, Б. Пильняк. Из зарубежных наших соотечественников отмечу самого талантливого из его учеников Бориса Пантелеймонова.

Недаром так любили Ремизова художники-авангардисты — кто иллюстрировал его книги, особенно обложки,— Добужинский, Нарбут, Петров-Водкин, Рерих, Сомов, Чехонин — Весь Серебряный Век! А кем восхищался сам Ремизов? Кандинским, Пуни, Шагалом, Пикассо. В музыке, балете? Дружил с Рахманиновым, Стравинским, Прокофьевым, Набоковым, Артуром Лурье, Дягилевым, Сергеем Лифарём, Скрябиным, Карсавиной, Спесивцевой, Евреиновым...

На днях — вот только что — вышел в Лондоне знаменитый, нынче, наверное, лучший в мире ежемесячник по искусству «Леонардо». В нем большая статья о рисунках Алексея Михайловича — и репродукции с них в красках даны в окружении современных передовых художников. Статья эта касается того периода в жизни Ремизова, который сам автор в списке книг так определяет:

«1931—1949. Тут меня и прикончили. И стал я альбомы делать: рукопись с картинками. Больше 200 альбомов, больше 2000 рисунков. И сорвал правый глаз. Никогда не знаешь, что такое «чересчур».

Упоминается в английской статье Април Пайман всемирная выставка в Париже «Писатели рисуют» (1935), где главным судьей был Пикассо и где золото получил Ремизов.

Пора сказать, что Ремизов целиком принадлежит своеобразному направлению философии существования — экзистенциализму. Его создателями на Западе называют Николая Бердяева и Льва Шестова. Оно было близко Хемингуэю, Сент-Экзюпери, Камю, Сартру — с двумя последними Ремизов дружил. Своими предшественниками экзистенциалисты с площади Сент-Жермен де Пре считают Кьеркегора и Достоевского.

Много лет я дружил с Алексеем Михайловичем Ремизовым. Полюбил его страстной любовью еще до знакомства с ним в Париже, на Принцевых островах в Турции — дружбе нашей четверть века! Но дружба не прекращается со смертью одного из двух: прибавьте еще четверть века. Все крепко хранится в памяти: как прекрасно писала мне Ариадна Эфрон-Цветаева в письме на смерть моей Ариадны, «в памяти живы все, и кто жив, и кого уже давно нет». Но и сегодня, как 50 лет тому назад, когда я впервые переступил наиважнейший порог в моей жизни — порог в доме на рю Буало — хотя это был не дом, а скорее храм,— стою я перед загадкой: кто он, этот человеческий и писательский гений? Тайна для всех, тайна и для меня, не разгаданная и по сей день. Писать о том, что он писал, еще могу, но изобразить его, каким он был,— увы — нет сил.

Закончу это свое эссе о нем вот такими золотыми словами: «Я отстаиваю свою свободу в своеволии и, никому не повинуясь, иду своим путем».

Публикация и предисловие
АЛЕКСЕЯ СОСИНСКОГО

Москва
9 февраля 1981

* «Повесть о Петре и Февронии» в пересказе А. М. Ремизова вышла в XXVI сборнике Трудов Отдела древнерусской литературы 1971. Низко кланяюсь Дмитриевой за то, что она ухитрилась через 50 лет замалчивания напечатать труд Ремизова целиком в приложении к своей статье.

ГОСПОДА ГИМНАЗИСТЫ

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВА

МОСКОВСКАЯ АЛЬМА-МАТЕР

В 1804 году в России был высочайше утвержден новый Устав учебных заведений. По нему положено было иметь в каждом губернском городе по крайней мере одну гимназию вместо прежнего Главного народного училища.

Учреждение гимназий по Уставу 1804 года преследовало две цели: подготовку к университету и преподавание начального, но полного курса важнейших наук, «необходимых для благовоспитанного человека». На этом основании в программу включались прикладная и чистая математика (т. е. алгебра, геометрия, тригонометрия), физика, философия (логика, всеобщая грамматика, психология и нравоучение), изящные (эстетика и риторика) и политические науки (право естественное и право народное, политическая экономия), история с мифологией и древностями, география и статистика, естественная история, латинский, немецкий языки и рисование.

Уставы, направлявшие деятельность гимназий, обновлялись сравнительно часто. С 1828 года исключились естественные науки, кроме физики, все части прикладной математики, зато усиленно, с первого класса, стали изучать латинский и немецкий. Началось преподавание древних языков. Обучение продолжалось уже не четыре, а семь лет. Впоследствии был добавлен еще один класс. В 1864 году ввели новый устав гимназий и прогимназий, разделивший их на классические и реальные. Доступ в университет открывали только первые.

Поведение гимназистов определяли специальные правила, за исполнением которых строго следили. Так, 27 сентября 1895 года директор 1-й Московской мужской гимназии получил циркуляр попечителя учебного округа: *«До сведения моего дошло, что ученики средних учебных заведений г. Москвы, воспользовавшись ослаблением в летнее вакационное время надзора за ними со стороны педагогического персонала, стали позволять себе уклонения от установленной для них формы одежды и даже нарушения правил, предписанных г. министром народного просвещения относительно поведения учеников вне стен учебных заведений. Так... суконные фуражки делаются не установленной формы (по образцу офицерских), а с прямой тульей, на манер прусских, летним фуражкам придается совершенно произвольная форма, воротнички рубашек делаются цветные или полосатые, учебные принадлежности... носятся не в ранцах, а связанные ремнями или в платках. Ученики старших классов носят длинные волосы, усы и бороды, иногда встречаются на улицах ученики с тростями, в партикулярных пальто и даже в цветных рубашках (вместо форменных блуз) под форменными пальто. Что же касается поведения учащихся вне стен учебных заведений, то некоторые ученики, вопреки установленным для них правилам, посещают трактиры, кофейни и другие подобные заведения и прогуливаются в позднее время по Тверскому бульвару, Кузнецкому мосту и в пассажах, иногда даже вместе с женщинами вольного поведения».*

Как видим, правила регламентировали каждую мелочь и кроме всего прочего запрещали *«участвовать в публичных состязаниях, к какому бы роду спорта эти состязания ни относились, как-то: бегание на коньках, езда на велосипедах и т. п.»*. Надзор за гимназистами осуществляли помощники классных наставников, которые по установленной для них очереди посещали все «злачные» места города. О замеченных там нарушителях дисциплины незамедлительно сообщалось начальству. Например, 1 октября 1895 года на Кузнецком мосту были обнаружены гимназисты 1-й мужской гимназии Калнновский, Инштететов, Куртенер. В рапорте филера особо отмечалось, что последний ученик был одет в австрийскую куртку, имел большие усы и прогуливался с молодыми дамами.

С помощью специальных журналов, кондуитов, велся учет всех проступков. Курение, опоздания, прогулы, забытые учебники и балловые книжки, «буйное поведение»— за все следовала кара, чаще всего арест в карцере. Вот некий Игнатов *«грыз подсолнухи и производил шум их шелухой»*. Последовал арест в воскресенье на 4 часа. Монастырев Игорь, *«идя по гимназии, нес ранец в руках, а пальто накинутым на ранец»* — арест на 1 час после уроков. А любитель оперного пения Сергей Роговин, ученик 7-го класса, *«30 сентября 1902 года... отправился в Большой театр, пытаясь проникнуть на репетицию бенефиса Шаляпина, несмотря на запрещение полиции; подвергнут 4-часовому аресту»*. Таким образом, поведение гимназистов шлифовалось очень тщательно.

В 1887 году источники содержания гимназии распределялись так: из государственного казначейства — 34 041 рубль, из сбора за содержание воспитанников пансиона — 7235 рублей, из сбора за учение — 2070 рублей, от земства — 300 рублей, из процентов с пожертвованных капиталов — 3480 рублей. До 1838 года размер платы за обучение определялся лишь с разрешения министра народного просвещения. В 1-й гимназии сначала платили 12 рублей ассигнациями, с 1838 года сумма была повышена до 40 рублей, к 1903 году она выросла до 100 рублей в год. Дети служащих и сироты имели право на бесплатные занятия. Из суммы сбора половина назначалась на награды самым достойным учителям, остальное шло на пособия бедным ученикам.

Фундаментальная библиотека гимназии насчитывала 11 863 тома — 3193 названия. В среднем ежегодно поку-

НИКОЛАЙ БУГАЙ,
доктор исторических наук

РЕКЛАМНЫЙ ТРЮК ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ

Депортация... В переводе с латинского слово это означает «изгнание», «ссылка». В сороковые годы 3 374 306 человек были согнаны с родных мест и отправлены в отдаленные районы РСФСР, в Казахстан, Среднюю Азию — на тяготы и лишения, болезни и смерть.
Правители, как известно, не любят расписываться в собственных ошибках. Исключение, пожалуй, представляет вот эта история.

К наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии в марте 1945 года обратился член правительства Аджарской АССР, писатель Мухамед Абдулович Ванлеши.

«Дорогой Лаврентий Павлович!

Руководствуясь Вашим наставлением о работе среди лазов в области поднятия их политико-культурного уровня, я решился этим письмом сказать о переселении в районы Средней Азии значительной части лазского населения с территории Аджарии.

Постановлением Государственного комитета обороны лазы — грузины должны были остаться на территории Грузии, как коренные жители, однако в этой части это постановление было осуществлено только в отношении жителей селения Сарти Батумского района, лазы, живущие в остальных селах, которые имели со старых времен турецкие фамилии, оказались выселенными.

О выселенных лазах мною, как единственным писателем-лазом, своевременно были поданы заявления, но по этому делу я удовлетворительного ответа не получил, однако и заявления не были возвращены.

Только в Батумской районе из жителей-лазов было свыше 20 семей с общим количеством приблизительно до 160 душ.

Одновременно докладываю об исключительно патриотических проявлениях со стороны лазов в годы Отечественной войны путем посылки на фронт своих сынов и оказания фронту помощи в деле защиты Советской Родины.

Зная хорошо ту борьбу, которую провел грузинский народ против иностранных завоевателей, могу сказать, что грузинский народ, в том числе и лазы, сыграли величайшую роль в деле обороны Кавказа, и этой обороной непосредственно руководил достойный сын грузинского народа, в частности лазского народа, товарищ Лаврентий Павлович Берия.

Прошу Вашим вмешательством вернуть тех лазов, которые выселены ошибочно, следующих семейств и их членов: 1) Аджарел оглы (Аджаремши Мамеда), 2) Хаджи Осман оглы Хасана, 3) Хаджи Осман оглы Пехри, 4) Гулабер оглы Мусса и 4-х членов его семьи, 5) Камбур оглы Дурсул и 3-х членов его семьи, 6) Кур оглы Зекия и 2-х членов его семьи, 7) Досут оглы Казиля, 8) Шабан оглы Мемеда, Байназ оглы Джемала. Кроме этого — тех лазов, которые мне незнакомы.

С уважением Мухамед Ванлеши».

Берия заинтересовался письмом и, судя по всему, даже «расчувствовался». Резолюция, сделанная карандашом синего цвета, была следующего содержания: *«В. В. Чернышову — срочно проверить, произошла, по-видимому, ошибка, разыскать всех (!). Надо их вернуть — переговорить со мной. Л. Берия. 18 июня 1945 г.»*

Заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышов тотчас направил записку в отдел спецпоселений НКВД СССР М. Кузнецову: *«По указанию т. Берии необходимо: 1. Проверить через НКВД и НКГБ Грузии правильность указанных фамилий — и то, что это лазы. 2. После проверить через НКВД Узбекской, Казахской, Киргизской ССР, где эти люди находятся и нет ли других лазов, выселенных по ошибке. Составить список их и где они находятся. 3. Всех лазов необходимо вернуть на родину с расселением в Аджарии в районе Чичхе и в погранрайонах. Необходимо с НКВД Грузии разработать вопрос: где и как расселить и как наделить (дом, земля, инвентарь). Это обеспечит государственный аппарат, должны ущерб возместить. Быстро исправить свои ошибки. 30.6.45 г. Чернышов».*

И спустя всего двое суток он доложил: *«Лаврентий Павлович, все проверены, однако они по национальности — турки, возвращению не подлежат».*

В то же время было дано срочное указание наркоматам внутренних дел Узбекской (Ю. Бабаджанову), Киргизской (А. А. Пчелкину) и Казахской ССР (Н. К. Богданову) выяснить, где проживают лазы. *«Прошу срочно,— телеграфировал Чернышов,— выявить среди переселенцев из Грузинской ССР лиц по национальности лазов, составить списки, где проживали до переселения, выслать списки в НКВД СССР».*

Было получено донесение от наркома внутренних дел Грузии генерал-лейтенанта Г. Каранадзе. Он сообщал: *«Еще до получения Вашего письма к нам поступили ряд заявлений и жалоб от части переселенных из Аджарской АССР о их неправильном переселении. Эти жалобы были проверены, в результате чего было выявлено ошибочно переселенных лазов из Аджарской АССР в количестве 11 семей, в отношении которых весь проверочный материал с нашим заключением передан в Отдел спецпоселений НКВД СССР (Список лазов, ошибочно переселенных при этом, прилагается). ...Вновь выявлено 12 семейств лазов, также ошибочно переселенных из Аджарской АССР в Среднюю Азию, материал на которых с нашим заключением при этом представляется... По вопросу расселения возвратившихся лазов и о их хозяйственном обустройстве нами был поставлен вопрос перед Советом Народных Комиссаров Грузинской ССР. Своим отношением СНК Грузинской ССР сообщил, что ошибочно переселившиеся будут вселены обратно в свои дома с возвращением им оставленного имущества».*

Аппарат НКВД СССР усиленно работал по розыску лазов. Вскоре Чернышову доложили: лазы проживают в основном в Сузакском районе Джалал-Абадской области и в Янги-Наутском районе Ошской области Киргизской ССР. Было выявлено 68 лазов, из них 32 — в Казахстане, 29 — в Узбекистане и 7 — в Киргизии. Последовало постановление НКВД СССР (за подписью М. Кузнецова) о возвращении лазов в места их исконного проживания, а Берия получил доклад о завершении операции и сделал на нем пометку: *«Согласен. 8.X.1945 г.».* Лазы возвратились домой.

Пожалуй, лазы были единственными, кому так «повезло». По другим народностям выяснений не проводилось...

Фотография Евгения Халдея

палось 135 томов на сумму 288 рублей. Кроме того, работала и ученическая библиотека. Книг в ней было ненамного меньше, чем в фундаментальной. Для ускорения выдачи и облегчения выбора книг библиотекарь выдавал каждому ученику по печатному экземпляру систематического каталога, составленного библиотекарем.

Кабинеты гимназии изобиловали наглядными пособиями. Например, в физическом в 1904 году находилось 265 приборов, в естественно-историческом — 306 муляжей по зоологии и до 30 000 засушенных растений. Для преподавания зоологии и ботаники было приобретено 55 стенных картин, географии — 20 географических карт, 2 глобуса, 32 картины, для рисования — 166 гипсовых моделей и 13 из дерева и металла.

Насколько необычен был подход у изучению литературы и истории, можно судить хотя бы по списку тем, предложенных в 1869 году ученикам 7-го класса: «Значение сентенции: «Познай самого себя», «Нужда — великий учитель», «В чем состоит образование?», «Какое влияние на греков и римлян имели публичные речи?», «Недовольство собой: полезные и вредные стороны этого душевного состояния».

И, конечно, благодаря этой сильной подготовке, а не случайному стечению обстоятельств гимназия вырастила хороших учеников. Здесь учились известные математики В. Я. Цингер, Н. Я. Бугаев (отец поэта Андрея Белого), крупнейшие русские историки М. П. Погодин, С. М. Соловьев, М. С. Корелин, П. Н. Милюков, академик А. И. Соболевский, публицист и историк литературы В. Ф. Корш, профессор Московского университета Н. А. Умнов, крупный русский физик, директор Харьковского технологического института Д. С. Зернов, русский врач-акушер Н. И. Побединский, известный зоолог Г. А. Кожевников, драматург А. Н. Островский, правнук А. С. Пушкина А. Павлов, революционер Н. И. Бухарин, писатель И. Г. Эренбург...

Педагогический персонал Первой гимназии был тесно связан с Московским университетом. Для многих гимназическая кафедра была лишь начальной ступенью при переходе к профессорской, и имена их с уважением упоминаются в истории русского просвещения — С. М. Ивашковский, Д. С. Коссович, Н. С. Тихонравов, В. И. Сергеевич, И. Л. Дювернуа, Г. И. Перетяткович, А. И. Кирпичников, И. С. Ромека.

В памяти выпускников гимназии сохранился случай, характеризующий отношение преподавателей к ученикам. В 1836 году инспектором гимназии был назначен старший учитель математики П. Н. Погорельский, проявивший редкую энергию: улучшил состав надзирателей, усилил преподавание новых языков. В это время в гимназии учился очень старательный, способный мальчик из купеческой семьи. После того как сын закончил младшие классы, родители, по обычаю того времени, взяли его из гимназии и посадили за прилавок. П. Н. Погорельский, проходя как-то по Ножевой линии в Торговых рядах, увидел молодого торговца.

«Ты зачем здесь?» — был его вопрос. Узнав, в чем дело, математик направился к родителям и убедил их снова отдать сына в гимназию. Они согласились. Мальчик возвратился в гимназию, закончил ее, поступил в университет на медицинский факультет. Это был А. Г. Тарасенков, позднее домашний врач Н. В. Гоголя, оставивший описание последних дней жизни своего знаменитого пациента.

Первым директором гимназии был Петр Михайлович Дружинин. С 1807 по 1811 год он издавал в пользу учительских сирот «Журнал полезных изобретений в искусствах и ремеслах». Возвратившись в разоренную Наполеоном столицу, он принялся за восстановление училищ. Организовав университетскую типографию, начал издавать «Московские ведомости», где в начале 1814 года поместил объявление, приглашавшее разоренных неприятелем родителей отдавать детей в гимназию за небольшую плату. Благодаря своим связям, которыми, кстати, никогда ие пользовался для себя, Петр Михайлович много сделал и для других учебных заведений округа... Например, известный меценат Прокопий Демидов по инициативе Дружинина пожертвовал значительные суммы для высших учебных заведений, а греческий дворянин З. П. Зосима внес по просьбе директора 10 000 рублей ассигнациями для преподавания гимназистам греческого языка.

При гимназии была выстроена и своя церковь. 3 октября 1854 года произошло ее освящение во имя св. Стефана Пермского, память которого почитается 26 апреля — день открытия старой университетской гимназии и Московского университета.

В ПАНСИОНЕ РАЗНОЧИНЦЕВ

...Матушка решила отдать меня и брата в Московскую 1-ю гимназию (тогда в Москве было 3 гимназии и Дворянский институт).

Все экзамены для меня прошли благополучно, изо всего я выдержал, за исключением одного латинского языка у преподавателя Лебедева. Мне было тогда 13 лет. Гимназия в мое время была расположена в двух корпусах: в главном корпусе, против Храма Христа Спасителя, помещались пансионеры; в корпусе, который выходит на Пречистенский бульвар (где ныне помещается квартира попечителя и его канцелярия), находились классы приходящих учеников (они назывались у нас своекоштными) и классы смешанные, общие.

Нас отдали на житье в гимназию, в так называемый пансион разночинцев. При гимназии был еще пансион благородных. Второй отличался от первого тем, что в нем за бо́льшую плату немного лучше кормили. За нас, разночинцев, за каждого в год платили около 150 рублей сереб. Благородные помещались отдельно от разночинцев. На уроках мы сидели вместе. Привезли нас в гимназию, надели на нас серые нанковые брюки, черные куртки с медными пуговицами и с красным стоячим воротником, и началась для нас новая, школьная жизнь в закрытом заведении. Скучна, тяжела мне показалась на первый раз эта жизнь. Точно задавили меня, задушили стены казенного заведения. Ни одного приветливого, ласкового слова, хотя бы на первый раз, от кого-нибудь из воспитателей. Как птичка из клетки на волю, вырвался я из гимназии, когда в субботу за нами прислали лошадей. От радости бросился кучеру на шею.

Вставали мы и летом и зимою в 6 часов утра. Умывшись и одевшись, мы тотчас уходили в свои классы, где готовили уроки. В 8 ½ часов утра мы шли попарно в столовую, где после общей, хоровой молитвы нам давали утренний завтрак, состоявший из стакана сырого молока летом и кипяченого молока или сбитня зимою и куска черного хлеба. Желающие и имеющие деньги покупали белый хлеб к завтраку на свои деньги...

Благородным давали по стакану чаю с молоком и по четвертке белого хлеба (так называли мы четверть небольшого круглого хлеба). После завтрака мы шли опять попарно в классы на уроки. Уроки начинались в 9 часов и продолжались до 12. В это время было

2 урока, следовательно, урок продолжался 1 ½ часа с промежутком в ¼ часа. В 12 часов мы обедали. Обед был довольно сытный, состоял из 3 блюд, но не всегда доброкачественный. На третье блюдо нам обыкновенно подавали гречневую кашу.

Часто масло слишком отзывалось салом. После обеда весною, летом и осенью мы играли в саду перед домом гимназии. С 2 часов до 5 было опять 2 урока. В 5 часов нам разносили по куску черного хлеба. В 6 часов начинались так называемые репетиции: мы садились готовить уроки. В 8 часов оканчивались репетиции и нас вели в столовую ужинать. После ужина, до 9 часов, мы ходили по рекреационной зале, болтали между собою, а некоторые из нас, более прилежные и любознательные, становились где-нибудь у стены, подле лампы, и продолжали готовиться к урокам или читали какую-нибудь книгу. В 9 часов мы ложились спать.

Вся гимназия держалась инспектором Павлом Михайловичем Поповым, бывшим учителем словесности. Он был безотлучно в гимназии. Высокого роста, полный, крайне серьезный, на многих из нас он наводил страх; это была наша гроза.

Первый, кто подметил в гимназии выдающиеся способности будущего историка С. М. Соловьева, был П. М. Попов. Он умел возбудить в учениках охоту к занятиям, прекрасно разбирал классические произведения литературы и ученические сочинения и на этих разборах не только выучивал правильно писать, но и развивал таланты, у кого они были.

Закону Божию я начал учиться в гимназии у маститого старца, священника Соколова. Он был очень стар: трудно было разобрать, что он говорил на уроках, а в церкви, во время богослужения, он страшно заикался. Мы проходили с ним священную историю Ветхого Завета по краткой истории митрополита Филарета. Тексты Священного Писания учили мы почти все, без исключения, твердя наизусть. На окончательный экзамен в VII классе приехал к нам митрополит Филарет. Кто из москвичей, его современников, не помнит этого по внешности маленького, тщедушного человека, однако внушавшего к себе какое-то особое, высокое, благоговейное почитание? Мы страшно трусили митрополита не потому, что боялись не ответить из своего курса, который знали твердо,— мы боялись отдельных вопросов Филарета, которые всегда вызывали на известное размышление, требовали хотя некоторой философской подготовки, которой мы совершенно не имели.

Русскому языку учился я у Павла Евфимовича Басистова. Басистов учил нас хорошо, толково, разумно. Занимался с нами синтаксисом, читал отрывки из писателей по хрестоматии, и читал прекрасно, образцово; давал нам довольно практических упражнений, которые главным образом состояли в переводе на хороший, правильный русский язык небольших статей с французского или немецкого яз., Басистов тщательно исправлял наши переводы.

Латинскому языку я учился у Ивана Ивановича Лебедева. С латинского на русский переводили мы сначала буквально, слово в слово, затем нас заставляли переводить на хороший, по возможности литературный язык. После того спрашивали разбор: формы языка, синонимы; требовали непременно твердого, отчетливого знания всех форм, встречающихся в данном на уроке тексте. Помню, что в V классе мы переводили Цицерона, в VI — Тита Ливия, из поэтов читали Метаморфозы Овидия и Вергилия. Спрашивали нас очень часто, несмотря на большое число учеников в классе; редко проходило 2 урока, чтобы ученик остался не спрошен учителем.

ИЗ ПРАВИЛ ДЛЯ УЧЕНИКОВ МОСКОВСКОЙ 1-й ГИМНАЗИИ,

выработанные на заседании педагогического совета гимназии 9 и 18 октября 1907 года.

1. Все ученики должны исполнять религиозные обязанности своего исповедания.

3. Все ученики после летних, рождественских и пасхальных вакаций обязаны являться в гимназию непременно в назначенный начальством срок, в случае же неявки должно быть немедленно доставлено сведение о причине ее.

4. Как в учебное, так и в вакационное время ученики не имеют права выезжать из Москвы, не получив от начальства гимназии билета, выдаваемого лишь по заявлению родителей учеников или лиц, заступающих их место.

8. До окончания всех своих ежедневных уроков никто из учеников не должен самовольно уходить из гимназии без разрешения директора или инспектора.

13. В классе каждый ученик занимает определенное место и самовольно, не спросив на то дозволения классного наставника, не должен переменять его.

15. Ученики должны давать преподавателю ответ, даже и самый короткий, не иначе как вставая и держась прямо.

Греческий язык у нас был для желающих. Это была своего рода бифуркация. Никем не руководимый, без всякого соображения, я поступил на отделение учащихся греческому языку, в то время как брат мой поступил на отделение математическое.

Мы довольно читали авторов, приобретали навык в переводах с греческого языка на русский. Особенно хорошо мы занимались Гомером. Наш знаток классического мира, знаменитый министр, граф Сергей Семенович Уваров при одном посещении нашей гимназии был поражен знанием наизусть многих мест из Одиссеи моего товарища Малинина.

Нас учили, как умели, мы учились, как могли. Но мы учились по-гречески охотно. Никаких разговоров о пользе или бесполезности древних языков мы не сохранили. Мы просто учились тому, чему нас учили. Мы охотно готовы были исполнить всякую работу, предлагаемую нам преподавателем.

Истории, всеобщей и русской, учился я весь курс у одного учителя, Михаила Максимовича Богоявленского. Богоявленский был мастер рассказывать. Проходя историю последовательно в V, VI и VII классах, мы дошли во всеобщей истории до половины XVIII столетия, совсем не проходили большую французскую революцию; в русской истории остановились на вступлении на престол дома Романовых.

Географии в продолжение всего курса я учился у отличного учителя, Ивана Константиновича Разумова. Он преподавал так: сперва чертил сам на классной доске ту часть света или ту страну, которою мы занимались; чертил он превосходно, но без градусов, просто отлично изучивши очертание и рельеф страны; затем начинал по начерченному рисунку рассказывать урок. Учили мы географию очень подробно. Знали, например, во Франции все департаменты, в Англии все графства.

Вспомню о моем обучении по французскому языку в гимназии. Не сохранилось у меня в памяти, чтобы сколько-нибудь основательно занимались с нами синтаксисом. Письменных упражнений совсем не было. О французской литературе мы не имели понятия, но имели некоторый запас слов и при окончании курса могли переводить легкую прозу.

Я окончил курс гимназии на девятнадцатилетнем возрасте, в 1850 году. У меня была охота учиться. Я ни на минуту не задумался, идти ли мне в университет, или нет. Но на какой факультет, к чему себя готовить, я решительно не знал, а посоветовать было некому. Мне хотелось поступить в университет, чтобы слушать лекции по истории Грановского, о котором у нас в гимназии еще было много разговоров.

Воспитанник Московской 1-й гимназии выпуска 1850 года
М. ЛАКОМТЕ.

РУБРИКУ ВЕДЕТ
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ИНЖЕНЕР – ФОТОГРАФ

Д. П. Понсов

Сдано в набор 01.07.91. Подписано к печати 18.07.91. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,18. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 18,85. Тираж 113 510 экз. Заказ № 694. Цена 1 руб. 50 коп.

Адрес редакции: 109316, Москва, Волгоградский проспект, 26. Тел. 270-52-54.

Типография издательства «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.